

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

*О Высочайшемъ пребываніи ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА въ Москвѣ.*

Седьмого числа Марта, рано поутру, Кремль уже наполнился жителями столицы, споль внезапно обрадованными Высочайшимъ прибытіемъ Вселюбезнѣйшаго МОНАРХА, и горѣвшими неперпнѣемъ увидѣвъ Державнаго Героя - Миропворца, послѣ шолкихъ трудовъ, подъяшыхъ Венценосцемъ къ новой славѣ и новому могуществу возвеличенной ИМЪ Россіи, и осннвшихъ священное чело Помазанника Божія безсмертными лаврами и оливами!

Грому подобное ура! потрясло воздухъ, когда богопворимый НИКОЛАЙ показался взорамъ вѣрнопоподданныхъ, слившихся въ одномъ чувствѣ восторговъ и щасія! . . . Признашительный

МОНАРХЪ изъявлялъ милосію СВОЮ ласковою улыбкою, медленно шествуя въ Успенскій Соборъ и непрестанно кланяясь безчисленному народу, въ движеніяхъ радости невольно заграждавшему благоговѣйный путь ГОСУДАРЮ Благочестивому.

Не станемъ повторять того, что уже о Высочайшемъ пребываніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ сей столицѣ извѣстно по Московскимъ Вѣдомостямъ, читаемымъ во всей Имперіи всѣми состояніями. Но сохранимъ въ листкахъ своихъ нѣкоторыя подробности, всегда драгоценныя не только для современниковъ, но и для потомства при имени благихъ Царей.

Когда, на другой день по Высочайшемъ прибытіи, 8 го Марта, Московское Дворянство имѣло щастіе представляться ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ; то ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, изъявляя Высокомонаршее благоволеніе СВОЕ въ самыхъ милосивыхъ выраженіяхъ, между прочимъ изволилъ сказать: *„Я всегда близокъ къ вамъ.“* Слова незабвенныя, начерпавшіяся безъ сомнѣнія на сердцахъ каждаго!

Удостоенный Высочайшаго посѣщенія концерть, данный Россійскимъ Благороднымъ Собраніемъ 8 го Марта, сохранился навсегда въ памяти Московскихъ жителей. — Ничего не могло быть блестяще публики, наполнившей огромную залу, магически освѣщенную и казавшуюся великолѣпнымъ паршеромъ опъ разноцвѣтныхъ дамскихъ уборовъ. Вождѣнный Госпъ прибылъ въ половинѣ девятаго часа — и радостное волненіе безчисленной публики ознаменовало ни съ чѣмъ несравненныя минушы блаженства — наслаждашья лицезрѣніемъ Монарха-Опца, бодрствующаго надъ нами подобно Небесному Провидѣнію! ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ,

послѣ многократныхъ поклоновъ , приводившихъ душу каждаго въ неизбѣжимое восхищеніе, изво- дилъ съспѣ во второмъ ряду занятыхъ един- ственно дамами кресель , между Его Королев- скимъ Высочествомъ, Прусскимъ Принцомъ Аль- бертомъ , и Княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ , и тотчасъ началъ разговаривать съ супругою Генераль - Адьюшанша, Князя Алек- сѣя Григорьевича Щербашова , Княгинею Софьею Степановною.

Концертъ заслуживалъ вниманіе Августѣй- шаго Посѣпителя. Славнѣйшіе изъ арписповъ имѣли щастіе участвовашъ въ семъ щасливомъ концертѣ: г-да Шульцъ игралъ на арфѣ, Миллеръ пѣлъ арію, Фильдъ игралъ на фортепьяно, Марку на віолончель, Паль на Англійскомъ рожкѣ; пѣли серенаду : г-жи Фомъ - Массовъ, Гершель и г-да Гедике , Бекеръ , съ акомпанированіемъ арфы, Англійскаго рожка и віолончеля. Г-жа Рѣпина и г-да Булаховъ и Лавровъ пѣли шрію. Наконецъ чetyрехъ - лѣтній Аполинаръ Коншскій игралъ на скрипкѣ блестящія варіаціи со многочислен- нымъ оркестромъ, и удостоился Монаршаго одоб- ренія, равно какъ и другіе арписпы. Концертъ заключился хоромъ изъ оперы : *Весталка* , соч. Споншини.

Между тѣмъ взоры всѣхъ и каждаго были устремлены на одинъ Предметъ , обращающій на СЕБЯ взоры цѣлаго міра — на неожиданнаго Госпя, подобно Ангелу - Утѣшителю явившаго- ся посреди преданныхъ ЕМУ сыновъ , удален- ныхъ отъ очей ЕГО , но всегда близкихъ ЕГО сердцу. Небесная крошкѣ и милосѣ, сіяющія въ сихъ зиждическихъ очахъ, ручающія за на- ше благоденствіе, неразлучное съ благоден- ствіемъ лучшаго изъ Владыкъ земныхъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ уѣхать въ половинѣ одиннадцатаго часа. Но публика не хотѣла, казалось, расстаться съ мѣстомъ, гдѣ видѣла своего Возлюбленнѣйшаго Порфириносца, столь рѣдко созерцаемаго ею! Шестъ незабвенныхъ дней Высочайшаго пребыванія въ Москвѣ были испиннымъ праздникомъ для сей Царелюбивой столицы.

В о с п о м и н а н і е.

Away! away! my early dream
Remembrance never must awake. . . .

Вурон.

Бѣги, бѣги, воспоминанье!

И дней протекшихъ не буди . . . .

Въ эпошъ день мнѣ исполнилось пятнадцатилѣтъ; смѣялись, панцовали около меня и день моего рожденія торжественствовали прекраснымъ праздникомъ. Мапушка, родственники, друзья — всѣ приносили мнѣ дань любви и надежды; казалось, что хотѣли наградить меня за то, что я вслупила на пятнадцатую весну дней моихъ и имѣла хорошенькое личико. Юное чело мое увѣнчали васильковымъ вѣнкомъ; всѣ подносили мнѣ корзинки съ букетами розъ; между тѣмъ одинъ только цвѣпокъ былъ приколотъ къ груди моей: никто не зналъ, для чего это; ибо не знали того, кто мнѣ его подарилъ . . . . это былъ ты!

Никогда общество не казалось пышнѣе, одушевленнѣе; никогда я не была щеславнѣе, легкомысленнѣе, наряднѣе; окруженная людьми блестящими и остроумными, никогда я не употребляла столько хитростей ума, чтобы нра-

вишься однимъ , не оскорбляя другихъ , льстя самолюбію и въ то же время лишая смѣлоспи искашелей и раздѣляя нѣкоторымъ образомъ на равныя часпи любезность свою , какъ внезапно перестала быть кокеткою , не искала болѣе успѣховъ , не слушала лести и не находила инаго щаспія , кромѣ того чптобы занимаешься однимъ . . . . *это былъ ты !*

Первыя горести жизни посѣщили меня ; я стала проливать слезы , искашь состраданія . Я дорожила словомъ , взглядомъ , внушающими бодрость ; просила , чптобы научили меня сносить огорченія , или бы помогли перпѣливо влачить бремя жизни , ибо чувствовала , чпто я одна . . . какъ вдругъ чья - то рука схватываетъ мою руку , чей - то голосъ проникаетъ въ душу мою ; я познаю все то , чпто только состраданіе имѣетъ плѣнительнаго и проташельнаго для слабаго и страдающаго сердца — и я узнала того , кошорый одинъ только могъ меня утѣшить . . . . *это былъ ты !*

Мнѣ не казалось бы небо столь прекраснымъ въ тихую осеннюю ночь , ежели бы я одна находилась среди уединенныхъ роцей ; столько красота природы не заспавило бы сердце мое бишься , столько прелестей не воспламенило бы моего воображенія , ежели бы кто - то всюду не слѣдовалъ за мною , ежели бы таинственная рука не жала моей руки , ежели бы чье - то дыханіе не сливалось съ моимъ , ежели бы какое - то неизвѣстное существо не старалось раздѣлять моей учаспи , ежели бы оно не говорило мнѣ о дружбѣ , щаспіи , спраданіяхъ и любви . . . . *это былъ ты !*

И когда во дни горести и същованія я вспоминаю о томъ , кошорый мнѣ всего милѣе на

земль, копорый навсегда завладѣль моимъ сердцемъ, копорый заставиль меня почувствовать самыя сладостныя ощущенія, самыя пламенныя желанія и самое продолжительное блаженство, копорый, наконецъ, разрушилъ всѣ мои надежды, копорый далъ мнѣ познать всѣ мученія любви, всѣ спраданія ревности, опчаяніе отъ непостоянства и смерть отъ забвенія — шо вспоминаю, что . . . . *это былъ онъ!*

Съ Французскаго Н. . . . рѣ В. . . . въ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Р о н д о .

Тюльпанъ! пльняешь ты напрасно
 Меня своею красотой:
 Ты гордъ и занятъ, другъ, собой!
 Тебѣ покажется ужасно,
 Что ландышъ мнѣ тебя милѣй.

Лилей бѣлизной пльняешь
 И понкимъ запахомъ своимъ;
 Любуются цвѣточкомъ симъ;
 Но онъ меня не занимаетъ:
 Мнѣ ландышъ полевой милѣй.

Взгляну на розу: какъ прелестна
 Царица гордая цвѣтовъ!
 Для красоты ея нѣтъ словъ;
 Съ моимъ лишь чувствомъ не совѣсна:
 Мнѣ ландышъ и ея милѣй.

Нарцисъ цвѣтеть уединенно
 Надъ свѣтлой ключевой водой,
 И самъ любитъ себя собой.
 Но признаюся откровенно:
 Мнѣ ландышъ во сто разъ милѣй.

Межь класовъ золошыхъ цвѣшущій,
 Прекрасень шакже василѣкъ;
 Но ландыщъ, полевой цвѣшокъ,
 Не важный, въ роцицѣ растушій,
 Не знаю почему, милѣй.

Напрасно роскошь разсыпаетъ
 Дары, чшобъ блескомъ ослѣпить.
 „Не все то злато, что блестящъ!“
 Намъ разумъ часто повтораешъ:
 Мнѣ скромность во сто разъ милѣй.

Елисавета Крылова.

КОТОРАЯ МИЛѢЕ ИЗЪ ТРЕХЪ?

(Изъ старинныхъ Французскихъ романсовъ.)

Sans elle ne puis durer,
 Plus ne virrai; mourir m'en vois!

Слышу въ рошѣ пшичекъ пѣнье;
 Близъ кустовъ журчишь ручей;
 Въ душу льешь мнѣ восхищенье
 Громкой пѣсней соловей.
 Оглянулся — подь горою
 Трехъ красавицъ подсперегъ;
 Кшожь изъ нихъ милѣй собою? . . .
 Третія — милѣй изъ трехъ.

*

Подошедь къ нимъ, начинаю
 Говорить имъ мой привѣшъ;
 Но на вѣшрѣ слова теряю:
 Всѣ молчашъ; ошвѣта нѣшъ.
 „Полюбите! грудь пылаешъ;
 „Жалкой мой услышите вздохъ! . . .“
 Кто же: нѣтъ! мнѣ ошвѣчаешъ?
 Третія — милѣй изъ трехъ.

*

Въ горѣ все намъ не въ отраду ;
 Я разбилъ свирѣль въ сердцахъ ;
 Слышу смѣхъ отъ двухъ въ награду
 И шушливость въ злыхъ словахъ.
 „Бѣдный ! бѣдный пасшущечикъ !“
 Трешія мнѣ говоритъ :
 „За свирѣль возми цвѣсточикъ ! . . .“
 Какъ же *третьей* не любишь ?

*

Милой соловей , любезной !
 Ты надъ *третьею* лешай ;
 О моей судьбинѣ слезной
 Въ нѣжной пѣснѣ повторяй !
 Ты скажи : „На бѣломъ свѣтѣ
 „Жить я больше не хочу !“
 Ты скажи : „Въ ея отвѣтѣ
 „Жизнь иль смѣрть я получу !“

Метатель,

Все жизнь , да жизнь .

Во всякой кришикѣ , почши во всѣхъ стихахъ ,
 Все : *жизнь , да жизнь* — читаемъ нынѣ ;
 А жизнь мерцаешь тамъ какъ будшо при гробахъ
 Въ безжизненной пустынѣ .

К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я .

I.

*Письма В. И. Козлова къ К. П. И.
 Шаликову.*

С.-Петербургъ , 29 го Юля , 1819.

Вы не можете себѣ представить , любезнѣй-
 шій Князь , какъ я былъ обрадованъ пріятнѣй-
 шимъ письмомъ вашимъ . Я получилъ его въ одну

изъ тѣхъ минушъ, когда человекъ чувствуетъ всю горестъ своего одиночества, всю неблагоприятную сторону своего положенія, всю недостаточность общественныхъ разсѣяній. Спеченіе непріятностей всякаго рода — по дѣламъ и по службѣ — разстроило меня до такой степени, что я не былъ способенъ ни говорить, ни мыслить въ нѣкоторой связи. Всѣ развлечения, къ которымъ прибѣгалъ я, не могли мнѣ помочь: ни даже самыя красоты *лѣтней* природы, коими мы столь изобильно и постоянно наслаждаемся въ нынѣшнемъ году, меня не утѣшали. — Но я получилъ письмо ваше и — все было забыто. Я удостоверился, что и въ опдаленіи есть еще люди, которые меня помнятъ, понимаютъ и любятъ. Дружба ихъ есть пріятнѣйшая отрада, цѣлительнѣйшій бальзамъ для ранъ сердечныхъ, нанесенныхъ мнѣ спеченіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и — несправедливостію людей, *наиболѣе* меня окружающихъ.

Можете быть, и въ этомъ письмѣ найдете еще нѣкоторые слѣды печальнаго моего расположенія. Но благодаря нѣжной дружбѣ вашей, это — одни только слѣды. Ахъ, любезнѣйшій Князь! если бы вы знали, какъ часто я имѣю нужду въ утѣшеніи, и въ какой полной мѣрѣ доставило мнѣ его послѣднее письмо ваше; что конечно не отказались бы доставлять мнѣ, какъ можно чаще, это живое, душевное удовольствіе!

Мысль ваша объ изданіи въ свѣтъ моихъ писемъ — по крайней мѣрѣ *нѣкоторыхъ* — напомнила мнѣ, что я давно уже назначилъ васъ издателемъ своихъ *Oeuvres posthumes*. Я надѣюсь, что вы охотно примете на себя этошъ трудъ

и что не откажешься бросишь нѣсколько цвѣт-
шовъ на рановременную мою могилу. Можешь
быть, скоро, скоро! . . .

Въ жизни почти каждаго человѣка есть из-
вѣстный періодъ, ознаменованный горестною
пустою душою. Я нахожусь именно въ семъ
періодѣ. Очарованія давно уже для меня исчез-
ли; а радостная существенность еще не на-
ступила и — можешь быть — никогда не на-
ступишь. Внѣшнія обстоятельства, предраз-
судки, внутреннее сознание собственныхъ мо-
ихъ слабостей — все сіе поставляетъ крѣп-
кую преграду между мною и щастіемъ; мудре-
но ли, что мысль о послѣдней минутѣ почи-
шаю величайшею, не рѣдко единственною для
себя ошрадою?

И когда я вижу, что добродѣтельнѣйшіе,
достоинѣйшіе люди помяты подъ бременемъ
бѣдствій и горестей; когда я вижу разитель-
нѣйшіе шому примѣры вокругъ себя, — чего жъ
долженъ я ожидать, я, слабый смертный,
столь далекій отъ нравственнаго совершенства,
столь чуждый высокихъ добродѣтелей, кото-
рыя бывають его печатію? — Я не ропщу;
покоряюсь неисповѣдимости судьбы Всевышняго;
никогда не покушусь на сверженіе бременя, на
меня возложеннаго; но могу ли безъ душевнаго
успокоенія думать о той минутѣ, когорая обѣ-
щаетъ мнѣ вѣчное, непрерываемое успокоеніе? . . .
Changeons de conversation! Графъ Дмитрій Ива-
новичъ, которому я объявилъ о подпискѣ на
ваши сочиненія, поручилъ мнѣ поблагодарить
васъ за включеніе въ число субскрибентовъ и
за увѣренность въ искреннѣйшемъ его къ вамъ
расположеніи. Онъ шощасъ ошдалъ мнѣ Гол-

давдскій червонецъ , кошорый я къ вамъ пришлю съ первою денежною почтою ; для сегоднешней я уже опоздалъ.

Катерина Наумовна Пуцкова кланяется вамъ и благодаритъ за нѣсколько словъ объ ней. Ксташи скажу вамъ , что у насъ завелось съ нѣкошораго времени *занятіе* или лучше сказашъ *увеселеніе* совсѣмъ новаго рода : мы пишемъ другъ къ другу записки — на *Славянскомъ языкѣ*. Иногда описываемъ цѣлые дни, всѣ наши встрѣчи , разговоры и проч. : что вообще очень забавно. Нѣкошорыя Славянскія выраженія сдѣлали мы даже общими въ шѣхъ домахъ , гдѣ часшо бываемъ , какъ шо : *трапеза* вмѣсто *обѣдъ* , *вечерять* вмѣсто *ужимать* , *притещи* вмѣсто *пріѣхать* , *сонмище* вмѣсто *общество* и ш. д. ; *спихошворица* — *дѣва - нѣснонѣвица* , и проч. и проч. Человѣкъ, непосвященный въ наши шаинсшва , можешъ слушашъ насъ очень долго и — не понимаешъ , о чемъ идешъ рѣчь.

На сихъ дняхъ было *сонмище* въ домѣ одного *словесника*, кошорый — замѣчу мимоходомъ — большой эпикуреецъ : любитъ хорошій споль , доброе вино и въ особеннoshi *фрукшы* и ягоды всякаго рода. Число приглашенныхъ не проширалось и до 10 человекъ , но *трапеза* была весьма изобильна и превосходнѣйшіе , драгоценнѣйшіе изъ *плодовъ земныхъ и древесныхъ* покрывали споль. Въ числѣ гостей находились *Ал. Сем. Хвостовъ* , умный , острый и пріятный человекъ , морской нашъ герой *Синявинъ* , другой, знаменишый мореходецъ, *Врузенштернъ* и — Московскій нашъ комикъ , *Н. И. Ильинъ*. Послѣдній написалъ новую комедію : *Монастырка* , кошорую и читалъ намъ, послѣ обѣда.

Піеса имѣеть свое достоинство, но — неизвѣстно почему, здѣшняя театральная Дирекція не хочеть ее принять (*). *Намъ - избраннымъ* чиналь онъ комедію свою еще и прежде и — воспользовался нѣкошорыми жъ нашихъ замѣчаній.

Но я не упомянулъ о дамахъ, находившихся въ семь обществѣ. Это были — общая наша пріяшельница *Кат. Ив. Пучкова* и — *Настасья Ивановна Ребиндеръ*, любезная, молодая вдова, не менѣе иншересная по своимъ нещаспіямъ, какъ и по рѣдкимъ своимъ достоинствамъ. Я написалъ ей въ альбомѣ слѣдующіе стихи, которые могутъ нѣкошорымъ образомъ служишь ей характерисшикою :

Какая для тебя достаточна хвала ?

Какъ Ангелы добра, какъ Граціи мила !

Красой, умомъ, душой ты всѣхъ обворожаешь

И, кажется, одна сама того не знаешь !

Вамъ извѣстная *дѣва - нѣснонѣвица отъ пресподнихъ* не была приглашена въ сіе сонмище, не смотря на близкое сосѣдство и общешвенное, усерднѣйшее желаніе. Въ другой разъ скажу вамъ болѣе объ этой *нѣснонѣвицѣ*, кошорая служишь новымъ доказательствомъ старой истины, qu'un bon esprit vaut mieux, qu'un bel esprit.

Благодарю васъ за увѣдомленіе о Московскихъ друзьяхъ нашихъ. Пострудитесь поклониться имъ всѣмъ при первомъ свиданіи. Я

(*) Впрочемъ, по смерти Ильина, эта отвергнушая піеса, говоряшь, явилась на театрѣ; но подъ другимъ названіемъ. *Изд.*

умѣю цѣнить дружбу ихъ и расположеніе, которыхъ ни время, ни ошдаленность, кажущаяся, не перемѣнили.

Tout à Vous.

Базиль.

2.

Письмо К. Н. Пужковой къ К. П. И. Шаликову.

Я виновата, предъ вами; но „лучше поздно, чѣмъ никогда,“ подумала я — и рѣшилась писать къ вамъ. Добрая примѣръ лучше всякаго наставленія. — Вы великодушно простили трехъ-лѣтнее молчаніе В. И. Козлова, кошорое загладилъ онъ самымъ блестящимъ образомъ; но я не имѣя его средствъ, по крайней мѣрѣ, могу смѣло и нелицемѣрно увѣришь васъ, что не менѣе его желаю возвратишь ваше дружеское расположеніе и заслужишь ваше прощеніе.

Василій Ивановичъ показывалъ мнѣ оба письма ваши: въ 1 мѣ вы едва обо мнѣ вспомнили; во 2 мѣ вы были ко мнѣ добры. Прими-те за шо мою сердечную признашельность. Вѣрьте, Князь, что не забвеніе, не охлажденіе новыми связями дружества были причиною моего молчанія. Никогда не забуду, какъ вы одобряли первые, робкіе шаги мои на пуши словесности; какъ вы радовались маленькимъ моимъ успѣхамъ; какъ, со свойственными вамъ благородствомъ и ошкровенностію, говорили мнѣ въ глаза правду, кошорую я теперь болѣе умѣю цѣнить, нежели погда — юная, въспренняя, безъ размышленія увлекаемая свѣшомъ и ослѣпленная наружнымъ блескомъ предме-

повъ! — Откровенно скажу вамъ (и какъ иначе говорить съ друзьями?): единственная причина простидушнаго моего молчанія — лѣнь и разсѣянная моя жизнь. Я не имѣю ни дня, ни часа, въ кошорой бы могла сказать: я шамъ-то буду, я шѣхъ-то увижу, я эшо-то сдѣлаю. Эту истину можешь вамъ засвидѣтельствовать *Василій Иван.*, кошорой не рѣдко прихаживалъ ко мнѣ въ первомъ и во второмъ часу поушру, чшобы узнать: какъ располагаю днемъ, гдѣ *сонмище?* и прочая — и я (хотя эшо все въ моемъ расположеніи) до 2хъ и даже до 3хъ часовъ не умѣю ему опшвѣчать. — Вы вѣрно смѣтешь моему письму и моимъ оправданіямъ; а ежелибъ вы меня увидѣли, ежели бы поговорили со мной, пакъ ли бы вы еще смѣялись! Я и сама очень часто и много смѣюсь.

Какъ мнѣ хочешя побывашь въ Москвѣ, по-видашья съ своими старыми пріятелями и лично изьявишъ имъ то глубокое чувство почтенія и привязанности, кошорое никогда изъ души моей не изгладится. Увы! желашъ и сдѣлашъ — большая разница! И пакъ, мнѣ кажешся, я долго еще буду ошавашья при одномъ желаніи; а вы между шѣмъ подарите меня своимъ письмомъ, кошораго съ шакимъ же неперпнѣиешъ буду ждашъ, какъ ждушъ виновные Каполики разрѣшительной Папской буллы, прощающей имъ содѣянныя прегрѣшенія и вновь дозволяющей грѣшишъ по произволу.

Катерина Пучкова (*).

С. П. Б. 1 го Окшября 1819 года.

(*) Имѣемъ случай изьявишъ живѣйшее сожалѣніе, что сія Писательница — умолкла для свѣта. *Изд.*

С М Ъ С Ъ.

*Музыкальный вечеръ въ домъ Г-жи
Анненковой, 14 Марта.*

Нерѣдко случается, что таланты, явившіеся въ дѣтствѣ, подобно рано выбѣжавшему цвѣтку или плоду скороспѣлому, исчезаютъ невозвратно, оставляя за собою пустошу, ничѣмъ ненаполняемую — печальный образъ, который въ сію минушу замѣняется для насъ совершенно прошивуположнымъ, и чрезвычайно пріятнымъ: мы помышляемъ о музыкальномъ талантѣ юнаго Шарпантье, любимѣйшаго изъ учениковъ славнаго Фильда; талантъ, возрастающему съ лѣтами и, можно сказать, передъ нашими глазами; ибо сей юноша-музыкантъ даетъ съ нѣкотораго времени концерты ежегодно — и поспешное возвышеніе успѣха общается въ молодомъ человѣкѣ опличнаго виртуоза.

Данный г-мъ Шарпантье музыкальный вечеръ 14 Марта оправдывается насъ вполне. Юный артистъ игралъ на фортепьяно 7й концертъ Фильда съ такимъ *блескомъ*, что перевертывавшій листы ношъ учитель безъ сомнѣнія лобызалъ мысленно своего достойнаго ученика. Самъ Фильдъ игралъ рондо изъ сочиненій Рисса. Другой юный артистъ, Карлъ Контскій, игралъ на скрипкѣ аллегро изъ 7го концерта Роде, и превосходный талантъ сего юноши-виртуоза также не есть рано выбѣжавшій цвѣтокъ, или скороспѣлый плодъ: они готовы обратиться въ яблоки Гесперидскія. — Г. Баншышевъ пѣлъ романсъ изъ оперы: *Каменьщикъ*, соч. Обера. Г. Лав-

ровъ пѣль арію, соч. Г-на Версповскаго, на слова В. А. Жуковскаго — и повторилъ ее по требованію слушателей.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Съ цвѣтами и перьями на головѣ перемѣшиваются бриллиантовые колосья.

— Рукава - береты (manches berrets) отдѣляются различнымъ образомъ: или блондами въ фестонахъ, или ленточными бантами, концы которыхъ развѣваются въ пустошъ сгибовъ.

— Мы видѣли одно платье изъ розоваго газа, называемаго газъ каролинъ, съ корсажемъ, имѣющимъ отвороты (revers), обшитые блондою, равно какъ и низъ рукавовъ - беретовъ. Широкія косыя складки (biais) внизу платья обшиты выпушкою (lisères), а надъ коленомъ букетъ изъ ценшифольной розы, подобной тѣмъ, которыя находились на боку пояса и между кольцами (coques) волосъ.

— Другое платье изъ бѣлаго Персидскаго газа, съ узорами гранатными и золотыми, обшито поверхъ колѣна свиткомъ (gouleaux) изъ марабу дикинькаго и бѣлаго. Корсажъ и низъ рукавовъ отдѣланы такимъ же образомъ. На головѣ вѣнокъ изъ марабу, перемѣшанныхъ съ маленькими гранатными цвѣтами и золотыми листьями.

— Платье изъ бѣлаго газа, чрезвычайно рѣдкаго (très-claire), на которомъ проведены полосы (gauée) золотыми шефами (chefs), идущими до колѣнъ, подъ широкою золотою бахрамою кругомъ рубца (ourlet), составляетъ отличный туалетъ.

— Нынѣ дѣлаютъ газъ, совершенно похожій на блонду, такъ что онъ употребляется во всякомъ родѣ туалета и придаетъ ему чрезвычайную красоту.

— Самый модный цвѣтъ кареты, или кабриолета голубой Королевскій (bleu de roi), или зеленый ивовый (vert saule); внутренняя же уборка — свѣтлоголубая, или цвѣту сосновой шишки.

Изъясненіе картинки при семь No.

Платье креповое. Головная уборка съ цвѣтами.

Печатать дозволяется,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 26 го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П р о з а.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

21.

Елисавета Корниловна Нилова.

Супруга Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника Андрея Ивановича Нилова любовью и уваженіемъ къ Ошечесшвенной Словесности обязана также, какъ Орлова и Княгиня Голицына, Гавріилу Романовичу Державину. Подъ его шолько дикшашурою и покровительствомъ Елисавета Корниловна рѣшилась ознакомить читашелей съ первыми своими прудами на поприщѣ своего

литперашорства (*) и по его же совѣту начала переводить съ Французскаго славный Жерардовъ романъ: *Графъ Вальмонтъ, или Заблужденіи разсудка*, письма, собранныя и обнародованныя М. . . ; въ 7ми Часяхъ. Философическое содержаніе сего сочиненія представляло множество затрудненій переводчицѣ: она должна была бороться съ выраженіями, иногда для нея непоспимыми, ибо Жерардъ не рѣдко говоритъ языкомъ слишкомъ ученымъ; и потому для почнаго сбереженія его мыслей, или, лучше сказать, для всѣхъ красотъ шруднаго подлинника, должно было самому переводчику сошворить ученый романической слогъ на нашемъ Рускомъ языкѣ, слишкомъ еще и по сіе время бѣдномъ прозаическими красотоми; а тогда и на Карамзина взирали еще какъ на нововодителя, какъ на своевольника, дерзавшаго оприцать прозаическія красы Ломоносова, впрочемъ уже заземняемаго смѣлостію Проповѣдника Платона. Но, какъ бы шо ни было, Нилова преодолѣла всѣ важнѣйшія затрудненія, успѣшно и весьма скоро напечатала первыя Части своего перевода 1793 года въ Тамбовѣ, а наконецъ и послѣднія, тамъ же, въ 1796 году. При переводѣ и изданіи сихъ послѣднихъ Частей Державина уже не было на Тамбовскомъ Губернашорствѣ, — онъ тогда жилъ въ столицахъ и — Елисавета Корниловна нашлась бы въ большихъ затрудненіяхъ при довершеніи своего гиганшска-

---

(*) Однакожь первые труды г-жи Ниловой, какъ говорятъ, были извѣстны только литпературному обществу Державина, собиравшемуся у него въ Тамбовѣ. М.

го предпріяшя, если бы ей тогда совѣтами не помогли *В. И. Ромейковъ* и *П. В. Чичеринъ*, изъ коихъ первый былъ учитель, а пошомъ уже Директоръ Тамбовскихъ училищъ, послѣдній же пламенный любитель чтенія и библиоманъ. — Сей совершенный ея трудъ не былъ напраснымъ: цѣлый переводъ Графа Вальмонша доставилъ г-жѣ Ниловой общую извѣстность не только въ Рускомъ ученомъ мѣрѣ, но даже и въ другихъ земляхъ: Гамбургскій Корреспондентъ, говоря съ похвалою о сочиненіяхъ Жерарда, упомянулъ и о томъ, что одно изъ лучшихъ его швореній, Графъ Вальмонъ, переведено даже на Рускій языкъ и, къ удивленію, дамою! Первое изданіе онаго у насъ было распродано съ небольшимъ въ чепыре года, и большая половина, по естѣ слишкомъ 600 экземпляровъ, въ первый годъ по напечатаніи — такъ свидѣтельствовало извѣстный книгопродавецъ Переплетчиковъ; остальные книги, говоритъ онъ, разошлись прежде показанныхъ лѣтъ; но дѣло состояло въ томъ, что никто не имѣлъ капишала приняться вновь за Вальмонша, исправленнаго и пополненнаго уже самимъ авторомъ противъ прежняго Рускаго перевода, или по крайней мѣрѣ уже дошедшаго къ намъ въ другомъ видѣ. — Наконецъ и вшорой переводъ явился у насъ со всею полношю: въ семь переводъ трудился Г. Дмишревскій, Директоръ Владимірскихъ училищъ; но и для него, какъ замѣчаютъ многіе, переводъ г-жи Ниловой весьма много способствовало ко вшорому изданію Графа Вальмонша, также нынѣ уже весьма рѣдкаго!

Александра Петровна Хвостова.

Урожденная Хераскова, супруга Дѣйствительнаго Шашкаго Совѣтника Димитрія Семеновича Хвостова. Въ самое по время, когда еще не переставали удивляться необыкновеннымъ трудамъ Ниловой, на горизонтѣ Руской Словесности являеяся новый феноменъ — съ небольшими, но образцовыми сочиненіями двухъ романтическихъ опривковъ: *Камина* и *Ручейка*.

Михаиль Машвѣвичъ Херасковъ, родной дядя сочинительницы, и Карамзинъ, уже пользовавшійся громкою славою какъ преобразователь слога, были приведены въ пріятное удивленіе симъ новымъ явленіемъ. *Каминъ* Хвостовой пошчасъ началъ являеяся рукописнымъ въ обѣихъ столицахъ, во всѣхъ ученыхъ кабинетахъ, во всѣхъ будуарахъ. Сохацкій и Подшиваловъ, издатели выходившихъ при Московскихъ Вѣдомостяхъ листочковъ, подъ названіемъ: *Пріятное и Полезное препровожденіе времени*, пошчасъ, съ дозволенія прекраснаго автора, напечатали образцовые пруды его въ своемъ изданіи. Въ 1796 году ихъ напечатали особенною книжкою въ количествѣ двухъ заводовъ, по естѣ 2400 экземпляровъ, которые въ печеніе одного года были раскуплены почти всѣ. Сверхъ того *Каминъ* тогда же переведенъ на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки: его читали въ дѣлой Европѣ. Но иностранцы не могли чувствовашъ и понимашъ всѣхъ красотъ эшаго сочиненія: ибо его главное достоинство состояло въ примѣрной обработкѣ слога. У многихъ мы видѣли силуэты Хвостовой, которые были выгравированы въ Парижѣ.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

*Посѣщеніе Гарема, принадлежащаго Агъ
Даміетскому.*

Гаремъ Аги построень на берегу Нила въ саду, на Турецкій образецъ, ш. е. обнесенъ землянымъ чешвероугольнымъ валомъ, усаженнымъ деревьями. Со мною была жена одного Поршугальскаго Докшора, знавшая нѣсколько пофранцузски и поарабски, и копорая должна была служить мнѣ переводчикомъ. По нашемъ прибытіи насъ встрѣшилъ черный, великолѣпно одѣтый евнухъ, копорый проводилъ насъ въ весьма простую комнашу, гдѣ, кромѣ богашаго и длиннаго дивана, не находилось никакой другой мебели. Оставя насъ, онъ пошелъ доложитъ своей госпожѣ о нашемъ прибытіи, и шолчасъ обѣ супруги Аги, сопровождаемыя двумя дѣвушками и около двадцаши невольницъ, явились предъ нами и сѣли возлѣ меня, исключая невольницъ, копорыя выспроились полукружіемъ; съ сложеными крешпообразно на груди руками и въ самомъ почшительномъ безмолвіи онѣ стояли предъ нами. Обѣ супруги Аги, равно какъ и молодыя дѣвушки знали шолько пошурецки: чшо принудило насъ взять другую переводчицу, копорая, въ свою очередь, знала шолько пошурецки и поарабски, шакъ чшо ежели я чшо нибудь говорилъ пофранцузски, шолчасъ переводилось поарабски и съ Арабскаго пошурецки, и не иначе могли понимашъ меня, какъ при помощи шрехъ языковъ и двухъ переводчицъ.

Легко можно предположитъ, чшо разговоръ продолжался съ величайшею шрудношю, ибо мы зависѣли ошъ доброй воли и способностей нашихъ переводчицъ. Иногда *ошибки*, проис-

ходящія опъ ложнаго перевода , были испинно комическія и возбуждали шакую веселость , что всеобщій хохощъ едва не заспавлялъ и насъ хохощашъ. Старшая супруга Аги пребывала въ молчаніи , соединенномъ съ величіемъ ; между шѣмъ какъ другая , бывъ гораздо моложе и имѣя живой и любопытной характеръ , съ невѣроятною быспрошою дѣлала вопросы самыя незначительныя и съ величайшимъ вниманіемъ и со всею подробностію разсмащривала мою одежду ; спрашивала меня о женщинахъ нашихъ спранъ , о которыхъ онѣ , казалось , не имѣли нималѣйшаго понятія , и когда я сказала , что у насъ мужа имѣюшъ шолько одну жену и ни одной невольницы , то онѣ посмошрѣли одна на другую , не зная сами , должны ли одобряшъ , или порицашъ шакое обыкновеніе.

Старшая дочь Аги дѣвушка опличной красоты. Между шѣмъ видно было , что она нездорова и ея чрезвычайная блѣдность дѣлала ее въ глазахъ моихъ весьма привлекательною : она уподоблялась шѣмъ одинокимъ цвѣшкамъ , кои блекнушъ и увядаюшъ опъ бурныхъ пущынныхъ аквилоновъ. Впрочемъ видно было , что она любила жизнь , ибо убѣдительно просила меня предписашъ ей какія - либо средства прошивъ ея болѣзни.

Спранное дѣло : вообще жители Востока думаютъ , что всѣ Европейцы безъ изьятія искусны въ медицинѣ и волшебствѣ , наукахъ , которыя они обыкновенно соединяюшъ въ одну. Въ нижнемъ Египтѣ часпо случалось , что насъ призывали на помощь къ несчастнымъ , близкимъ къ смерти , или находящимся въ столь безнадежномъ состояніи , что одни шолько сверхъ-

естественныя пособія могли бы ихъ спасти. Не бывъ совершенно свѣдущимъ, можно во мнѣніи людей сихъ заслужить славу великаго Медика, и Докшоръ, съ нами путешествовавшій, приобрѣлъ неожиданныя успѣхи въ лѣченіи, слѣдуя ученію мудраго Санградо и предписывая средства самыя просныя: подобныя успѣхи должно относить къ силѣ воображенія, споль дѣяшельной у сихъ необразованныхъ людей.

Почти всѣ невольницы Аги были изъ Сири, Черкесіи и Грузіи, такъ что я легко могла судить о сихъ красавицахъ, сполько славящихся. Безъ сомнѣнія онѣ заслуживаютъ сію славу; между шѣмъ смѣло и со всею справедливостію могу увѣрить моихъ прекрасныхъ соотечественницъ, что Европа поистинѣ можетъ прошиву-посшавить симъ Азіяпскимъ красавицамъ — своихъ равныхъ красавицъ. Тѣ, которыя находились погда предо мною, имѣли палью самую пѣнишельную и черпы лица, исполненныя красосы и правильности; но что болѣе всего заслужило мое удивленіе — это были ихъ волосы, волнующіеся природными буклями и падающіе ниже пояса. Всѣ онѣ были въ своихъ національныхъ одеждахъ: что, такъ сказаць, ошпѣняло ихъ одну опъ другой. Равномѣрно онѣ не замшвовали у Египтянокъ обыкновенія плеспи косы: что болѣе; поршпшь, нежели служпшь украшеніемъ. Ихъ зубы превосходной бѣлизны и удивительнаго блеска; но лица ихъ не являютъ ни свѣжести, ни цвѣща живой юности: на нихъ напечатлѣно какое-то разслабленіе, и я не находила вовсе шой полноты и округлости лицъ, которыя надѣялась увидѣть. Можетъ

бышь, уединенная, лишенная всѣхъ удовольствій жизнь и пожирающій климатъ Египта опнимають блескъ ихъ красоты. Въ самомъ дѣлѣ, климатъ Египта, хотя очень здоровый, имѣеть гибельное вліяніе на женщинъ и на дѣшей Европейскихъ.

Намъ подали прохладенія на маленькомъ кедровомъ, очень низкомъ столикѣ, украшенномъ прекрасною мозаикою изъ слоновой кости и жемчужныхъ раковинъ. Закуска состояла изъ конфектовъ, пирожныхъ, изъ меда и плодовъ, и изъ шербета. Въ это время невольницы сожигали благовонія въ золотыхъ курильницахъ и опъ времени до времени опрыскивали насъ розовою водою. Двѣ спояли подлѣ насъ, и всякой разъ, когда я ѣла, или пила что-нибудь, онѣ обтирали губы мои полсшою шипшою золотомъ салфеткою. Другія опахалами опгоняли опъ насъ милліоны насѣкомыхъ, привлеченныхъ къ намъ запахомъ пирожныхъ и плодовъ; однимъ словомъ, каждая невольница имѣеть свою особенную должность. Когда завтракъ кончился, то онѣ приглашали меня провеспи ночь съ ними и сходишь въ баню; но уже въ Каирѣ насладившись симъ воспочнымъ удовольствиемемъ, я опказалась опъ ихъ обязательнаго приглашенія. Осмопрѣвъ гаремъ, незаключавшій въ себѣ ничего особенно любопытнаго, я опкланялась, одѣливъ невольницъ нѣсколькими золотыми монетами, кошорыми онѣ очень любовались.

Съ Франц. Н... рѣ В... ѣв.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

*Предхуествіе матери, или Альпійскій
стрѣлокъ.*

„О милый сынъ и другъ! любимецъ мой сердечной!
Гы порываешься за серной быспрошечной!
Судьбы своей лѣсамъ дремучимъ не вѣрай;
Изъ шула стрѣлъ не вынимай!

*

„Въ пылу опважности цвѣшки ты забываешь;
На льды и на снѣга ихъ грозныя мѣняешь:
Не пылъ взлелѣялъ самъ цвѣшки свои весной? . . .
Они здѣсь жили, лишь побой.

*

„Еще ты не узналъ высокихъ горъ вершины;
Зіяюшь подъ спопой шамъ спрашныя пучины;
И льдины возносясь сурово къ облакамъ,
Грозяшь, грозяшь паденьемъ намъ.

*

„Останься съ матерью, мой другъ и ушъшенье!
Преклонныхъ дней моихъ одно ты подкрѣпленье.
Въ сихъ вѣчныхъ ледникахъ смерть встрѣшилъ швой ошець;
Бышь можешь — шамъ и швой конецъ!“

*

Въ *Долинѣ Розовой* такъ маперъ говорила;
Но сына пылкаго она не убѣдила:
Когда сквозь нѣдра скалъ потокъ вдругъ прошумишь,
Не лзя его остановишь.

*

Порывистый стрѣлокъ неколебимъ душою.
 „Вѣрь: къ ночи я опять увижуся съ побою!“
 Сказаль — и полетѣль. . . . Мать на скалу идетъ
 И душу въ слѣдъ за сыномъ шлетъ.

*

И вошь! съ чела дуба, громами раздробленна,
 Въсѣть бѣдоносную вдругъ воронъ прокричалъ. . . .
 Увы! страдалица, послѣднихъ силъ лишенна! . . .
 Ахъ! воронъ никогда не лгалъ.

*

Ужь ночь, а сына нѣшь! . . . „Гдѣ ты, о другъ мой милый!“
 Вскричала, и въ устахъ прервался спонъ унылый. . . .
 Румяная заря на хладный трупъ взошла:
 Оспраду въ смерти мать нашла!

Метатель.

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ.

Апология.

Аглая говоритъ: „О время, врагъ людей!
 Ничто не устоишь предъ властію твоей!
 Опъ дряхлой старости все въ жизни сей мертвоеть:
 Умъ, предѣсть, красота.“ Мать отвѣчаетъ ей:
 Нѣшь! сердце доброе вѣтки не старѣеть.

М. С.

Простой цвѣтокъ и роза.

Цвѣшочикъ полевой,
 Безъ запаха, простой,
 Въ степи забытой и глухой,
 Съ пахучей розой какъ-то свился,
 И запахъ розовый вокругъ него разлился,
 Какъ будто бы онъ самъ въ цвѣпъ-розу превратился.

*

Я полевой цвѣшокъ — эмблема простоты,
А роза нѣжная. . . . о Ниса! это ты.

3 — вь.

Къ Фалеку.

За все, что о тебѣ я добраго сказалъ
И въ прозѣ, и въ стихахъ, и шоль чистосердечно,
Моимъ гонителемъ ты спалъ,
И шоль безчеловѣчно —
Какъ будто бы въ урокъ, что надобно хвалишь
Тогда, какъ нечего ужъ будешь похулишь.

Съ Еврейскаго.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письма В. И. Козлова къ Князю П. И. Шаликову.

С. - Петербургъ, 6 го Октября, 819.

Никогда обязанность журналиста не казалась мнѣ столь пріятною, какъ при извѣщеніи публики о вашихъ сочиненіяхъ, любезнѣйшій Князь Пётръ Ивановичъ! Никогда ревностное, охотное исполненіе сей обязанности не было увѣнчано столь сладостною наградою, какую воспріялъ усердный рецензентъ вашъ въ послѣднемъ письмѣ отъ друга - писателя. Мнѣ всего пріятнѣе думать, что сдѣлавъ удовольствіе вамъ, я вмѣстѣ исполнилъ пріятнѣйшій долгъ моего сердца и — исполнилъ оный не на счетъ безприсраспія или справедливости. Здѣсь испина говорила устами пріязни.

Не знаю, какъ благодарить васъ за лестные отзвывы о моемъ — талантѣ и нравственномъ характерѣ. Признательность моя шѣмъ совершен-

нѣе, чѣмъ я живѣе чувствую, сколь много обязанъ я за образованіе того и другаго вашей дружбѣ, вашему обществу, вашему примѣру (*). Ваши Московскія бесѣды никогда не изглаждаются изъ моей памяти, а пріятныя письма, получаемыя опть васъ здѣсь въ Пешербургѣ, не рѣдко обновляютъ духъ мой, изнемогающій подъ бременемъ *единообразныхъ* занятій и *разнообразнѣйшихъ* огорченій.

Кстати объ *огорченіяхъ*. Скажу вамъ, что на эсихъ дняхъ я имѣлъ ихъ много и — еще буду имѣть. Терпѣніе мое подвергается частымъ испытаніямъ; но я смѣло могу сказать, что ропотъ мой бываетъ только минутный. Тотъ не совсемъ несчастливъ, кто еще не чуждается сладостнаго утѣшенія религіи.

Письмо мое конечно имѣетъ нѣкопорый оппечашокъ груснаго моего расположенія, а потому и намѣренъ я сдѣлать его какъ можно короче. Думаю, что не имѣю нужды испрашивать вашего снисхожденія къ нескладному моему слогу. Вы знаете, что *и въ прозѣ* мудрено писать *вопреки Минервѣ*.

Мнѣ очень пріятно, что описаніе *Славянскаго сонмища* позабавило васъ; со временемъ пришлю вамъ исторію *цѣлаго дня*, описанную также пославянски. Надобно только опшыкать эту рукопись, которая здѣсь всѣхъ смѣшила. Безименному члену (п. е. *Катеринѣ Наумовнѣ*) придали мы, по общему согласію, имя — *дѣвы-словесницы*. Я очень радъ, что юная *вдовица Анастасія* плѣнила васъ своимъ поршпрешомъ,

---

(*) Рѣшась напечатать сіи письма, издатель не могъ спасти скромность мою. *К. III.*

хотя весьма слабымъ , относительнo къ таланту живописца. Я бы хопѣлъ, чtобы вы ее знали. „*Avant de connoître M-me Rehbinder* ,“ сказалъ я объ ней одному *чужеземцу* „je ne pouvois pas m'imaginer une absence des prétentions aussi parfaite.“ И въ эпомъ нѣтъ нималѣйшаго увеличенія !

Катерина Наумовна писываетъ къ вамъ письмо, давно уже приготовленное. Вчера были мы вмѣстѣ на *сонмище* , въ *дому словесника* , кошорый однакожъ самъ *вкушалъ трапезу у единаго отъ друзей своихъ*. Молодая вдова и А. С. Хвостовъ , умной и любезный человекъ , были нашими собесѣдниками.

Не знаю , писалъ ли я къ вамъ , чtо *Катер. Андр. Мансурова* и дочь ея , прекрасная и милая *Темира* , поручили мнѣ напомнить вамъ объ нихъ при случаѣ. Последней написалъ я недавно списки , кошорые и напечатаны въ *Благонамѣренномъ*. Я не могу однакожъ не приложитъ ихъ и къ этому письму , зная чtо вы не всегда читаете наши *Пестербургскіе журналы*. — И такъ вопъ списки :

Къ *Т. Д. Талызиной* , вмѣсто рекомендательнаго письма одному извѣстному живописцу.

Художникъ , коего рукою водитъ геній ,
 Кошорый обнималъ и кистью и умомъ
 Предметы всѣ въ кругу небесномъ и земномъ ,
 Остановился вдругъ , и новыхъ вдохновеній
 Для животворныхъ руки искалъ своей.
 „Гдѣ я найду предметъ ,“ спросилъ онъ у друзей
 „Еще невѣдомый во области искусства ?
 Предметъ , плѣняющій возвышенныя чувства , —
 Въ природѣ видимой прелестный идеаль ?“

Тутъ всякой свой совѣтъ художнику давалъ :
 Одни ему свои Музеи отворяли ,
 Въ Ишалію его другіе посылали ,
 А я — къ тебѣ его прислалъ !

Сердечно благодарю *Элизу Драперъ* за ея пріятнѣйшее для меня воспоминаніе. Я такъ же не забылъ 5 го Сентября и за обѣдомъ у одной изъ здѣшнихъ имянинницъ шилъ за здоровье *отсутствующихъ*.

Если шучи, когорыя собрались шеперь надъ моею головою, будутъ разнесены благопріятнымъ вѣтромъ; по я надѣюсь, въ непродолжительномъ времени, возобновить писменную съ вами бесѣду и вмѣстѣ надѣюсь написать къ вамъ и складнѣе, и веселѣе.

Прощайте, любезнѣйшій Князь! и не преспавайте упѣшая меня своими пріятными письмами!

Базиль.

ИЗВѢСТІЯ.

Безмездный Врагъ. Сочиненіе, полезное для всякаго возраста и состоянія, основанное на правилахъ Гигіены и Врачебной гимнастики. Москва. Въ типографіи А. Семена (*). 1830.

Вошъ книга, совершенно у насъ новая какъ по цѣли ея, такъ и по содержанію, и неоспоримо полезная для всѣхъ и каждаго.

(*) Продается въ Университетской книжной лавкѣ, у А. С. Ширяева, по 250 коп. экземпляръ.

Сочинитель, истинно *безмездный врач*; ибо вовсе не принадлежишь къ сословію врачей и не предлагаешь иныхъ лѣкарствъ, кроме *нравственныхъ*; сочинитель, говоримъ, заслуживаешь всю довѣренность чипапелей по глубокимъ и основательнымъ свѣдѣніямъ о пѣхъ предметахъ, кошорые излагаюшся имъ — съ ясностію, убѣдительностію и доказательствомъ, неоставляющими никакого сомнѣнія въ истинѣ, можно сказать, ярко озаряющей путь жизни для челоѵка, необращавшаго мыслей на зависимость вещественнаго сосава своего отъ душевныхъ ощущеній.

Мать, пекущаяся о *благосостояніи* дѣшей своихъ, найдешь въ сей книжкѣ пакіе наблюденія и совѣты, кошорые безъ сомнѣнія почтешъ безцѣнными, благодѣтельными, и не захочешъ распашъся съ нею.

Первая глава и 49 — 67 страницы достойны особеннаго вниманія; пакже и глава о Врачебной гимнастикѣ, — наконецъ послѣдняя страница, заключающая въ себѣ сущность цѣлаго сочиненія. Неменѣ любопытны Предувѣдомленіе и Введеніе къ оному.

Книжка посвящена Мужу почтенному и просвѣщенному, Машеію Яковлевичу Мудрову, и, смѣемъ сказать, приносимъ большую честь уму, познаніямъ и сердцу Автора.

П а р и ж с к і я м о д ы .

— На балахъ бывають въ плащяхъ болѣе изъ Шамберійскаго газа (*gaze Chambéry*), нежели изъ крепа. Надъ рубцомъ (*ourlet*) первыхъ нашиваются апласные спишки или плешки. Корсажи сихъ плащей ошдѣлываются множествомъ блондъ.

— Много шляпокъ изъ палеовой матерьи; онѣ убираются бѣлыми перьями, которыя уже напоминають одну изъ Лоншанскихъ модъ. Часто два пера накалываются въ образъ буквы V съ одной стороны шульи, а претѣе, будучи гораздо длиннѣе, упадають съ противоположной стороны на поля.

— Перья *boiteuses*, то есть двухъ цвѣтовъ, въ большой модѣ. Самыя красивыя изъ нихъ свѣтло- и темнозеленыя, накалываются на апласную зеленую шляпку.

— Все еще носятъ очень много боа (*boas*), даже и при туалетахъ почти весеннемъ.

— Совсѣмъ нѣтъ новыхъ фасоновъ для плащей. Тальи очень низкія, юбки съ большими складками, рукава узкіе до локтя и очень широкіе вверху.

— Кажется, нынѣшнее лѣто уменьшатъ величину шульи шляпокъ изъ Испальянской соломы, вопорыя раздѣляють съ шляпками изъ пальдери всеобщее употребленіе.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Береть изъ газа Донна Марія. Плащъ креповое, украшенное леншами.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобимъ, по ошпечатаіііи, предшавленн были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марша 31го дня, 1850г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

1830.

Парижскія Моды.

№ 15.

Данскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

IV.

Въ царствованіе ИМПЕРАТОРА ПАВЛА
Перваго.

1.

Елисавета Петровна Огарева.

Урожденная Баскакова, кажется, первая, по кончинѣ Великой Екашерины, явилась на поприщѣ нашей Опечесшвенной Словесности: она перевела съ Французскаго изъ сочиненій г-жи Жанлисъ нравоучительную комедію въ прехѣ дѣйствіяхъ: *Добрая мать*, и напечатала ее въ Московской Университетской Типографіи 1796 года. Прежде и послѣ того мы видѣли еще нѣсколько

мѣкихъ лишперашурныхъ ея сочиненій и переводовъ, помѣщенныхъ въ еженедѣльномъ изданіи Профессора Сахацкаго; другія же особенно напечатанныя труды ея книги намъ неизвѣстны.

2.

Марья Тимофеевна Поспѣлова.

В. С. Подшиваловъ первый способствовалъ развитію дарованій Поспѣловой. Подъ его надзоромъ и при его совѣсахъ она писала и стихи, и прозу и печатала ихъ въ еженедѣльныхъ листкахъ, издаваемыхъ упомянутымъ лишператоромъ, П. А. Сахацкимъ. Соперничество двѣицъ Свиныныхъ (*) и нѣкоторыхъ другихъ Россіанокъ, участвовавшихъ въ тѣхъ же трудахъ, было какъ бы побудительною причиною большихъ успѣховъ Марьи Тимофеевны: она, такъ сказать, искала своихъ оплчій только въ наукахъ и въ 1798 году, собравши всѣ свои сочиненія, рѣшилась ихъ издавъ книжкою подъ названіемъ: *Лучшіе часы жизни моей*. Эта книжка была напечатана во Владимірѣ на Клязьмѣ того же 1798 года въ типографіи Губернскаго Правленія. Поспѣлова тогда была одною изъ первыхъ лишператорокъ, осмѣлившихся издавъ въ полномъ собраніи труды свои. Императоръ изъявилъ ей свое благоволеніе, а читающая публика, присоединившись къ небольшому числу тогдашнихъ лишператоровъ, встрѣшила ее на поляхъ Словесности съ удивленіемъ и съ общою

(*) Дочерей Сенатора Петра Сергеевича Свинына, стихотворенія которыхъ печатались тогда въ Аонидахъ и въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени. Къ сожалѣнію они не были изданы особенно.

похвалою. Въ 1799 году она сочинила *Лирическую пѣснь на день обрученія* Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Александры Павловны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Эрц - Герцогомъ Иосифомъ, и напечатала ее въ Московской Губернской типографіи. Сія шоржественная пѣснь и другія сочиненія, посвященные имени Императорской Фамиліи, также неославлены безъ Высочайшаго награжденія.

Херасковъ и Державинъ, Карамзинъ и другіе многіе лишператоры сами искали знакомства Владимірской стихопворицы, и въ 1801 году какъ бы принудили ее напечатать въ Москвѣ (въ Сенатской типографіи), съ лучшею исправностію, вторично новое изданіе собранія сочиненій ея подъ названіемъ: *Нѣкоторыя черты природы и истины, или оттънки мыслей и чувствъ моихъ*. Эпа книга также была принята съ похвалою. Одинъ изъ любимыхъ тогдашнею публикою Поэтовъ, Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, называлъ Пospѣлову *Музою рѣчки Нязьмы!* . . .

Содержаніе послѣдняго собранія сочиненій дѣвицы Пospѣловой сославлено изъ слѣдующихъ шесъ, въ стихахъ и прозѣ: шесъ преложеній изъ Псалмовъ Пророка и Царя Давида, Ода на день Рождества Христова, Ода на разбитіе Генерала Массены, Осень, Свирѣль, Гроза, Голосъ любви, На восшествіе на Престоль АЛЕКСАНДРА I и проч. Въ семъ послѣднемъ стихопвореніи любимица нашихъ Музъ являешся прорицательницею; она говоритъ:

Покойтесь, громы неба, спите!

Сіяй, блаженства крошкѣй свѣтъ!

Проснитесь, грозно возгремите,

Коль врагъ нарушитъ миръ дерзнетъ!

Нашъ Царь покрышь щитою чудеснымъ :
 Кто противъ спашь Его дерзнетъ ?
 Онъ громомъ вооружась небеснымъ ,
 Адъ цѣлый подь пяшой сопретъ .
 Его храня , сапфирны крылы
 Божественны просперли силы .

Такъ и сбылось . Кто забудетъ двѣнадцатый
 годъ ? АЛЕКСАНДРЪ ополчился и спасъ Европу .

Въ другихъ спихахъ прекрасны каршины ;
 напримѣръ :

Въ тѣняхъ , подобныхъ изумруднымъ ,
 Блитсяетъ солнца лучъ златой .
 По свѣтлымъ небесамъ лазурнымъ
 Заря разсыпала блескъ свой .
 Ужь дня прелестное свѣтило
 Склонилось запада къ вратамъ ;
 Свой видъ блистательный сокрыло
 За горы возвышенны шамъ .
 Ужь перлами росы покрылись
 Цвѣтущи доли и поля
 И въ новомъ видѣ намъ явились
 : Теперь и небо и земля .
 Тамъ съ ревомъ водопадъ шумящій
 Со скалъ сребристы воды льетъ ;
 Здѣсь тихо ручеекъ журчащій
 По бархатнымъ лугамъ печетъ ;
 Цвѣты , куспочки орошаетъ
 Кристаломъ чистыхъ водъ своихъ ,
 Или сребристыми играетъ
 Струями на пескахъ златыхъ .
 Тамъ мрачный боръ въ дали чернѣетъ
 На дикомъ брегѣ шумныхъ водъ ;
 А здѣсь пріятно зеленѣетъ
 Изъ вѣтвей соплетенный сводъ ;
 Тамъ сосны , дубы возвышаютъ
 Свои вершины къ облакамъ ,

Вкругъ черны шѣни просцирають ;
 А здѣсь прелестный видъ глазамъ
 Лужокъ зеленый представляешь
 Своей пріятной пестротой.
 Здѣсь милый ландышъ взоръ плѣняешь
 И незабудочка собой.
 Какую чувствва наши сладость
 Отсюда могутъ почерпать ! и проч.

(*Нѣкоторыя черты природы и истины*
 стран. 130.)

Въ прозѣ дѣвицы Пospѣловой вообще видна диклапура ея учителя, В. С. Подшивалова. Напр. прочишите что - нибудь изъ ясной зимней ночи. Сочинительница говоритъ : „Природа величественная ! неисчислимы прелести твои, даже и среди свирѣпой зимы, въ самое мрачнѣйшее изъ всѣхъ время года. Онѣ сіяють намъ и возбуждаютъ въ душѣ нашей милыя, сладостныя чувствованія, чувствованія живѣйшей радости. Прелестно, величественно зрѣлище, которое представляешь намъ ясная ночь зимняя, когда луна въ полномъ блескѣ, въ полномъ сіяніи своемъ разливаешь злато - сребристыя лучи свои по небесамъ сапфирнымъ, усѣянными несчетными звѣздами, — когда яркой свѣтлостью освѣщаетъ ряды огромныхъ зданій, верхи гордыхъ башенъ, блестящія главы и куполы церквей, опчаски покрытыхъ снѣгомъ, и освѣчивается въ мешаллахъ, украшающихъ оныя; какъ блистають кресты и главы златыя въ сіяніи лучей ея, и маленькія капельки замерзшей влажноты горятъ подобно брилліантамъ ! Пушистыя бѣло - снѣжныя ковры, покрывающіе землю, блестятъ подобно серебрянымъ покрываламъ.

„Деревья, покрытыя инеемъ, представляютъ ряды кристальныхъ пирамидъ, усѣянныхъ бле-

спящими почками. Одинъ взоръ на сей величественный и привлекательный феноменъ попрясаешь чувствомъ радости сердце друга природы и возвышаетъ духъ его ;“ и проч. (спр. 150.) Не видно ли здѣсь перо Мейснера переводчика? Повторимъ : онъ училъ Пospѣлову.

3.

Александра Петровна Мурзина.

Примѣръ Пospѣловой, кажешся, подалъ случай другой изъ погдашнихъ лишперашорокъ собрать и напечатать свои сочиненія. Это была *Г-жа Мурзина*. Изданная ею книжка извѣстна подъ названіемъ : *Распускающаяся роза, или разные сочиненія въ прозѣ и стихахъ*. Сіе собраніе напечатано 1799 года въ Москвѣ у *Рѣшетникова*. Въ сей книжкѣ есть что-то занимательное; но это уже не сочиненія Пospѣловой.

Впрочемъ и г-жи Мурзиной проза довольно чиста, а стихи плодовицы, но ознаменованы вкусомъ и чувствами. Лучшія изъ ея стихотвореній суть пѣсни; ихъ, кажешся, до сорока. Вотъ одна изъ нихъ, писанная на голось проспонародной Руской пѣсни. Прочтите :

Подлѣ мосту, подлѣ рѣчки

Красна дѣвица ходила ;

Къ быстрой рѣчкѣ свое горе она приносила :

Милый мой ко мнѣ не ѣдетъ, въ слезахъ говорила.

*

Бѣдно сердце изнываетъ ,

Слышитъ, ноешъ, предвѣщаетъ ,

Что мнѣ съ миленькимъ дружочкомъ долго не выдашья,

Краснымъ солнышкомъ безъ друга мнѣ не любовашься.

*

Все лишь осень безъ милова ;
 Умереть съ тоски готова ;
 Безъ него я ни минушы жить не пожелаю :
 Милымъ ною , милымъ брежу , жизнь милымъ пишу .

*

Если-бъ крылышки имѣла ,
 Къ милому-бъ я полетѣла ;
 Ни часа бы , ни минушы съ нимъ не разлучилась ;
 Все бы , все бы за дружочкомъ въ радости носилась .

*

Жизнь считала-бъ золотою ,
 Если-бъ милый жилъ со мною ;
 Всѣ утѣхи , всѣ отрады тогда бы вкусила ;
 Въ даръ бы снова сердце другу свое приносила .

*

Но , ахъ ! друга я не вижу ,
 И свѣтъ бѣлый ненавижу !
 Красна дѣвица сказавши , слезно вздыхала .
 Быстра рѣчка зашумѣла , жалкой спонь прервала .

Въ числѣ прозаическихъ сочиненій сей Писательницы заслуживаютъ особенное вниманіе чешыре части дня : *Утро , полдень , вечеръ и полночь* . Но здѣсь для нея образцомъ былъ поэтъ Захарія , авторъ поэмъ : *Четыре части дня , и Канга въ адѣ* .

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б а б о ч к а .

Летай ,
 Порхай ,
 Мой другъ ! встрѣчайся лишь съ цвѣтами ;
 А не леши труда , гдѣ спорежишь насъ рокъ ! . . .

Ахъ! жизни крашокъ срокъ!
 Но духа не шеряй подь бурей и громами.
 Не мы сами хранимъ: Богъ швари всё хранишь (*);
 Въ шебѣ *безсмертіе* Онъ положилъ явить.
 Душа, разставшия съ обителью своею,
 Парить шуда, гдѣ Царь сердцеъ!
 А съ оболочкою ты разлучась своею,
 Изъ радужныхъ цвѣповъ приѣмлешь свой вѣнецъ.
 Но прахомъ ты своимъ блестящимъ не гордиа;
 Онъ плѣнь, онъ прахъ;
 Передь Невидимымъ смириа:
 Здѣсь сонъ; а жизнь — на небесахъ!

Мезтатель.

Э л е г і я.

Когда, когда сквозь темну даль
 Мнѣ лучъ ошрадный засвѣплѣеть;
 Когда души моей печаль
 Надежда льшивая разсѣеть?

Я жду шаспливѣйшаго дня;
 Его всегда желанье ловить:
 Но что мнѣ будущность гошовишь? . . .
 Она — она не для меня!

Не мнѣ блаженшвомъ наслаждашь,
 Не мнѣ любви воспорги знашь!
 Увы! я долженъ съ ней разсташься
 И въ пылкой юности спрадашь!

С. С. . . кій.

(*) Сіи стихи *импровизированы*; слѣдовательно не соблюденіе обыкновеннаго расположенія рифмъ — простишело. *Изд.*

К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я .

Письма В. И. Козлова къ К. П. И. Шаликову.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ , 16 ОКТЯБРЯ , 1819.

Пользуясь пріятнымъ порученіемъ Каперины Наумовны (*) (запечатать и послать ея письмо), прибавляю нѣсколько спрокъ и отъ себя, чѣобы поблагодарить васъ, любезнѣйшій Князь, за лестные отзывы, копорыхъ ни какъ и ни чѣмъ не успѣлъ еще заслужить. Очень жалю, что *Инвалидныя* мои занятія лишаютъ меня возможности писать вамъ на сей разъ *болѣе* и заславляютъ опложивъ до минути *благопріятнѣйшихъ* — Славянское описаніе цѣлаго дня, давно уже вамъ обѣщанное. — Я избралъ для этого день вчерашній, какъ *воскресный* и обильный впечатлѣніями всякаго рода; но — не успѣлъ еще привести къ концу моей исторіи. Впрочемъ — *se qui est remis, n'est pas perdu*. Въ ожиданіи скажу вамъ поруски; что я былъ, между прочимъ, въ первый разъ, у Графа Григорія Алексѣевича *Салтыкова* и встрѣтилъ тамъ молодыхъ Князей *Циціановыхъ*, дѣшей Кн. Ивана Димітріевича, съ копорыми имѣлъ случай вспомнить о Москвѣ и объ васъ.

Вашъ *Козловъ*.

(*) Относится къ слѣдующему письму.

Письмо К. Н. Пугковой.

Октября 27 дня 1819 года. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Сію минушу съ сердечнымъ удовольствіемъ прочла я письмо ваше, за которое чувствительнo благодарю васъ; я всегда была увѣрена въ *незлопамятности* благороднаго, добраго вашего сердца, и пошому съ швердою надеждою ожидала *разрѣшительной* *вашей* *граммоты*; но шѣмъ не менѣе обрадовалась оной.

Сегодня я надѣюсь увидѣшь Козлова и непременно покажу ему любезное письмо ваше. Мы съ нимъ очень, очень часто поминаемъ васъ. Онъ испинно предоброй и предоспойной молодой человекъ; его всѣ любяшъ.

Ежели вы видаешесь съ достопочтеннымъ Иваномъ Ивановичемъ Дмишріевымъ, шо пошрудешесь припомнить ему, что ешъ на свѣшъ Пучкова, которая искренно уважаешъ его какъ человека и Поэша и смѣешъ ему принесть дань своего глубочайшаго почшенія. Также, ежели увидите когда Михаила Трофимовича Каченовскаго, скажите ему мое душевное уваженіе.

Я живу хошя не ошмѣнно весело, однакожъ и нескучно. Но съ нѣкотораго времени я очень нездорова; но эшо не мѣшаешъ мнѣ всякой день выѣзжашъ, разумѣшся, къ друзьямъ моимъ, въ самые коропкіе дома.

Я льщусь, любезный Князь, что вы подарите меня вашею перепискою; будете увѣдомляшъ меня, что вы дѣлаете и что дѣлается у васъ въ бѣлокаменной, и мнѣ шакже позволите иногда сказашъ о себѣ и о нашихъ *сонмищахъ*; но о нихъ Василій Ивановичъ гораздо лучше меня вамъ опишешъ.

Прощайте. Будьте здоровы и веселы.
 Съ душевнымъ почтеніемъ навсегда
 вамъ преданная

Катерина Пучкова.

S. P. Извините нескладицу этаго письма; оно написано стоя и въ одну минушу, ибо я не хотѣла пропустить почты, а должна сію минушу ѣхать со двора.

С М Ъ С Ъ.

1.

*Большая ораторія, съ хорами, данная 28
 Марта въ концертной залъ Большаго
 Театра г-мъ Морини, капельмейсте-
 ромъ и учителемъ пѣнія въ Школѣ
 М. И. Театра.*

Первая часть сей ораторіи состоить въ молитвѣ на горѣ Элеонской. Музыка знамени-таго Белговена; слова переведены съ Нѣмецкаго Н. М. Карамзинымъ. Пѣли сало: Г. Гедике, артистъ Нѣмецкой шруппы, Ревельскій уроженецъ; г-жа Бажанова и г. Лавровъ.

Ввторую часть составляетъ Псаломъ Царя Давида. Музыка славнаго Генделя, съ хорами; слова съ Нѣмецкаго же переведены Н. Н. Г.

За внезапную болѣзнію г-жи Лавровой въ сей части соло не были пѣшы.

Ту и другую музыку можно называть истинно небесною: она прогаеть, умиляетъ душу и возноситъ ее къ небесамъ.

Въ оркестрѣ участвовали лучшіе артисты здѣшняго Императорскаго Театра. Г. Морини дирижировалъ оркестромъ съ необыкновеннымъ искусствомъ своимъ, въ особенности по-требнымъ для такой музыки, какова ораторія.

---

*Концертъ г-на Маурера, перваго скрипача
и капельмейстера Королевскаго Ганно-
верскаго театра.*

Послѣ перваго концерша, даннаго г-мъ Мауреромъ въ нашей столицѣ 26го Марша, любители музыки изъявили пламенное желаніе слышать его въ другой разъ, а здѣшніе Арписсты пошчасъ сославили между собою подписку въ дань знаменитому собрату своему, и г-нъ Мауреръ далъ вторый и послѣдній концертъ 30го Марша въ Большомъ Театрѣ.

Продолжительный громъ жаркихъ рукоплесканій вспрѣшилъ Арписста, о талантъ котораго давно уже гремишь слава. — Слышавшіе г-на Маурера здѣсь за нѣсколько лѣтъ предъ симъ не могли надивиться новымъ его успѣхамъ. Одни истинные паланшы умѣютъ болѣе и болѣе приближаться къ совершенству, которому на землѣ нѣтъ предѣловъ: все опредѣляется *сравненіемъ*; и теперь кажется намъ, что невозможно играть на скрипкѣ совершеннѣе г-на Маурера, и что она только въ его рукахъ подаешь мысль о превосходствѣ эшаго маленькаго инструмента передъ всѣми прочими. И подлинно! что за искусство! что за блескъ! что за пріятность! что за огонь! Когда Ганноверскій Амѣионъ играетъ *адажіо*; то, кажется, самая сладостнѣйшая помнось спрашнаго сердца издаешь звуки свои въ магическихъ аккордахъ его; когда же играетъ *рондо*, то опять кажется, что живѣйшая радость щасливой души изливаешь пламенный воспоргъ свой подъ волшебнымъ смычкомъ его!

Но г-нъ Мауреръ не только что превосходить во всѣхъ родахъ скрипичной игры; но онъ

и превосходный композиторъ: напримеръ, въ оркестръ его царствуетъ какое-то необыкновенное, очаровательное пьяно, такъ что, по словамъ одного Аршиста, можно, кажется, услышать пролетѣвшую муху.

Въ первой части концерта, за увертюрою изъ оперы: *Нѣмая въ Портучи*, г-нъ Мауреръ игралъ новый прекрасный концертъ своего сочиненія. Г-нъ Баншышевъ пѣлъ арію изъ оперы: *Сюрпризъ*, соч. г-на Генцшпа. Г-да Мауреръ и Грасси на двухъ скрипкахъ и Марку на виолончель играли романсъ изъ оперы: *Иосифъ*, съ вариациями г-на Маурера. Ничто не могло бытъ пріятнѣе сего прію.

Вторая часть началась увертюрою изъ оперы: *L'Esclavage unique*, соч. г-на Маурера; по окончаніи раздалось во всей залѣ: *фора! фора!* и увертюра повторилась. Она была играна и въ первомъ концертѣ: любители музыки пожелали слышать сіе превосходное швореніе вторично, и не слыхавшіе онаго оспались за сіе очень благодарны. — Послѣ того г-да Баншышевъ и Лавровъ пѣли дуэтъ изъ оперы: *Весталка*, соч. Споншини. Напоследокъ увѣнчанный герой прекраснаго концерта игралъ собственные вариации, пѣвнишельныя во всѣхъ отношеніяхъ.

Г-нъ Мауреръ, къ сожалѣнію нашему, опѣзжаетъ опѣ насъ въ скоромъ времени обратно въ С.-Петербургъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Карелія, или заточеніе Марѳы Іоанновны Романовой. Описательное стихотвореніе въ четырехъ гастяхъ. Ѳедора Глинка. Спб. Въ типографіи Х. Гинце. 1830.

Кромѣ выгоды, находимой при недосугахъ въ помѣ, чтобы не мучить головы надъ чужимъ сочиненіемъ, очень пріятно встрѣпшишь мнѣнія другихъ, почти совершенно одинакія съ нашими мнѣніями, и пошому выписавъ замѣчанія на *Карелію* изъ Лишпературной Газеты и Карманной Книжки, мы представимъ читательницамъ своимъ собственное мнѣніе о семъ стихошвореніи.

„Изо всѣхъ нашихъ Поэшовъ, Ѳ. Н. Глинка, можетъ бышь, самый оригинальный. Онъ не исповѣдуешъ ни древняго, ни Французскаго Класицизма; онъ не слѣдуешъ ни гошическому, ни новѣйшему Романшизму; слогъ его не напоминаешъ ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, опличительной черпы школы, основанной Жуковскимъ и Башюшковымъ. Вы споль же легко угадаете Глинку въ элегическомъ его Псалмѣ, какъ узнаете Кнзя Вяземскаго въ спансахъ метафизическихъ, или Крылова въ саширической припчѣ. Небрежность рифмъ и слога, обороты по смѣлые, по прозаическіе, простота, соединенная съ изысканностию, какая - по вялость и въ то же время энергическая пылкость, поэшическое добродушіе, теплоша чувствъ, однообразіе мыслей и свѣжешъ живописи, иногда мѣлочной, — все

дасть особенную печать его произведеніямъ. Поэма Карелія служишь подкрѣпленіемъ сего мнѣнія. Въ ней, какъ въ зеркаль, видны достоинства и недоспапки нашего Поэша (*). (*Лит. Газ. Том. 1. Но 10.*)

„Скажемъ откровенно, что *Карелія* не есть лучшей цвѣтокъ въ поэтическомъ вѣнкѣ *Ө. Н. Глинки*. Муза его, кажешся, *импровизировала* это Спиховореніе. Прочитавъ небольшую Поэму сію, вы неволью скажете, что Поэтъ не успѣваешь слѣдовать за своимъ воображеніемъ; и по этому - то вы не найдете ничего цѣлаго, ничего dokonчаннаго. Если позволяшь намъ сдѣлать смѣлое сравненіе, мы скажемъ, что Поэму сію можно уподобить воздуху, усѣянному послѣ бури опрысками разноцвѣтныхъ облаковъ формы своенравной. Впрочемъ, разсматривая красоты поэзіи отдѣльно, мы должны согласиться, что Поэма сія богата спихами звучными и пламенными, за исключеніемъ меньшаго числа спиховъ слабыхъ и прозаическихъ. Жаль только, что *Ө. Н. Глинка* слишкомъ горячо вводитъ въ поэзію нашу (**), усыпительный духъ Германскаго миссицизма: это неприспительно. Меллафизика, въ спихахъ, должна имѣть свои предѣлы, за чершою коихъ начинаешь уже разливаешь для чипашелей мракъ Киммерійскій.“ (*Нарм. Кн. Но 3.*)

Къ симъ двумъ мнѣніямъ мы присоединимъ замчаніе свое о *точности* въ сочиненіяхъ *Ө. Н. Глинки*. Не только нѣтъ иногда *гармони-*

(*) А въ слогъ писателя, какъ въ зеркаль, видѣнь — человекъ. *Изд.*

(**) Мы бы сказали: въ свою поэзію — о чемъ всегда *гораздо жалѣли*. *Изд.*

ческой почности у сего писателя ; но нѣтъ подчасъ почности и другаго рода. Возьмемъ въ примѣръ басню г-на Глинка : *Ручей и Рѣка*, изъ той же Карманной Книжки. „Ты, правда,“ говоритъ Рѣка Ручью „ни цвѣпка, ни правки не превозишь ; но ужь за шо и никого не можешь ни попоить, ни напоить !“

Воля Рѣки и О. Н. Глинка, а можетъ *напоятъ* не только *ручей*, но и *стаканъ*.

П а р и ж с к і я м о д ы .

На балѣ, данномъ въ пользу бѣдныхъ Англичанъ, мы замѣтили на одномъ газовомъ голубомъ платьѣ готическій узоръ, который опмѣнно красивъ и величавъ. Головной уборъ состоялъ въ голубыхъ перьяхъ, перемѣшанныхъ съ букетами серебряныхъ цвѣтовъ, имѣвшихъ блескъ алмазовъ. Ожерелья, серги и Севиные были серебряные, но столь превосходной работы, что казались самыми богатыми вещами. Рукава были à la Marino Faliero.

Изъясненіе картинки при семь No.

Голова убрана маковыми цвѣтами. Платье изъ газа Донна Марія.

Печатать дозволяется,
съ тѣмъ чшобы, по оппечатааніи, предшавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Апрѣля 2го дня, 1850 г.
Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П Р О З А.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

Г-жа Бахметева и дѣвица Свиньина.

Каперина Пешровна (*), дочь Дѣйсствительнаго Тайнаго Совѣтника, Сенатора и Кавалера Пешра Сергеевича Свиньина, и попомъ супруга Генераль-Майора Бахмешева, вмѣстѣ съ своею сеспрою, дѣвицею Наспасьею Пешровою, подъ надзоромъ современныхъ ей лишперашпо-

---

(*) Она принадлежишь къ царствованію Императрицы Екашерины Великой.

ровъ, особенно В. С. Подшивалова, Н. М. Карамзина и другихъ нѣкопорохъ, съ большою ревностію и успѣхомъ занималась опечественною словесностію, сочинила много весьма хорошихъ стиховъ и нѣкопорохъ піесы въ прозѣ, и еще въ 1794 году перевела съ Французскаго изъ сочиненій *Сен - Пьера* (Автора *Павла и Виргиніи*) одну изъ лучшихъ его повѣстей: *Индійскую хижину*, напечатала ее въ Московской Университетской Типографіи (*). Другія изъ ея сочиненій большею частію печатались въ изданіи Подшивалова: *Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*, и въ *Аонідахъ*, изданныхъ Н. М. Карамзинымъ, одномъ изъ лучшихъ Альманаховъ, даже и въ наше время; тамъ участвовали: Державинъ, Херасковъ, Карамзинъ, Дмишріевъ, Нелединскій-Мелецкій и многіе другіе Поэты, сославившіе славу Рускаго Парнасса, на которомъ тогда же Г-жа Бахмешева имѣла своихъ соперницъ - подругъ по Апполону! Мы уже упомянули о сестрѣ ея, Настасѣ Пешровнѣ; теперь назовемъ двѣицъ Магницкихъ, Княжну Урусову, Г-жу Хераскову. Во всѣхъ ихъ стихотвореніяхъ видна такая - по особенная, но *ровная*, обработка въ слогъ и — много чувства! Для примѣра приведемъ нѣкопорохъ стихотворенія Г-жи Бахмешевой, а въ своемъ мѣстѣ и прехъ другихъ нашихъ писательницъ, съ нею же здѣсь упомянутыхъ. Читатели могутъ ихъ сравнивать сами.

(*) И въ то же время тошъ же самый переводъ былъ напечатанъ въ *Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*, часть 2 я.

Любовь и Дружба (*).

(Сочин. Г-жи БАХМЕТЕВОЙ.)

„Кто можешь дружбѣ предпочесть
 Любовь, мучительницу злую?
 Зрись въ первой — истину свящую,
 Въ другой — обманы, ложь и лешь.
 Любовь разсудка не имѣешь;
 Все видишь дружба и цѣнишь;
 Мннуша первую живишь,
 Та ввѣкъ свой жаръ хранишь умѣешь.

*

„Любовь для сердца лютой ядь,
 А дружба бальзамъ несравненной:
 Мы только ею въ жизни бренной
 Вкушаемъ множество опрадь.
 Любовь къ безумію *приводитъ*.
 И унижаетъ чувства въ насъ;
 Прелестна дружба безъ заразы
 До совершенства все *доводитъ*.

*

„Любовь пипается шоской,
 Но дружба скорби разсѣваетъ
 И добродѣшель подкрѣпляетъ,
 Не рѣдко спраждушу отъ той.
 Она невинности подруга
 И крѣпкимъ служишь ей щитомъ,
 Не покрываешь стыдомъ —
 Какъ сладко жишь въ объятыхъ друга!

*

„Въ бѣдахъ не унываемъ съ нимъ,
 И славимъ свой союзъ всечасно;
 Но гдѣ любовникъ, кой бы спрасно
 Любилъ всегда и былъ любимъ?

(*) *Аониды*, книжка 1, на 1798 годъ, стран. 258.

Страсть хитры съши разспавляешь ;
 Но дружба искренна всегда ,
 Неколебима и шверда ,
 Премъны никакой не знаешь ;

„Одна угодна лишь судьбъ!“ —
 Такъ мыслишь ты , любезна Хлоя !
 Изволь ! для швоего покоя
 Пылаю дружбою къ шебъ ;
 Но пусть и богъ любви съ своими
 Примацками для насъ живешъ !
 Пусть уголокъ въ сердцахъ возьмешъ ,
 Коль не владычество надъ ними !

Почщенный Издапелъ Аонидъ замъпилъ *уголокъ* нашей спихопворицы и въ прибавленіе къ послъдней спрофъ *прекрасныхъ* спиховъ ея написалъ ей слъдующіе :

На первой случай вѣтъ доволенъ Купидонъ ;
 За тѣсной *уголокъ* спасибо скажешъ онъ ,
 И въ немъ , какъ можешъ , помѣшился :
 Но скоро уголокъ его распросранился ;
 Любовь весь домъ займешъ ,
 И Хлоя для себя въ немъ мѣста ни найдешъ !

Эшаго было бы уже довольно, чшобъ оцънить достоинство спихопвореній г-жи Бахметевой ; на нихъ обращалъ свое особенное вниманіе *Карамзинъ* : но мы предспавимъ здѣсь и еще прекрасный образецъ изъ сочиненій нашей спихопворицы. Слогъ ея уже нѣсколько ушарѣлъ ; за по мысли и нѣкоторыя спихи заслуживаютъ вниманіе современныхъ чшпашпелей.

Вошъ басня *Пчела* , одобренная шакже Издапелемъ Аонидъ (кн. I, спран. 217). Наша спихопворица шакъ ее изложила :

„За чѣмъ шы такъ неоспорочно

Летаешь по цвѣтамъ, Пчела?

Въ иныхъ есть ядь; тебѣ имъ оправиться можно.“ —

Сказала Лизанька; Пчела жъ отвѣшь дала:

„Я знаю, что мнѣ дѣлать должно:

Садясь на цвѣшокъ,

Пью нектаръ, а не вредный сокъ.“

Отвѣшь *премилой* и — басня лучше многихъ нынѣшнихъ апологовъ. Изъ другихъ спихопвореній *Катерины Петровны* намъ извѣсны: *Палемонъ* и *Хлоя*, идиллія, напечатанная въ VII й части *Пріяшнаго* и полезнаго препровожденія времени, и *Невинная пастушка*, помѣщенная *Карамзинымъ* во II й книжкѣ *Аонидъ*. Прозаическія сочиненія и переводы Г-жи *Бахмешевой* гораздо многочисленнѣе; они могли бы сослужить особую книжку, и весьма занимательную, по слогу и выбору. Вошь ихъ оглавленіе: *Идиллія*, *Баллада*, *Путешествіе Кампе изъ Тритона въ Висмаръ*, *Наказанный честолюбець*. Переводъ съ Французскаго аллегорической повѣсти: *Александръ* и *Кіаза*; Драмашичскій анекдотъ, переведенный съ Нѣмецкаго (за сей анекдотъ Издашель *Пріятн. и пол. пр. вр.*, В. С. Подшиваловъ, принесъ переводчицѣ особенную благодарность); далѣе слѣдующъ: *Дружба*, восточная повѣсть (переведена съ Французскаго); *Абезаидъ*, историческій анекдотъ (переведенъ изъ Мерсье); *Прогулка*, бездѣлка, весьма игриво сочиненная на заданныя слова; *Дружба* (перевод. изъ сочин. Мерсье); *Отечскій домъ* (изъ того же авшора); *Историкъ*, басня; *Переславское озеро*, собственное произведеніе сочинительницы; *Птица истины* (изъ сочин. Мерсье); *Портретъ моей благодѣтельницы*; *Сугубое благодѣніе* и проч. Всѣ сіи сочиненія и переводы,

начиная съ 1794 года по 1797й, печатались въ изданіяхъ Подшивалова, который, любя произведенія Мерсье, какъ видимъ, многихъ изъ со-сопрудницъ своихъ умѣлъ заславить бытъ его почипашельницами. — Для любопытныхъ читашелей мы представляемъ здѣсь въ примѣръ прозаическаго слога нашей писательницы собственную ея басню: *Историкъ*. „Обезьяна,“ говоришь нашъ авторъ „упражнялась въ живописи; но будучи вѣрною наблюдательницею натуры, изображала живошныхъ съ почнымъ сходствомъ: придавала рысаку благородное и вольное спремленіе, медвѣдю его тяжешъ, шигру свирѣпую физиономію, ослу длинныя уши. Плошодныя живошныя, будучи недовольны своими поршрешами, не шолько опказались наградишь ее, но и принудили спасашься ошъ ихъ мщенія бѣгшвомъ.

„Лисица, будучи не шоль знающа, но гораздо хипрѣе, сказала въ самой себѣ: воспользуемъ дурачешвомъ справедливаго живописца! можно ли изображашъ въ насшощемъ видѣ высокомерныхъ живошныхъ? Нѣшь! они хопяшь, чшобъ имъ льшили; и шогда шолько шрудъ не шщепень.

„Лисица нашерла красокъ на разныя дощечки; придала львиной головѣ, не смопря на ужасную ея гриву, любезную пріятность, и сузивъ челюшши, почши заславила усмѣхашься его рыкающее величештво; барсъ поперялъ свирѣпый и кровавый взглядъ, медвѣдь сдѣлался пешимешромъ; она убавила половину ослиныхъ ушей, и дала вепрю легкую щешину; волкъ показался снисходительнымъ и кропкимъ; хищныя шищцы не имѣли уже ни загнушыхъ носовъ, ни ошрыхъ когшей.

„Гордыя живошныя , прельщенныя симъ новымъ видомъ , дали ей папеншъ и пенсію. . . . (*)“

Басня просна ; но , говоря словами *И. А. Крылова* , можетъ раздражить гусей , и — большая часть изъ нихъ будетъ согласна въ томъ , что *обязана по дѣламъ дала тягу ! . . .*

Сестра Г-жи Бахмешевой , дѣвица *Свинкина* (Наспасья Пешровна) , больше писала стиховъ , нежели прозы . Карамзинъ напечаталъ въ своихъ *Аонидахъ* два изъ ея стихошвореній ; первое : *Милонова печаль* (*Аонид.* кн. I , сбран. 78) , и второе : *Польской* , сочиненный для всерадостнаго прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Московское Благородное Собраніе Апрѣля 29 дня 1797 года (*Аониды* кн. II , сбран. 291) . Другія изъ ея стихошвореній : *Пчела и Змѣй* , *Любезное уединеніе* , *Чувство благодарности* , *Дружба* , *Рѣшеніе судьбы* и проч. , были помѣщены въ *Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени* и въ другихъ нѣкошорыхъ еженедѣльныхъ , или ежемѣсячныхъ изданіяхъ .

Польской дѣвицы *Свинкиной* , принаровленный , кажешся , къ огромной музыкѣ Козловскаго , обратилъ на себя особенное вниманіе и Государя Императора , и когда хоръ пѣвчихъ съ шоржешвомъ возгласилъ :

Громы славы раздаются ,

Громы радости несутся ! и проч .

Императоръ , какъ сказываютъ , спросилъ : „Кшо авторъ мошва ?“ — Дѣвица . . . отвѣчали и Государь приказалъ изъяснить ей Свое осо-

(*) Изъ VIIй части *Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени* сбран. 210 .

бенное благоволеніе. Почти шесть тысячъ человекъ лучшаго Московскаго общества, посѣщавшихъ порожественнаго собранія, были свидѣтелями сего Высочайшаго благоволенія!

Спихи Наспасьи Пешровны къ *Любезному уединенію* (*), въ которыхъ она описываетъ пріятности сельской жизни, гдѣ, по ея выраженію,

„ . . . воздухъ чувствва всѣхъ свѣжись ,
Любовь и дружба всѣхъ живись ,

обрашили на себя особенное вниманіе Творца Россіады, и нашъ Папріархъ-Поэшь написалъ къ спиховорицѣ слѣдующее привѣтствіе :

Къ Любезному уединенію

Н . . . П . . . С . . . (**).

Ты, можешь быть, прелестна,
Ты, можешь быть, не хороша;
Но мнѣ душа твоя извѣстна:
О коль мила твоя душа!
Твое Уединенье
Чувствительнымъ сердцамъ
Приносишь утѣшенье,
И дамскимъ честь умамъ.
Цвѣтши, цвѣтши Парнаски
Въ стихахъ твоихъ цвѣтущъ;
И Грѣизовы краски
И кисть видна мнѣ шущъ.
Оставь другимъ воксалы (***) ;

(*) Пріятное и полезное препровожденіе времени, часть VII, стран. 392.

(**) Тамъ же, часть VIII, стран 49.

(***) Тогда еще существовало въ Москвѣ пріятнѣйшее мѣстнее гульбище, извѣстное подъ именемъ Воксала. Учредитель и содержатель ихъ былъ Грекъ *Медоксъ* : Поэшь говоритъ объ нихъ. *М.*

Безсмертія памъ нѣтъ :
 Пиры , собранья , балы ,
 Все , все какъ шѣнь пройдетъ .
 Почтень , кто лиру строитъ ,
 Опъ плясокъ убѣжавъ ;
 Спишокъ хорошій стоишь
 Дороже всѣхъ забавъ !

Зима настанешъ , и замерзнуть
 Пошоки и цвѣты ;
 Настанешъ старость , и исчезнуть
 Наружны красоты :
 Дни наши скоропечны ;
 Но качества души
 И Музы будутъ вѣчны :
 Будь Музой , и пиши !
 Съ чувствительностью равной
 Твоя , швоя сестра
 Воспѣла бошкъ славной
 Великаго Петра (*).
 Мнѣ мнитсѣ , съ вами Музы
 Приходятъ каждый годъ
 Возобновляшь союзы
 У Переславскихъ водъ .
 Изъ прелестей кумира
 Себѣ я не шворю ;
 Но тамъ , швоя гдѣ лира ,
 Туда въ мечтѣ парю .
 Я мню , въ шой часши свѣта ,
 Вѣнки гдѣ дружба вѣшь ,
 Еще спада Адмеша
 Лапонинъ сынъ пасетъ ;

(*) Стихотворица и сестра ея всегда живали въ Переславскомъ уѣздѣ и — бошкъ Великаго Петра былъ ближайшимъ сосѣдомъ ихъ. Кашерина Петровна Бахметева, едва ли не первая изъ нашихъ Поэтовъ, воспѣла его на своей золотой лирѣ, и — Творецъ Россіяды упоминаешъ объ ней сестрѣ ея. М.

Темпейскія долины
Сіяють красоты,
Тамъ *Сюзы* (*), тамъ *Корины*;
Мой памъ лицей, гдѣ ты (**)!

Нужно ли еще что нибудь говорить о двухъ упоминаемыхъ здѣсь писательницахъ. Онѣ были соспрудницами Карамзина и вмѣстѣ съ его похвалою удоспоены особеннаго вниманія и опъ маспшаго, славнаго въ свое время Поэша Хераскова. Пожалѣемъ полько еще разъ, что ихъ сочиненія и переводы не собраны и не изданы особенною книжкою; она бы могла бытъ назидательнымъ примѣромъ для молодыхъ нашихъ писательницъ!

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Скоротечность жизни.

ЕЩЕ МАЛО И МІРЪ КЪ ТОМУ НЕ УВИДИТЬ МЕНЯ.

Іоаннъ.

Какъ быспрый лучъ съ небесъ слѣпаешь,
Такъ въ спранствіи мелькнемъ земномъ? . . .
Мы всѣ идемъ однимъ путемъ!
Почтожь раздоръ насъ возмущаетъ,

(*) *Новиковъ*, какъ мы видѣли (Д. Ж. 1830 спран. 100), придаетъ имя *Де-ла-Сюзы* Елисаветѣ Васильевнѣ Херасковой, а самъ Херасковъ передаетъ его другой стихотворицъ: кпо изъ нихъ справедливе, да судяшь сами читательницы! М.

(**) Сіи стихи, впрочемъ, какъ всѣ знаютъ, уже напечатанные, соспавляютъ однакожь *весьма пріятную рѣ-кость* и пошому вѣроятнo, что многія изъ читательницъ, не знакомыя уже съ прошедшимъ, прочшуть ихъ съ удовольствіемъ. М.

Почто раздражены умы? . . .
 Едва взглянушь успѣемъ мы
 На мѣрь, на красоты природы,
 И мы скрываемся — какъ воды
 Сшекають въ бурныя моря.
 Дней нашихъ первая заря
 И западь — смежны межъ собою.
 Друзья! обнимемоя-жь душою;
 Порывы укроемъ спрасшей!
 Пусть крошкая любви держава
 Всѣхъ земнородныхъ осынишь;
 Пусть первая въ томъ будетъ слава,
 Чшобъ для любви одной лишь жить.

Метатель.

С М Ъ С Ъ.

*О публичномъ актѣ въ Университетскомъ
 Благородномъ Пансіонѣ по случаю вы-
 пуска воспитанниковъ, окончившихъ
 курсъ ученія.*

Бышь свидѣшелемъ ни съ чѣмъ несравненнаго
 щасія въ наилучшій періодъ жизни челове-
 чской — значишь самому наслаждаешься щасіемъ.
 И мы наслаждались имъ, взирая на блистающія
 радости лица воскишанниковъ, получающихъ
 классныя чины и опличныя награды при звукѣ
 трубъ — передъ взорами родителей! Какія ми-
 нуты для юныхъ сердець! и какое шоржество
 для отца и матери! Такъ! подобное щасіе не
 можешь ни съ чѣмъ сравниться! . . .

Хоръ пѣвчихъ, сопровождаемый оркестромъ,
 предшествовалъ акту, который происходилъ въ
 присутствіи Его Преосвященства, Епископа Діо-
 нисія; Его Сіяшельства, Князя С. М. Голицына;
 Его Высокопревосходительства И. И. Дмишріева;

Ихъ Превосходительствъ С. А. Волкова, Г-дъ Гражданскаго Губернашора и Оберь - Полицеймейспера, многихъ Сенашоровъ и другихъ посъшпителей обоого пола, и кошорый опкрылся произнесенною воспитанникомъ рѣчью *О важности изученія Истори и о влїяніи оной на Словесность*, соч. Андрея Токарева. Послѣ того воспитанниками чшпаны списхи: *Смерть Сократа*, соч. Семена Спромилова, и на Греческомъ языкѣ: *Морское сраженіе вѣ Наваринѣ*, соч. Аншона Авгерино. Наконецъ чшпаны пансіонерами слѣдующія сочиненія — на Лапинскомъ языкѣ: *Объ изяществе Горациевыхъ твореній*, Василия Дубровина; на Французскомъ: *Ломоносовъ и Ж. - Б. Руссо*, Аполлона Шшейна; на Нѣмецкомъ: *О постепенномъ усовершенствованіи классическо - древней словесности у Нѣмцовъ*, Дмитрїя Прошасьева это; на Англійскомъ: *Характеръ слога и сочиненій Томаса Мура*, Мойсея Иваненко; на Ишальянскомъ: *Освобожденный Іерусалимъ*, Алексѣя Малыгина.

По окончаніи чшенія розданы награды, состоявшія въ золотыхъ и серебряныхъ медаляхъ, математическихъ инструментахъ, книгахъ и каршинахъ, и возвѣщено имя доспойнѣйшаго и служившаго для другихъ примѣромъ воспитанника, г-на Малыгина, долженспвующее оспашься на золотой доскѣ въ залѣ Пансіона.

Акшъ заключился рѣчью къ посъшпителямъ, соч. В. Дубровина. Послѣ чего были осмашриваемы класныя комнашы и доршуары, ушѣшающіе посъшпителей прекраснымъ устройствомъ и опличною чшшошою. Мы въ особеннوشي ушѣшались здоровьемъ, цвѣшущимъ на лицахъ воспитанниковъ — какъ первымъ благомъ въ жизни.

Наконецъ Директоръ Пансіона, Статскій Совѣтникъ П. А. Курбатовъ, угощалъ въ самомъ Пансіонѣ обѣденнымъ столомъ, за которымъ находились вышенаименованныя почепныя Особы, многіе изъ господъ Университетскихъ Профессоровъ и посѣпителей.

Во время стола играла музыка съ хоромъ пѣвчихъ, копорые при возглашеніи перваго поща за здравіе Вѣнценоснаго Покровителя наукъ, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, запѣли всегда прогашельный, умиляющій душу гимнъ: *Боже! спаси Царя!* повпоряемый въ сердцѣ каждаго вѣрноподданнаго.

ИЗВѢСТІЯ.

Юрій Милославскій, романъ Г-на Загоскина.

La critique est aisée, et l'art est difficile, сказалъ законодатель Французскаго Парнасса. Ежели Буало говоритъ о крипикѣ сапирической, то онъ справедливъ; ибо съ нѣкопорыми познаніями и съ дурнымъ сердцемъ пасквили писашъ и не *трудно*, и не мудрено. Но крипика благонамѣренная, основанная на общей пользѣ, пребуя со стороны писателя большой учености, непоколебимаго безприсраспія, самаго упонченнаго вкуса, а по словамъ г-жи Жанлисъ, и добраго сердца, — шакая *критика* никакъ не можешъ *назваться легкою* (aisée): оспавляемъ на судъ читателей опредѣлишь, къ сей ли послѣдней, или къ первой вообще принадлежатъ рецензіи, крипики, аншикрипики, копорыми украшаются наши Журналы; но кспати замѣшимъ здѣсь, что опличительный характеръ сихъ рецензій, крипикъ и анши-

крипикъ есть самая язвительная, самая грубая иронія; читаешь ихъ, не знаешь, на сочиненіе ли г-нь рецензель негодуешь, или на автора. Не успеешь появиться книга, какого бы она рода ни была, какъ вдругъ нѣсколько усердныхъ блюстителей опечесшвенной липперашурной славы кинешся на книгу подобно алчнымъ звѣрямъ на добычу, и расперзаешь *въ клочки* трудъ бѣднаго автора. Вопреки мнѣнію весьма умнаго и ученаго писателя, сказавшаго, что нѣтъ даже и *дурной* книги, въ кошорой бы не нашлось чего нибудь хорошаго, наши Аристархи оплично хорошо видятъ и понимаютъ все нелѣпое, уродливое, безобразное; но посредспвеннаго, прекраснаго, превосходнаго нигдѣ и ни въ чемъ *не находятъ*. Такое исключительное приспращіе *къ дурному* весьма странно. Не знаю, какую пользу споль *одностороннія* крипики могутъ принести липперашурѣ; но я увѣренъ, что подобныя рецензіи, оскорбляя безусловно самолюбіе молодаго автора, вступающаго *свробостію* на скользкое поприще словесности, не только удобны охладить желаніе писать, но даже и совершенно ошвращаютъ отъ авторства. Известно, что благонамѣренная крипика необходимо нужна въ области липперашуры: посредспвомъ крипики писатели научаются избѣгать шѣхъ ошибокъ, въ кошорыя нерѣдко увлекаются даже и пылкостью своего воображенія; но грубая брань, непрощительныя личности, колкіе и несправедливые упреки въ невѣжествѣ, изысканныя средства содѣлать крипикуемаго автора презрительнымъ, смѣшнымъ въ глазахъ публики, — подобныя неприличности не совершенно ли усстраняютъ отъ благородной цѣли *быть полезнымъ*; цѣли, въ кошорой благомы-

слящій кришикъ долженъ спремиться? Не уже ли жалкая суешность прослышь *остракомъ* (*) удобна заглушить потъ ушонченный вкусъ, пѣ высокiя чувствованiя, кошорыя, по законамъ природы, должны образоваться въ сердцѣ писателя *упражненiями въ изящномъ*? Замѣшите дурное, похвалишь хорошее, указашъ автору на слабыя мѣспа его сочиненiя, *сказать ему даже рѣшительно, что онъ не достигъ желаннаго успѣха* — все это есть конечно священная обязанность кришика; но принявши на себя поспоянный характеръ наставника липшерапоровъ, онъ долженъ бышь ихъ *безпристрастнымъ* совѣшникомъ, а не уподобляться Люциферу, исчисляющему съ адскою улыбкою пороки грѣшника, повергнувшiе нещаснаго въ его добычу.

И такъ, предоспавляя *розыски* многомудрымъ нашимъ кришико-сапирикамъ, скажемъ нѣскольго словъ о прекрасномъ романѣ Г-на Загоскина: *Юрiй Милославскiй*. Всѣ происшествiя онаго испекають весьма правдоподобно одно изъ другаго; инпересь отъ первой спраницы до послѣдней нимало не уменьшается, но еще возраспаетъ поспепенно. Испинно романические характеры дѣйспвующихъ лицъ, вѣрное описанiе нравовъ того времени, изъ котораго Авторъ почерпнулъ содержанiе своего романа, прекрасныя карпины, и наконецъ множеспво подробностей, одушевленныхъ пылкимъ воображенiемъ Авшора, — все это въ полной мѣрѣ оправдываетъ благосклон-

---

(*) По большой часпи въ глазахъ невѣждъ и провинциаловъ (*), великихъ охотниковъ до ругательныхъ рецензiй. *Соз.*

(*) Кошорыхъ, къ нещасiю, очень много и въ Столицѣ. *Изд.*

ность, съ каковою безпристрастная публика приняла Юрія Милославскаго (*).

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

Отъ Издателя.

Прошу извиненія у благосклонныхъ Читательницъ своихъ, что къ сему номеру не приложена картинка: послѣ той, которая находится въ предыдущемъ номерѣ Д. Ж., новая по нѣкошорому особенному случаю получена слишкомъ поздно, а я не хотѣлъ опсрочить выдачу своего Журнала.

(*) Онъ удостоился и Монаршаго благоволенія. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ бытность СВОЮ нынѣ въ Москвѣ пожелалъ видѣть Г-на Загоскина, самымъ лестнымъ образомъ изволилъ опозваться о его романѣ, сказалъ, что прочелъ эшотъ истинно *Рускій романъ* съ большимъ удовольствіемъ, пожаловалъ Авшору брилліантовый перстень и повелѣлъ другой сочиняемый имъ историческій же романъ изъ эпохи 1812 года прислать прямо къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ. — Какая сладостная награда! какое благодарное ободреніе опечественныхъ талантовъ! *Изд.*

О Ш И Б К А.

Въ предыдущемъ Но Д. Ж. на стран. 39, въ стр. 22, напечатано: *Канга*, а должно гитать: *Копа*.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по опсечашаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Апрѣля 16го дня, 1830 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Серетъ Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

4 (*).

Дѣвѣ сестры дѣвицы Магницкія.

Наталя Михайловна и Александра Михайловна Магницкія, дочери Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника Михайла Леонтьевича и сестры Михайла Михайловича, Поэта, Юриспрудента и бывшаго Попечителя Казанскаго Университета, стали извѣстны на поприщѣ отечественной Словесности съ 1796 года. Профессоръ П. А. Сахацкій, продолжавшій послѣ Подшивалова изданіе *Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени*, имѣлъ

(*) Число означаетъ Писательницъ царствованія Императора Павла I.

щастіе первый познакомить читающую публику съ двумя юными и прекрасными музами; а Николай Михайлович Карамзинъ во второй книжкѣ своихъ *Донидѣ*, изданныхъ имъ на 1797 годъ, между стихотвореніями Державина, Хераскова, Дмипріева и другихъ, тогда славившихся поповъ, помѣшилъ стихотвореніе и *Александры Михайловны*, ею сочиненное подъ названіемъ *Нищій*; въ сихъ стихахъ, какъ мы увидимъ, весьма много и чувствъ, и прекрасныхъ мыслей. Но перечтемъ прежде всѣ извѣстные намъ сочиненія и переводы двухъ сестръ, подругъ Аполлоновыхъ, также напечатанныя въ изданіи Сахацкаго. Изъ стихотвореній *Натальи Михайловны* болѣе другихъ извѣсны надписи: *Къ розѣ*, *Къ бюсту М. М. Хераскова* (*), *Пѣсь Богу*, *Два цвѣтка соперники*, *Спящее дитя*, *Красота и скромность*, *Ода изъ Анакреона*, *Къ Цинтіи* и проч. Въ прозѣ она перевела до пятнадцати писемъ изъ Пущешествія *Дюпати по Италіи*, изъ коихъ восемь помѣщены въ *Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*. Александра Михайловна перевела и напечатала такихъ же писемъ до двѣнадцати; а въ стихахъ, кромѣ вышеупоминаемыхъ стиховъ *Нищій*, сочинила и напечатала: *Сонъ*, *Къ безсмертному творцу Россіады*, *Благотворитель*, *На смерть жаворонка*, *Сельская жизнь*, *Время* и проч.

Въ предпріятіи переводить *Письма Дюпати* приняли съ Магницкими участіе еще двѣ юныя же тогда лишперашорки, также, какъ и первая сотрудницы Профессора Сахацкаго: это

(*) Сіи стихи и отвѣтъ Хераскова помѣщены въ концѣ сей статьи.

Княжна Каперина Владиміровна Щербатова (*), и неразлучная подруга ея, Марія Александровна Боске (**), изъ коихъ первая перевела шолько до двадцати писемъ и между прочимъ перевела, также для изданія Сахацкаго (***), изъ *Гервел* и другихъ писателей въ прозѣ: *Трудолюбіе и обработаніе*, піесу философическую; *Возращеніе отца*, и множество воспомыныхъ Аппологовъ, изъ коихъ мы назовемъ опличнѣйшія: *Пещера и Эхо*, *Бумага*, *Перо и Чернилица*, *Зефиръ и Плодовитый садъ* и проч. Впорая, по естѣ двѣица Боске, заботившаяся больше объ изданіи Аппологовъ Гервея, нежели о переводѣ *Дюпати*, перевела изъ сего послѣдняго шолько пять писемъ; но издала собственное свое сочиненіе: *Дорога къ селу*, и перевела изъ *Гервея* *Нѣжность цвѣтовъ*, *Выгоды уединенія*, *Труба и Свирѣль*, повѣсти: *Великодушная сестра*, *Мелида и Дафнисъ* и проч. Ею же переведены двѣ небольшія повѣсти: *Жертвенникъ въ лѣсу*, и *Хижина, или пріемышъ*. Наконецъ Аппологи Гервея были готовы; но также не изданы, какъ и союзный переводъ *Путешествія Дюпати*. Сахацкій, какъ говорятъ, полюбился просматривавшъ переводъ сего путешествія, а между тѣмъ, въ 1800 году, оно переведено извѣстнымъ липператоромъ, И. И. Мартыновымъ. Жаль! красовы Дюпати намъ лучше бы могли бытъ переданы перомъ пламеннымъ и краснорѣчивымъ нашихъ юныхъ писательницъ. Впрочемъ не дѣлая никакихъ сравненій, мы здѣсь представимъ любопытнымъ читателямъ по одному образцу

(*) Бывшая за С. К. Черепановымъ, а нынѣ супруга Г-на Попова. *Изд.*

(**) Въ послѣдствіи г-жа Шлиптеръ. *Изд.*

(***) *Ипнокрена и Пріятное и полезное препровожденіе времени. М.*

отъ каждой изъ нашихъ переводчицъ: читашъ
Дюпати — никогда не наскучилъ. Переводъ
Натальи Михайловны Магницкой:

Госпиталь неизлѣчимыхъ:

Г е н у я:

Письмо XV (*изъ Lettres sur l' Italie par Dupaty*):

„Что скажутъ философъ и человекъ чувствительный при возрѣнїи на великопный Госпиталь неизлѣчимыхъ?

„Какъ! ни одинъ изъ сихъ девяностъ несчастныхъ; просперсныхъ; или лучше сказать, прикованныхъ на одрѣ болѣзней, никогда не выздоровѣетъ (*)!

„Да! эти спарики еще будутъ жить, а эти дѣши будутъ всегда спрадать.

„Я не могъ безъ ужаса пройти чрезъ *молчаливую* обширность сего чертова горести.

„Съ одного края залы до другаго я слышалъ каждое движеніе, и могъ различить каждый вздохъ.

„Никакъ не возможно, чтобы какой-нибудь взоръ объялъ вдругъ такое множество неизлѣчимыхъ, всѣ болѣзни, во всѣхъ возрастахъ и у различнаго пола! Нѣтъ возможности, чтобы не пролилъ нѣсколькихъ слезъ о сихъ злополучныхъ жертвахъ жизни!

„Возлѣ несчастныхъ, лишенныхъ *навѣчно* здоровья, въ другой залѣ содержатся несчастные, *лишенные* разума. И такъ здѣсь въ одномъ мѣстѣ всѣ образы различнаго униженїа человека!

(*) У насъ въ Москвѣ недавно Попечительный Комитетъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества устроилъ подобное заведеніе, но еще въ самомъ маломъ видѣ, при своей *Маросейской* богадѣльнѣ, заслуживающей по своему устройству также особенное вниманіе любопытнаго патріота. М.

„Впрочемъ сказываюшъ , что эпомъ Госпи-
саль управляетъ хуже другихъ ; можешь бышь ,
не опъ того ли , что болѣзни *въ немъ вѣчны* ,
а сосраданіе такъ непостоянно , живучи въ
сердцѣ чловѣка : оно любитъ новоспъ ; эпо
слышалъ и видѣлъ я сейчасъ !

„Дождь и Сенашъ *будушъ* осмадривашъ Госпи-
саль въ слѣдующее воскресенье и пошому те-
перь уже начали забоишъ о бѣльѣ на посте-
ляхъ , окуривашъ благовоніями залы , поправляшъ
живопись на спѣнахъ и проч. и проч. Ложъ го-
повишъ во всей своей силѣ ! Такъ показываюшъ
путешествующимъ Государямъ ихъ собшвенныя
владѣнія !“

Дюпаши *съ языкомъ* своимъ ужасень ! го-
воряшъ , что такъ сказалъ одинъ изъ совре-
менныхъ ему Миниспровъ ; но — обратимся къ
переводу *Александры Михайловны Магницкой*.
Вошъ онъ :

„Каршина четырехъ возрастовъ.

„Римъ. (Письмо ХСII.)

„Я не люблю аллегорическихъ каршинъ , из-
ключая пѣхъ , кошорыя покрышы прозрачною
завѣсою и не слишкомъ украшены ; истина дол-
жна скривашъся такъ , чшобы можно было ее
примѣшпшъ. Конечно иногда она можешъ бышь
украшена ; но не какъ щеголиха , или кокешка , а
какъ скромная дѣвица , нарядившаяся не для по-
го , чшобы плѣняшъ взоры стороннихъ ; но для
того только , чшобъ предувѣдомляшъ ихъ и —
останавливашъ. Я видѣлъ двѣ каршины , въ ко-
шорыхъ эши правила сохранены во всей почно-
сти : вошъ первая :

„Старикъ , въ черной шляпѣ , съ печальнымъ
и мрачнымъ взоромъ , счишаетъ на шполъ день-

ги ; на правой сторонѣ его взрослый человекъ , увѣнчанный лавромъ , съ важнымъ видомъ , размышляя , чипаетъ ; на лѣвой сторонѣ , молодой человекъ въ шляпѣ , украшенной перьями , играетъ , улыбаясь , на гитарѣ , между нѣмъ какъ передъ ними , подлѣ окна , просповолосое , прекрасное дитя , распворяетъ , усмѣхаясь , клѣпку , и манишь въ нее ппичекъ , копорыя лепають мимо .

„Не видите ли вы здѣсь чешырехъ возрастовъ мужчины ?

„Вошь вторая карпина , копорая служить продолженіемъ первой :

„Маленькая дѣвочка сидитъ на полу , играетъ переважно съ куклою , копорую она раздѣваетъ ; подлѣ спойтшь молодая красавица , пріятно смощрипся въ зеркало и наряжается ; близъ нее спещенно одѣтая женщина совершенныхъ лѣтъ сидитъ за пяльцами , прилѣжно и не спѣша вышиваетъ по холсту ; подалѣ , полулежащая въ большихъ креслахъ противъ камина спаруха съ нахмуреннымъ лицомъ , въ очкахъ , съ книгою на колѣнахъ , кашляетъ и ворчитъ .

„Какъ не узнать въ семь чешырехъ возрастовъ женщины ?“

Катерина Владиміровна Попова продолжаетъ передавать намъ Дюпапи нѣмъ же слогомъ .

РИМЪ. (Письмо LXXXIV.)

„Живописецъ *Гвидъ* на пополкѣ замка *Rospiglioli* аллегорически представилъ упреннюю зарю .

„Красавицы ! если вы , чшобъ видѣть зарю , никогда не вставали рано ; шо слушайте :

„Какъ скоро ночь покроешь все пространство моря , освѣщаемое , однакожь , по временамъ , кипящею пѣною ; тогда юная , прелестная ,

кропкая *Аврора* вдругъ показывается въ разноцвѣтномъ покрывалѣ; она держишь въ рукахъ цвѣты; замысловатая эмблема облаковъ ея окружаетъ и воздухъ кругомъ ея мало по малу краснѣетъ. Но вопль гостыя ушра приблизилась: съ какимъ нѣжнымъ взоромъ она оглядывается на солнце, и — солнце, слѣдуя за нею, плашишь ей шѣмъ же ласковымъ видомъ. По законамъ природы Аврора и солнце никогда не приблизятся другъ къ другу: имъ одно только свиданіе назначается въ часы *прекраснаго* ушра; но и тогда чешыре великолѣпные коня, прыгая, разсѣкають лазоревыя волны, а волны воспламеняясь, скоро уносятъ багряную колесницу. Младшія дщери *Авроры*, сшоль похожія на мать и другъ на друга, улыбаясь, держашся за руки вкругъ колесницы, между шѣмъ какъ Амуръ, лешая между богинею и конями, попрыскаетъ солнечный пламенникъ на вселенную и вдругъ — разсвѣщаетъ.

„Какъ жаль, что время такъ немедленно сгладитъ эту прекрасную картину! *Аврора* день ото дня спановишся блѣднѣе; у ней нѣтъ болѣе *розовыхъ* пальцевъ и въ скоромъ времени она принуждена будешь извѣстишь насъ о дняхъ зимнихъ!

„Вся эта картина прекрасна, однакожь и не безъ погрѣшностей. Аврора предспавлена слишкомъ важною; ея спанъ не довольно гибокъ, а слезы, шрепещущія на глазахъ, совсѣмъ *безъ любви*. Въспо шого чтообъ неспись по воздуху, она — идешь. Для чего сіи цвѣты связаны? Какъ крѣпко она держишь эшѣ розы; — ни одна изъ нихъ не наклонилась въ рукахъ ея.

„Лафоншенъ, видѣвшій ушреннюю зарю, изобразилъ ее какъ молодую красавицу и —

эша красавица , поддерживая одною рукою голову, оперлась на облако, а другою разсыпала цветы, но не съяла ихъ.“

Переводъ г-жи Шлицперъ слѣдующій :

„ФЛОРЕНЦІЯ. (Письмо XXXVII.)

„Замокъ Corsini и великолѣпнень, и богатъ картинами. Описываю изъ нихъ только три.

„Первая, *Поэзія*. Она въ лаврахъ и ее можно назвать *Виргиліевою* : такъ она величественна; но въ то же время проста и прелестна: эшо настоящая *Дидона*. Ее начерпали: нѣжное сердце, изящная мысль и шерпѣливая кисть живописца *Долчея*.

„Подлѣ эшой картины потчасъ увидите другую: изображеніе *Св. Севастіана* — работы также *Долчея*.

„Третья совсѣмъ другаго рода и другаго художника — *Альбана*. Я назвалъ великаго артиста и вы уже мысленно увидите и *Амуровъ*, и *Грацій*, и не ошибаетесь : *Амуры* и *Граціи* никогда не оставляли *Альбана* !

„Здѣсь на своей картинѣ, вечеркомъ, онъ проводилъ дѣшей - *Амуровъ* въ долину, на берегъ ручейка, прошекающаго по цвѣтамъ и дерну; *Амуры* смѣются, поютъ и пляшутъ подъ флейшу: на ней играетъ старикъ *Силень*. Одинъ изъ *Амуровъ* опспалъ опъ поварищей и лежитъ на муравъ; другіе такъ привлекательно маняшь его къ себѣ; но лѣнивецъ не соглашается.

„Скажите, не привлекательная ли эшо сцена? *Амуры* до того милы и хороши, что иначе не объяснишь, если не скажешь : „такими и должны быть *Амуры*.“ Какая привлекательная противоположность между ними и спарымъ *Силеномъ* !

„Я самъ цѣлый часъ провелъ съ эпими Амурами и съ ихъ музыканшомъ *Силеномъ* въ эпой долинь.“

Не лзя охуждашь перевода, изданнаго ученымъ Маршыновымъ; но кцо запрепиць сказашъ, что какъ бы щаспливъ былъ Дюпапи и многіе изъ другихъ подобныхъ писателей, являясь на нужомъ языкѣ изъ - подѣ *прекраснаго пера прекрасныхъ* ?

Мы хотѣли напомнишь нашимъ читателямъ о стихотвореніи *А. М. Магницкой*, одобренномъ *Н. М. Карамзинымъ*. Вошь оно :

Н и щ и ѣ.

За что всегда, мой другъ, страдаешь ?
 Уже въ почтенныхъ сѣдинахъ
 Ты жизнь влачишь на костыляхъ,
 И горьки слезы проливаешь !
 Лишенный хлѣба, силъ, очей,
 Еще ты презрѣнь отъ людей !
 Межь тѣмъ, когда такой же смертный
 Обильемъ, щастьемъ одаренъ,
 Ты въ горести страдаешь, бѣдный !
 Подѣ тяжкимъ игомъ зла согбенъ ;
 Пищаясь вздохами, слезами,
 Считаешь дни свои бѣдами ;
 Гдѣбъ скрышь отъ хлада могъ себя,
 И хижины лишенъ смиренной ;
 Одинъ ты кажешься въ вселенной,
 Лишь скорбь преслѣдуетъ тебя.
 Въ слезахъ, безъ пищи, одѣянья,
 Сидишь у вратъ, ждешь подаянья ;
 У вращъ, гдѣ также человекъ
 Въ блестящемъ храмѣ щастья дремлешь
 Средь роскошей, веселій, нѣгъ,
 И стону твоему не внимлешь.
 Тамъ громко музыка гремишь
 Въ огромной залѣ, позлащенной :
 Онъ роскошь хладнымъ окомъ зришь,
 Всѣхъ ясивъ обильемъ пресыщенный ;
 А ты — испрошенъ хлѣбъ сухой

Смягчаешь радости слезой!
 Безмолвемъ райскимъ окруженный,
 На нѣжныхъ, розовыхъ цвѣсахъ,
 Покоемъ крошкимъ осянненный,
 Онъ дремлетъ въ сладосныхъ мечтахъ;
 А ты на камнѣ, безопраднй,
 Съ слезами очи лишь сомкнешь,
 Тебя ужъ будить вътеръ хладный,
 И ты опять ужъ слезы льешь.
 За чтожь одинъ весь вѣкъ спрадаеть,
 Другой вѣмъ щастьемъ обладаеть?
 Но щастье наше что? — мечта,
 Блескъ призраковъ мгновенный.
 Жизнь сонъ — и иногда прелестный;
 А прелестъ жизни — суета!
 Тебя, мой другъ, одно мгновенье
 Съ нимъ можеть навсегда сравнить.
 Лишь шагъ . . . и гробъ? . . . Лишь шагъ . . . вступленье
 Въ ужасну вѣчность предлежишь,
 Гдѣ всѣ мечты забудеть смертнй,
 Гдѣ можеть щасливъ бышь и — бѣднй!

Въ сихъ стихахъ естъ недоспапки; но языкъ, которымъ они рассказаны, исполненъ чувствъ. Припомъ вспомните, что это говорено слишкомъ за шидцать лѣтъ — въ 1797 году.

Наконецъ вопъ стихи *Н. М. Магницкой* къ *бюсту* шворца *Россiады*, стихи, заставившiе и его самого говорить съ нашею Музою языкомъ Аполлона. Читайте:

Къ бюсту М. М. Хераскова.

Сатурнъ свирѣпнй, грознй въ прахъ
 Преобратишь сей видъ почшеннй;
 Но лиры звукъ его безсмертнй
 Въ безмѣрныхъ вѣчности поляхъ
 Промчится быстро, загремишь,
 Кто былъ *Херасковъ* возвѣститъ.

1796 Года Декабря 28 дня.

Москва.

Александра Михайловна почти въ то же время сдѣлала слѣдующій вызовъ шворцу Россіады :

Ты звуки нашихъ лиръ простые
 Пріятною хвалою почилъ,
 Трудъ Музы робкія, младыя,
 Своей улыбкой ободрилъ;
 Когда-бъ имѣла я священный
 Твой даръ, съ кошорымъ воспѣвалъ
 Ты Россіанъ освобожденныхъ,
 Гремѣлъ перунами, блисталъ;
 Тогда-бъ прекрасными спихами,
 Тогда-бъ гремящими спрунами
 Воспѣла благодарность я;
 Но лира не громка моя.
 И такъ дозволь ты мнѣ въ прелестный,
 Въ лавровый, въ славный пивой вѣнокъ,
 Безсмертный Бардъ, пѣвецъ почтенный,
 Вплещи усердія цвѣтокъ!

Хераскова польстили спихопворенія двухъ юныхъ Музъ, и онъ, какъ Папріархъ Рускаго Парнаса, ошвѣчалъ имъ :

Я думать начинаю,
 Что взыду на Парнасъ,
 Когда хвалы внимаю,
 Двѣ Граціи, опъ васъ:
 Магнитной нѣкой силой
 Приобрѣту вѣнокъ,
 Въ кошоромъ *вставленъ милой.*
Усердія цвѣтокъ;
 Вовѣкъ не сокрушишься,
 Мнѣ кажется, мой бюспъ;
 Дыханьемъ онъ живишься
 Прекрасныхъ вашихъ устъ.
 Но вы, какъ Филомелы,
 Стыдливы и не смѣлы:
 Вы кроетесь поя (*);
 Мнѣ голосъ вашъ пріятень;
 Онъ издали мнѣ вяшень,
 Но васъ не вижу я.

(*) Тогда онъ еще не былъ лично знакомъ съ Магницкими. М.

Эти стихи гораздо хуже сочиненныхъ Магницкими; но были написаны *творцомъ Россіады* и попому зашумѣли и слишкомъ лестно опозвались въ сердцѣ двухъ юныхъ писательницъ: сказывающъ, что онъ въ шуже минушу подешѣли къ Хераскову сами и съ личною за себя благодарностію. Паптріархъ погдашняго нашего стихотворства былъ въ свое время еще болѣе славенъ, чѣмъ въ наше творецъ *Руслана и Людмилы, Бахчисарайскаго Фонтана, Бориса Годунова* и проч. и проч.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д в ѣ в е с н ы.

Съ вершины горъ струятся воды;
Зазеленѣли луга;
Красы весеннія природы
Зовушь въ долины пасуха,
Съ прелестнымъ ручейковъ журданьемъ
Сдвигаетъ пѣсць *Орфей* лѣсовъ;
Поетъ онъ нѣжностъ и любовь.
Луна, дубраву осребряя,
Какъ будто слушаетъ его. . . .
Все новой жизнью оживаетъ;
Но — сердце щещно ожидаетъ
Весны для чувства своего!
Съ своей волшебною весною,
Съ своей весеннею мечшою —
Какъ будто отжило оно! . . .
Въ замѣну-жь, что ему дано?
Ахъ! зрѣлище страстей бурливыхъ,
Иль себялюбцевъ ледяныхъ,
Или кумировъ золотыхъ,
Иль честолюбцевъ суешливыхъ,

Или . . . . но есть отрада намъ ;
Есть къ счастью путь земнымъ силамъ .

*

Забудемъ гордыхъ горделивость ;
Страсшей забудемъ суешливость ;
Себя любви мы отдадимъ ;
И съ человечествомъ въ согласье ;
Друзья ! свое вѣщая счастье ,
Его мы жребій раздѣлимъ . . . .
Я знаю : жизнь на мигъ дана !
Но гдѣ душа слалась съ душами ,
Съ весной шамъ сходимся сердцами :
Любовь есть вѣчная весна .

Мечтатель.

Къ А. В. Ал. . . . . й.

*При посылкѣ желаемого ею живописнаго
оригинала.*

Но для чего тебѣ изящный образецъ
Волшебныхъ прелестей для кисти вдохновенной ?
Желаешь ли привлечь вниманье къ ней сердце ;
Плѣнишь ихъ красотой высокой ; совершенной ;
Достоиную занять Художницу — себя :
Спиши сама себя !

ИЗВѢСТІЯ.

Юрій Милославскій, романъ Г-на Загоскина.

(П р о д о л ж е н і е .)

Эпоха Лже - Димитріевъ и междоцарствія ,
послѣдовавшаго за низверженіемъ Царя Іоанна
Васильевича Шуйскаго, есть самая бѣдственная

для Россіи, но въ то же время и самая богатая происшествіями. Съ одной стороны коварство и поспыднѣйшій умыселъ нѣкоторыхъ Бояръ порабошншь опечеснво чуждому Государю; съ другой дополь совсѣмъ неизвѣстный гражданинъ, не имѣющій ни силы, ни богатствъ, но богатый душею и сильный добродѣтелями, украшавшими нѣкогда сыновъ древняго Рима, рѣшаешся спасти погибающую Россію: вопшь блистательная эпоха нашей Исторіи; эпоха, копорою Г-нъ Загоскинъ весьма удачно воспользовался для своего романа.

Юрій, сынъ покойнаго Боярина Милославскаго, имѣлъ несчастіе присягнутьъ, *какъ Русскому Царю*, Владиславу, сыну Сигизмунда, Короля Польскаго. Романъ начинается шѣмъ, что Юрій посланъ изъ Москвы опъ Пана Хотнѣвича къ собравшимся въ Нижнемъ - Новгородѣ Боярамъ для спасенія Россіи, съ предложеніемъ покориться *Владиславу*, избранному на Россійскій пресполь; но почши съ самаго начала замѣшно въ Юріи какое-то раскаяніе, какое-то сомнѣніе въ *справедливости* данной имъ присяги Государю иноплеменному. . . . Чншатель знакомншь съ героемъ романа на дорогѣ. Милославскій съ вѣрнымъ ему служншелемъ, Алексѣемъ, заспнгнушые ужасною мешелнцеею, пошерявъ дорогу, изнемогающъ опъ холода и опъ усталоспн; но не взнрая на то, великодушному Милославскому удаешся спасти жизнь челоувѣку, гошовому замерзнушь, и эпошь челоувѣкъ есть самый пошь Кнрша, копороаго, въ послѣдствіи, неизчерпаемыя хншроспн нзвлекающъ сполько разъ Милославскаго изъ погнбелн, и копорый нграешъ споль блестящую роль въ продолженіе всего романа. — Самое начало онаго

уже весьма занимательно (*); но мы упомянем только о пѣхъ мѣспахъ, копорыя показали намъ болѣе превосходными; на примѣръ пребываніе Юрія и Кирши въ деревнѣ у Боярина Шалонскаго; способъ, каковымъ Кирша выдаетъ себя за колдуна; его свиданіе съ Анастасією, дочерью хозяина, копорая неожиданно есть самая *неизвѣстная* красавица, прельспившая Милославскаго въ Москвѣ; прекраснѣйшій характеръ Юродиваго; пиръ, коварнымъ Шалонскимъ даннымъ своимъ сосѣдямъ, между копорыми находясь оригиналы, очень забавные, и наконецъ ссора, возникшая между Юріемъ и Шалонскимъ, обнаруживающая благородную душу перваго и закоренѣлое злодѣйство втораго: все это изображено Авшоромъ самыми живыми красками; все это, можно сказать, дышетъ спариною; при томъ же рассказъ вездѣ прекрасный; нѣтъ никакой вялости; хипросии, упошребляемыя Киршею, копя и очень замысловашы, но въ нихъ нѣтъ ничего напянушаго, ничего принужденнаго; всѣ приключенія слѣдуютъ одно за другимъ съ быспрошою и правдоподобіемъ.

При первомъ взглядѣ любовь Милославскаго къ дочери Шалонскаго покажется нѣсколько холодною для романа; но замѣшимъ, что *здѣсь* любовь занимаетъ въ чувспвахъ Юрія мѣсто второстепенное: Милославскій находится между данной имъ присягой и раскаяніемъ, что *чрезъ нее* онъ принудилъ себя учаспвовашъ *въ несправедливомъ дѣлѣ*; всѣ помышленія Милославскаго обращены на погибающее отечество: шакое ду-

---

(*) Довольно рѣдкое достоинство въ этомъ родѣ сочиненій. Есть знаменитые авторы, копорыхъ первые томы романовъ нестерпимо скучны. *Сог.*

шевное соспояніе должно еспесптвеннымъ образомъ ослабишь всѣ прочія чувспвованія; слѣдовательно въ это время любовь Милославскаго и не можетъ имѣть того сильнаго колориса, подв которымъ обыкновенно являеся сія спрасъ; когда она бываесть чувспвомъ исключительнымъ:

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

П а р и ж с к і я м о д ы .

Апласныя платья шьются съ корсажемъ, совершенно плоскимъ (plat), но котораго передъ выкладывается голунчиками въ образъ снопа или вѣера. На рукава, весьма узкіе отъ локтя до кисти, нашиваются изъ голунчиковъ же стропильцы (chèvrons); воротникъ расширяется — à la Médicis.

— Многія платья изъ глянцевои шелковой материи шьются съ отдѣльнымъ корсажемъ: они представляютъ до самаго пояса реденготъ; воротникъ шалью; онъ идетъ креспомъ на груди и спускаеся очень низко на руки. На гладкой спинкѣ нѣтъ даже и выпушки (liséré) для означенія шали.

— Канезу изъ холстинокъ (en lingeries) будутъ, кажеся, носимы и въ нынѣшнее лѣто. Новѣйшая форма пелеринокъ состоить изъ пройныхъ гладкихъ нашивокъ (garniture); онѣ образують на груди и на спинѣ отвороты шалью, и очень низко падають на плеча, гдѣ уподобляються немного блондамъ, упошребляемымъ на матерчатыхъ платьяхъ.

— Много бѣлыхъ апласныхъ шляпокъ, убранныхъ букетами лѣсныхъ фіялокъ.

— На всѣхъ весеннихъ шляпкахъ ленты одного цвѣта съ матерьюю.

Изъясненіе картинки при селѣ Но.

Платье изъ вышитаго крепа.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи, представлены были въ Ценсурный Компшестъ три экземпляра. Москва, Апрѣля 22 го дня, 1830 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

5.

Елисавета Ивановна Титова.

Въ 1797 году перевела съ Французскаго изъ сочиненій Жанлисъ и напечатала въ Московской Университетской Типографіи нравоучительную комедію въ одномъ дѣйствіи: *Слѣпая въ Спа*; другіе изъ ея переводовъ намъ еще неизвѣстны; но за то мы знаемъ два изъ ея оригинальныхъ сочиненій; *первое*, Драма въ пяти дѣйствіяхъ: *Густавъ Ваза, или Торжествующая невинность*, напечатанная въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Глазунова 1810 года; *второе*, Поэма въ чешы-

рехъ пѣсняхъ: *Ольга, или Торжество вѣры*, напечатанная 1813 года въ С. - Пешербургѣ въ Типографіи Департаментна Внѣшней торгвли. Гречь въ своей библиографіи 1814 года за No 47 говоритъ полько, что эта Поэма напечатана въ 8 ю долю листа и — имѣеть *сто девятнадцать страницъ*; но мы добавимъ, что въ ней есть нѣсколько *щастливыхъ и сильныхъ стиховъ*, доспойныхъ *Торжества вѣры*. Драма *Густавъ Ваза*, какъ воспоминають нѣкоторые спарожилы, была на сценѣ С. - Пешербургскаго Театра и незабвенный *Яковлевъ* занималъ въ ней роль *Густава*.

Въ семнадцатой части *Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени* (1798 г.) былъ напечатанъ переводъ г-жи Типовой: *Хао - Кангъ*, опривокъ изъ Китайской Исторіи. Главное достоинство сей повѣсти, какъ объясняетъ своимъ переводомъ сама Г-жа переводчица, состоитъ въ томъ: „что женщина, мать, умѣла храбрить тайну почти *сорокъ лѣтъ*; что законный наследникъ проспранной Имперіи соединялъ въ себѣ храбрость геройскую и благородіе мудраго чловѣка, и что пятнадцать лѣтъ будучи заключенъ въ пустынь, учился царствовать, забывши, какъ казалось, тронъ; наконецъ, что его единственный повѣренный къ Государю, одушевленный привязанностію, съ неупомимою ревностію, и вмѣстѣ съ какою-то осторожною медлительностію и благороднымъ терпѣніемъ, приготавливалъ и довершилъ все дѣло. Сіе чрезвычайное соединеніе столь рѣдкихъ качествъ и дальновидныхъ намѣреній въ шрехъ различныхъ направленіяхъ есть, безъ сомнѣнія, одно изъ удивительнѣйшихъ явленій, вспрѣчающихся въ Исторіи.“ А мы

все это рассказали языкомъ переводчицы и читатели да судяшь сами о слогъ ея.

6.

Марія . . . . Базилевичъ.

Намъ извѣстна только какъ переводчица небольшой нравоучительной книжки, въ 1799 году переведенной съ Нѣмецкаго и напечатанной въ Москвѣ, въ типографіи Рѣшетникова, подъ названіемъ: *Новыя басни и повѣсти* (въ двухъ частяхъ), съ присовокупленіемъ нравоучительныхъ примѣчаній, служащихъ пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени. Слогъ книжки *дѣтскій*. Печатаніе весьма неисправно. Андрей Рѣшетниковъ (содержатель типографіи) тогда не старался еще объ изяществѣ своихъ трудовъ.

7.

Марья . . . . Иваненко.

Извѣстная намъ также единственно какъ переводчица, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Григоріемъ *Иваненко*, въ 1800 году перевела съ Французскаго и напечатала въ Москвѣ (у Андрея же Рѣшетникова) философическую книжку: *Нравственныя картины*. Переводъ изрядный; но видно, что и здѣсь судились дѣши — подъ надзоромъ учителя.

(Продолженіе впродъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Первая любовь.

Le premier livre de l'amour
Est toujours le meilleur.

Journal des Débats. 1830.

Гдѣ первая моя любовь,
Когда лишь сердце говорило;
Когда среди волшебныхъ сновъ
Оно міръ новый мнѣ шворило;
. . . . .
Когда я жилъ воображеньемъ,
И Ангельскимъ изображеньемъ
Казался милой дѣвы взглядъ?
Когда страстей грызущихъ ядъ
Не возмущала души спокойной,
Мечтою, призракомъ довольной? . . .
Гдѣ первая моя любовь?

*

Гдѣ первая моя любовь,
Когда вездѣ я видѣлъ розы;
Когда среди волшебныхъ сновъ
Такъ сладостно лилися слезы?
Когда ошъ свѣта вдалькѣ,
Мечтала я въ сельскомъ уголкѣ;
Когда дыханіе зефира
Мнѣ было вѣстію съ ээира
О той, кошораи мечшой
Была моею повсемѣстной,
Которой образъ я небесной
Вездѣ сливала съ моей душой? . . .
Нѣтъ! нѣтъ! не разъ мы умираемъ,
Когда мечшою ошживаемъ —

То первый гробъ. . . . Холодный міръ
 Предстанешъ взорамъ, какъ кумиръ,
 Мертващій думъ очарованье. . . .
 Прошедшихъ дней воспоминанье!
 Среди мечты волшебныхъ сновъ
 Являй мнѣ — *первую* любовь!

Метатель.

Э п и т а ф і я.

Признательность души отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ
 За материнскій даръ любви и попеченья
 Воздвигла памятникъ, символъ благоговѣнья,
 Предъ добродѣтелями опшедшей въ лучшій свѣтъ.

С М Ъ С Ь.

*Испытаніе воспитанниковъ и воспитанницъ
 Московскаго Императорскаго Театра,
 10, 12 и 13 Апрѣля, въ домъ Г-на
 Директора.*

Намъ не удалось бытъ въ первый день сего
 привлекательнаго испытанія; но за то уже въ
 оба слѣдующіе дни мы имѣли удовольствіе *испы-*
тать самыя пріятныя чувствованія, возбуж-
 даемыя зрѣлищемъ разцвѣтающихъ талантовъ
 и общающихъ плоды — Гесперидскіе.

Должно отдать справедливость Руской на-
 ціи въ щасливыхъ способностяхъ всякаго рода,
 требующихъ единственно тщательнаго образо-
 ванія: Школа М. И. Театра доказываетъ эту и
 другую истину въ полной мѣрѣ. Посторонніе
 зрители не могли довольно удивиться успѣхамъ
 воспитанниковъ обоюго пола: пѣнье ли, пляска

ли, декламація ли — все ознаменовано печашью дарованій и масшерспвомъ руководства.

12. Апрелья представлены: 1е. Сцена изъ перваго акта оперы *Весталка*, Играли: Главную Жрицу воспитанница *Хлопова*; Веспалку воспитанница *Виноградова*. Обѣ имѣють очень хорошій голосъ; обѣ заслужили всеобщее одобреніе и были вызваны. Прекрасный хоръ Веспалокъ соспавляли воспитанницы: *Куликова*, *Рѣпина*, *Красовская*, *Нѣгина м.*, *Опалихина* и *Никифорова*.

2е. Оригинальный водевиль въ одномъ актѣ: *Актеры между собою, или первый дебютъ актрисы Троепольской*. Играли: Троепольскаго воспитанникъ *Соколовъ*; г-жу Троепольскую воспитанница *Смирнова*; Попова воспитанникъ *Луньяновъ*; Шумскаго воспитанникъ *Шумскій*.

Эшо была настоящая драматическая кенипозографія: актеры были сущія дѣши! Въ Смирновой мы видѣли маленькую *Сабурову*; въ Лукьяновѣ маленькаго *Сабурова*, а въ Шумскомъ (вѣроятно названнаго такъ уже въ Школѣ — по таланту его) маленькаго *Рязанцова*. Всѣ шрое милы до крайности. Соколовъ, уже вышедшій изъ дѣтства, также игралъ очень хорошо. Но никого не было спарѣе 13 лѣтъ, а Шумскому 9й годъ.

3е. Комедія въ одномъ дѣйствіи; *Молодые супруги*. Играли: Ариста г-нъ *Ленскій*; Эльмиру г-жа *Потанчикова*; Сафира воспитанникъ *Калининъ*.

О г-нѣ Ленскомъ мы часто имѣли случай говорить; равномерно и о г-жѣ Потанчиковой — какъ о танцовщицѣ; но какъ обѣ актрисы — скажемъ, что прекрасная фигура, прекрасная фижіономія, прекрасная дикція — удѣлъ г-жи Потанчиковой. Она пѣла Французскій романсъ

шакъ удачно. — Воспитанникъ Калининъ, видный пригожій юноша, подаетъ большія надежды для высокой драмы.

4 е. Опера-водевиль въ одномъ актѣ: *Обезьяна воровна, или жертва злобы и ослѣпленія*. Играли, и чрезвычайно хорошо: Пуфлара, стараго арендатора, воспитанникъ *Богдановъ*; окружнаго Судью восп. *Нѣгинъ*; Жокриса, слугу Пуфлара, восп. *Соколовъ* 1й; кухарку Пуфлара воспитанница *Корпакова*; порговку восп. *Виноградова*; обезьяну воспитанникъ *Ермоловъ*.

Предъ оперою воспитанникъ *Самаринъ* и воспитанница *Алексѣева* пѣли съ хоромъ: *Вечоръ поздно избъ лѣсоцка*; по окончаніи оной Самаринъ же и воспитанница *Григоровичева* пѣли съ хоромъ: *Во саду ли, въ огородѣ*. Обѣ пѣсни аранжированы г-мъ Наумовымъ. Дѣв. Григоровичева имѣетъ необыкновенно сильный по лѣстамъ ея голосъ. — Хоръ былъ соспавленъ изъ воспитанниковъ и воспитанницъ низшаго класса пѣнія.

13 Апрѣля: 1 е Комедія въ одномъ актѣ и въ прозѣ: *Влюбленный Шекспиръ*. Играли: Шекспира воспитанникъ *Калининъ*; Кларансу г-жа *Потанчикова*; Анну воспитанница *Куликова*.

Мы уже говорили о г-жѣ Потанчиковой и восп. Калининъ; теперь видѣли въ той и другомъ прекрасный драматическій талантъ. Какія вѣрныя по различнымъ чувствамъ души измѣненія голоса, лица, плѣдвиженій! Таковъ былъ, кажется, юный Шекспиръ въ первой спраспи своей, и такова долженствовала быть ученица великаго прагика, плѣвившая своего учителя.

Г-жѣ Потанчиковой въ вѣшнѣ вечеръ поднесенъ слѣдующій экспромптъ:

О еслибъ ревность и любовь

Шекспирова сошворили видѣ;

То ты бы видѣла не одного Шекспира,
Котораго-бъ тобой пымала грудь и лира!

Въ воспитанницѣ Куликовой созрѣваетъ отличный талантъ *Субретки*.

2е. Комедія въ одномъ актѣ: *Перегородка, или много труда по пустому*.

Г. *Аванасьева*, игравшій *Догадина*, показалъ на дѣлѣ, что много труда было по пустому, и вполне оправдалъ имя свое характеромъ; былъ *Догадинымъ* во всей силѣ эшаго слова, и засмѣялся бы догадаться, что онъ — истинный аршистъ, если бы мы увидѣли его только въ первый разъ. — Воспитанница *Федорова*, представляющая *Лизу*, создана для комедіи: прекрасное лицо, стройный станъ, ловкость, живость и веселость — вотъ эскизъ этой юной Талиной жрицы. Восп. *Панова*, въ роли живописца, была сама достойна Альбановой кисти. Какіе умные глаза! какая выразительная фізіономія! сколько тонкости въ смѣхѣ! Словомъ: это — актриса.

3е. Сцена изъ оперы: *Филаткина свадьба*. Филаткою былъ воспит. *Прокофьевъ*; Федорою была воспитанница *Нѣгина* м.

Тотъ и другая играли, пѣли и плясали очень, очень мило. Хоръ былъ составленъ изъ воспитанницъ — будущихъ опасныхъ Сиренъ для неосторожнаго плавателя по безбрежному морю житейскихъ наслажденій.

4е. Комедія - водевиль: *Отъ добра добра не ищутъ*. Играли: Пешра воспитанникъ *Богдановъ*; Андрея восп. *Щепинъ*; Терезу воспитанница *Федорова*; Минешу восп. *Карнакова*; Лабриша восп. *Строгоновъ*; Нопариуса восп. *Зеленинъ*. — Ничего нѣтъ умилительнаго и въ то же время забавнаго сей пьесы: она испоргаетъ

слезы и опираешь ихъ — смѣхомъ ; въ ней заключается миниатюрная живопись родственной любви и женскаго характера. И сія любовь, и сей характеръ были изображены со всѣми опшѣнками, какія только позволяла рама, авторомъ означенная. Мы видѣли палантъ Богданова въ роли *стараго Арендатора*; онъ былъ и *корабельнымъ мастеромъ* — масшеръ. Чшо касается до Щепина, то онъ, какъ намъ казалось, подходитъ въ палантъ къ *Щепкину*, и, можетъ спашься, превзойдетъ его — лучшимъ пономъ. Но какъ были любезны, плѣнительны Федорова и Карпакова! Природа одарила ихъ наружными предлестями, совершенно различными; искусство научило юныхъ арписокъ выражать различнымъ образомъ одни и тѣ же движенія досады, гнѣва, изсущленія при ссорѣ за наряды; ссоры, которая вовсе не походила на *притворную*, такъ чшо, казалось, кончился чѣмъ-нибудь чрезвычайнымъ, усшрашавшимъ зрители: вѣнецъ паланта! — За то и зрители не были холодны: они увѣнчали милыхъ пишомиць Талии жаркими рукоплесканіями, котороря приносились въ дань паланту всѣхъ, неопшѣмлемо заслужившихъ ее.

Симъ спектаклемъ кончился вечеръ, одинъ изъ пріятнѣйшихъ для любителя палантовъ, а особливо юныхъ, пребующихъ ободренія — подобно какъ весенній распускающійся цвѣтокъ росы благодашной.

Не должно умолчать и о другомъ родѣ палантовъ, возникающихъ въ Театральной Школѣ: мы видѣли *рисунки* воспитанниковъ и восхищались опшечными произведеніями карандашей и пуши.

Н е к р о л о г і я .

Минувшаго Апрѣля, съ 3 го на 4 е число, скончался въ Москвѣ Ценсоръ при Московскомъ Императорскомъ Университетѣ и Членъ разныхъ Ученыхъ Обществъ, Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, на 57мъ году жизни (*). Начавъ и кончивъ свое воспитаніе въ домѣ родительскомъ, онъ предсталъ свѣту опличнымъ писателемъ и смѣло послѣдовалъ на пути либеральномъ за преобразователемъ нашего слога, Н. М. Карамзинымъ. Труды Измайлова многочисленны и почти всѣ, или большею частію, посвящены имъ опечеспвенному воспитанію. Первые опыты въ прозѣ появились въ *Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*, изъ коихъ *Ростовское Озеро* и по слогу, и по занимательности, послѣ *Острова Борнгольма* и другихъ нѣкоторыхъ сочиненій Карамзина, было признано ꙗко образцовою. Кто не читалъ *Ростовскаго озера*! Въ 1803 году появилось второе замѣчательное сочиненіе Измайлова, повѣсть: *Молодой философъ*, напечатанная въ *Вѣспникѣ Европы*, изданномъ Карамзинымъ. Стихотворенія Владиміра Васильевича, заслужившія также особенное одобреніе всѣхъ любителей опечеспвенной поэзіи, были печатаемы въ *Аонидахъ*, въ *Вѣстникѣ Европы* и во многихъ другихъ изданіяхъ.

Въ 1799 г. предпринявъ изъ любопытства *путешествіе въ Полуденную Россію*, онъ описалъ его и напечаталъ въ 1800 и 1802 годахъ,

---

(*) Онъ родился въ Москвѣ 1773 года Мая 5го дня. (См. *Другъ Просвѣщенія*, 1806, № 10, стран. 66.)

а наконецъ въ 1805 году перепечаталъ, въ Москвѣ же, вторымъ изданіемъ со многими переменами. Въ то же почти время, по ествъ 1802 года, появился его опличной переводъ Сегуровой *Исторической и политической картины Европы въ концѣ XVIII столѣтія*; онъ окончанъ 1803 г., а вторымъ изданіемъ напечатанъ 1807 г. Тогда же, какъ говаривалъ самъ Измайловъ, опдыхая онъ большихъ заняшій, онъ переводилъ Шапобріанову *Аталу* и напечаталъ ее въ 1802 же году. Предпринявъ образовашъ подъ надзоромъ своимъ Благородное училище, успроенное по примѣру лучшихъ иноспранныхъ заведеній въ семь родъ, 1804 года онъ Издавалъ *Патріотъ*, Журналь воспитанія, знакомившій, пакъ сказашъ, съ образомъ мыслей издашеля о семь важномъ предметѣ. 1806 Года В. В. Измайловъ прежде всѣхъ познакомилъ Рускую читающую публику съ красопами Французскаго поэта *Мильвуа* весьма хорошимъ переводомъ сшихопворной Рѣчи сего авшора *О независимости ученяго мужа*. Въ 1810 г. переведены Измайловымъ и напечатаны *Руссовы письма о Ботаникѣ*, съ дополненіемъ его Ботаническаго Словаря, съ объясненіемъ прехъ лучшихъ мешодъ: *Турнефора*, *Линнея* и *Жусье*, и съ ботаническими часами, изобрѣшенными Линнеемъ. Въ 1814 году онъ продолжалъ изданіе *Вѣстника Европы*, а въ 1815 издавалъ *Россійскій Музеумъ*, Журналь Европейскихъ новостей. Въ 1819 и 1820 имъ изданы всѣ его *переводы въ прозѣ*, составившіе *шесть* часшей. 1821 го Желая угодишъ нашимъ любителямъ шеатра драматическими сочиненіями *Шамфора*, приняшыми съ опличнымъ одобреніемъ на всѣхъ Европейскихъ шеатрахъ, онъ перевелъ стихами его комедію; *Молодан Инді-*

янка. Стихи Измайлова и прудъ Шамфора прекрасны ; но къ сожалѣнію мы не видали сей піесы на сценѣ нашихъ театровъ. Въ 1827 году, угождая вкусу чипапелей къ Альманахамъ , Владиміръ Васильевичъ издалъ, по примѣру другихъ, свой Альманахъ подъ названіемъ: *Литтературный Музеумъ*, и симъ, кажешся, заключилъ свое лишпературное поприще. Вообще всѣ сочиненія покойнаго опличающся чистотою слога, а Журналы, имъ изданные, изящностію содержанія ; со стороны же крипики самую благородною разборчивостію. Пожалѣемъ о томъ, что еще не собраны и не изданы его собспвенныя сочиненія, полезныя, какъ мы замѣшили, и въ нравшвенномъ, и въ лишпературномъ опношеніяхъ.

М. Макаровъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Юрій Милославскій, романъ Г-на Загоскина.

(Окончаніе.)

Наконецъ Милославскій опсправляется опъ Шалонскаго къ цѣли своего пупешествія; но сей единомышленникъ со врагами Россіи, раздраженный благороднымъ сопропивленіемъ Юрія, посылаетъ злодѣевъ умершвить его на дорогѣ. Кирша узнаетъ опасность, копорая угрожаетъ Милославскому ; и хопя самъ находится подъ крѣпкимъ надзоромъ, но изобрѣшаетъ средство обмануть своего пристава, и посреди дня, въ глазахъ толпы народной, ускакиваетъ на конѣ, обѣщанномъ ему Шалонскимъ. Тутъ все чрезвычайно иншересно ; любопытство чипапеля не ослабѣваетъ ни на минушу, пошому что все происходитъ въ дѣйствіи; Авторъ нигдѣ не при-

бѣгаетъ къ ненужнымъ дополненіямъ (remplesages). Почти безпрестанныя и необыкновенныя приключенія нимаго не заимѣваютъ повѣствованія, въ которомъ нѣтъ никакой заштанновости; однимъ происшествіемъ приутопляется другое. Кирша на борзомъ конѣ догоняетъ Милославскаго и его слугу, спасаетъ имъ жизнь и вмѣстѣ съ ними прѣзжаетъ въ Нижній-Новгородъ. Тутъ сцена перемѣняется; чашель до сихъ поръ находился посреди враговъ ошечества: здѣсь онъ видитъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, преисполненныхъ духомъ славнаго Минина. Милославскій, свидѣтель народной любви къ ошечеству, слышитъ рѣчь, произнесенную Мининымъ къ Нижегородцамъ, и угрызения совѣсти еще болѣе усиливаются въ Милославскомъ; но вѣрный клятвоу своей, онъ предспааетъ предъ Боярѣ, совѣщающихся о спасеніи погибающей Россіи; каждый изъ нихъ говоритъ какъ истинный патриотъ и всѣ они съ презрѣніемъ отвергаютъ предложенія и угрозы Поляковъ; ошпаются рѣшились послѣднему, что надлежитъ дѣлать, и сей послѣдній естъ знаменитый Мининъ; но великій мужъ, проникнувшій въ глубину сердца Милославскаго, вмѣсто того чтобы говорить въ чреду свою, обращается къ нему, по видимому — ко врагу *своего священнаго дѣла*, и предославляетъ его совѣсти, иди ли ополченнымъ на спасеніе Россіи, или поспыдно покориться иноплеменному игу. . . . Мининъ не ошибся: Милославскій, побѣжденный и своимъ раскаяніемъ, и всѣмъ шѣмъ, что онъ видѣлъ въ эпошъ шоржественный день, опвѣчаетъ какъ герой, какъ истинный сынъ Россіи; но обремененный *своей клятвою*, онъ въ опчаяніи удаляется. Надобно быль справедливымъ: эпошъ мѣсто превосходно и совершенно шо, что Французы на-

зываютъ sublime. Но ежели бы Авшоръ не умѣлъ съ такимъ искусствомъ *приготовить* сію геніальную сцену: то вмѣсто красота, которыхъ теперь въ ней находимъ, она была бы совершенно неприлична и вовсе не правдоподобна. — Здѣсь кспати замѣшимъ: Авшоръ не боится *затруднять* своего повѣствованія; напрошивъ того, онъ какъ бы нарочно задеетъ себя препяшствія, чшобы воспоржеспивовать надъ ними (*). Всѣ опасности, въ которыхъ находишься Кирша послѣ пораженія Милославскаго, доказываютъ эту истину. — Далѣе, започеніе Юрія въ *Тѣпломъ станѣ*; пребываніе Шалонскаго и его достойнаго друга, Боярина Туренина, въ этомъ разбойничьемъ вершепѣ; ихъ ночная беседа; способъ, какимъ Кирша освобождаетъ Милославскаго изъ подземелья, оставя на его мѣстѣ злодѣевъ, умышлявшихъ погубить его, и проч.: все это изображено кистью, достойною Валперъ - Скопша! . . . Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, съ какимъ умиленіемъ читатель видитъ Юрія у гробницы Преподобнаго Сергія; какія сладостныя воспоминанія рождаются въ его сердцѣ при имени Палицына, сего знаменитаго Инока, истиннаго патриота и друга челоувѣчества! Онъ опвергаетъ обѣщъ, произнесенный Милославскимъ посвятивъ себя монашеской жизни, разрѣшаетъ его опъ несправедливо данной имъ кляшвы Владиславу и Именемъ Божиимъ посылаетъ Юрія въ спанъ Пожарскаго.

Окончаніе романа сполько же иншесерсно, какъ и все прочее. Соединеніе Милославскаго съ его возлюбленною въ самое то время, когда раздраженный народъ шребуетъ ея смерти; оригина-

---

(*) Тонкое замѣчаніе, приносящее сполько же чести разборчивости Рецензента, сколько и таланту Авшора. *Изд.*

нальная роль Священника, спасающего жизнь Анастасии совершеніемъ вѣнчальнаго обряда надъ нею и Милославскимъ: все это прекрасно, величественно и во всемъ блескъ являетъ шворческий талантъ Г-на Загоскина! — Каждый читатель невольно вздохнетъ о его герояхъ, а болѣе чувствительный прольетъ и слезу на *хладный камень*, подъ копорымъ плѣшетъ прахъ Юрія, и его супруги.

Между тѣмъ скажемъ откровенно, чего бы мы желали къ большому совершенству сего прекраснаго романа: въ немъ мы видимъ Исторію какъ бы *одного человека*; Юрій безпрестанно занимаетъ сцену; Кирша хотя и раздѣляетъ съ нимъ вниманіе читателя; но всѣ *дѣйствія* Кирша относятся исключительно къ Милославскому. Ежели бы Авторъ, столь богатый воображеніемъ, ввелъ въ повѣствованіе свое эпизоды: тогда бы еще болѣе мы видѣли разнообразія въ его романѣ. Желательно бы также знать причину, заставившую Милославскаго присягнуть Владиславу: тогда *раскаяніе* Милославскаго имѣло бы еще болѣе силы и интереса. — Рѣчь, копорую Мининъ говоритъ къ собранному народу на Нижегородской площади, кажется, слишкомъ вишневатою; мы говоримъ не о *словахъ*, но о мысляхъ, на копорыя *нравы* каждаго вѣка (ежели такъ можно сказать) накладываютъ особенную печать свою: Мининъ говоритъ прекрасно, но не въ духъ того времени.

Юрій Милославскій напечатанъ уже вторымъ изданіемъ, въ копоромъ безъ сомнѣнія не оспались справедливо замѣченныя журналистами легкія ошибки.

К. Е. Дадьянъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Одна изъ прекрасныхъ лѣтнихъ модъ есть палевый гроденаплевый реденготъ , вышитый вокругъ плоскимъ лиловымъ шелкомъ . Сей реденготъ спереди не закрывается ; подысподомъ платье (jupon) изъ гроденапля же , вышитаго подь цвѣтъ реденгота .

— Почти всѣ реденготы съ открытыми на груди корсажами , дающими видѣть роскошныя шемизетки и прекрасныя пуговицы на нихъ . Иногда вмѣсто шюлеваго рюша , служащаго имъ ожерельемъ (collier) , дамы обвиваютъ шею золошою цѣпочкою въ нѣсколько рядовъ . Внизу рукавовъ цѣпочка въ одинъ рядъ зашнупаетъ мѣсто браслета .

— Еще много платьевъ изъ рисованнаго фулара , изъ шерстянаго вышитаго баписта (batiste de laine brodée) и шали (chalis) , узорчатаго или гладкаго .

— Дѣлаются канезу кисейные и изъ шитаго тюля съ гирляндю , обрисовывающею грудь и спину , какъ будшо для того чшобы означитъ форму платья ; изъ-подь сей гирлянды выходитъ кружево или шюль и прелестно озмачаетъ корсажъ . Такое же кружево надь локтемъ составляетъ манжету и соотвѣтствуетъ другой , которая поменьше и около кисти , и которая идетъ вверхъ по рукъ .

— Форма соломенныхъ шляпокъ почти такая же , какъ и прошедшаго лѣта : поля круглыя и очень расширенныя ; шюля очень низкая .

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Шляпка изъ пальдери . Платье гроденаплевое (à mille rayes) . Манжеты и манпилья изъ вышитаго шюля .

П О П Р А В К А .

Въ предыдущемъ No на первой стран. должно гитать : Настасья Леонтьевна и Александра Леонтьевна Магницкія , дочери Д. С. С. Леонтія Ивановича и сестры Михаила Леонтьевича ; и прот. Такъ надлежитъ и вездѣ , гдѣ горится о сихъ Писательницахъ , именовать ихъ .

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы , по оппечатаваніи , представлены были въ Ценсурный Компшешъ три экземпляра . Москва , Апрѣля 29 го дня , 1850 г .

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка .

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

*Бѣда за бѣдою, или приключенія застыгни-
ваго теловѣка, имѣ самимъ разсказанныя.*

Въ жизни я преслѣдуемъ особаго рода неща-
спіемъ , и боюсь , чѣтобъ оно не заставило меня
опказаться опъ общесѣва , съ которымъ спра-
сно желаю ознакомиться . Но прежде всего я
намѣренъ дать вамъ крапкое поняшіе какъ о мо-
емъ происхожденіи , шакъ и о наспоящемъ мо-
емъ бышу , чѣтобы вы могли судить о шѣхъ за-
спрудненіяхъ , которыя мнѣ надлежитъ преодо-
лѣвать .

Опецъ мой былъ небогатый опкупщикъ и
не имѣлъ иной образованности , кромѣ шой , ко-
шорую могъ пріобрѣсти въ школѣ призрѣнія бѣд-
ныхъ , гдѣ обучался . Послѣ смерти машери мо-
ей онъ рѣшилъ дать мнѣ хорошее воспитаніе ,
надѣясь шѣмъ сосшавить мое щасіе .

И такъ я былъ отправленъ въ провинцію, и отданъ въ училище, а потомъ въ Университетъ, для того чѣмъ поступить опшуда въ духовное званіе. Получая отъ родителѣя очень мало денегъ, и будучи застѣнчиваго нрава, я не имѣлъ ни средствъ, ни случая искоренить въ себѣ природную неловкость, причину всѣхъ моихъ бѣдъ.

Не лишнее будетъ также увѣдомишь васъ, что я высокъ ростомъ, довольно строенъ, что у меня прекрасный цвѣтъ лица, блонкурные волосы, и что всякая бездѣлица приводитъ меня въ замѣшательство; тогда кровь бросается мнѣ въ голову, и я дѣлаюсь подобенъ распутившейся розѣ.

Сіе пагубное свойство заставило меня любить школьный образъ жизни, и было причиною, что я рѣшился оспаться при Университетѣ и принять къ себѣ воспитанниковъ.

Сіе намѣреніе я - было уже исполнилъ, какъ два неожиданные случая совсѣмъ перемѣнили положеніе моихъ дѣлъ: смерть бабушки и нечаянный пріѣздъ дяди, жившаго всегда въ Америкѣ.

Отецъ мой весьма рѣдко говорилъ мнѣ о дядѣ, и даже полагали, что онъ давно умеръ, какъ вдругъ онъ прибылъ въ Англію чрезъ недѣлю послѣ смерти своего брата.

Кончина родителѣя весьма пронула меня, ибо его попеченію я былъ обязанъ моимъ образованіемъ; чѣмъ касается до дяди, то будучи въ разлукѣ съ братомъ своимъ болѣе тридцати лѣтъ, онъ нимало не огорчался его смертію.

Обладая огромнымъ богатствомъ, состоящимъ изъ 30000 фун. стер., дядя надѣялся блаженствовашь; но, увы! среди сихъ лестныхъ мечтаній перемѣна климата, кошорая, вѣроятно,

была для него вредна, или, можешъ статься, какая нибудь иная неизвѣстная причина приключила ему смерть, и я оспался единственнѣмъ наслѣдникомъ его достоянiя.

И такъ вопъ уже мнѣ шеперь 25 лѣтъ; я знаю хорошо Математику, Греческiй и Латинскiй языки, обладаю огромнѣмъ богатствомъ, но, къ несчастiю, весьма неловокъ и безъ всякаго навыка въ обращенiи хорошаго тона.

Я недавно купилъ помѣстье; когда же вы вспомните о моемъ происхожденiи и невѣжествѣ въ общежитiи, то съ трудомъ повѣрите, чѣобы кто нибудь вздумалъ искать моего общества; однакожь нашлись въ самомъ дѣлѣ такіе, копорые задирали меня своимъ знакомствомъ, и я замѣтилъ, чѣо сiи люди имѣли въ семействѣ своемъ взрослыхъ дочерей.

Я получалъ опъ многихъ самыя дружескія приглашенiя, но застенчивость моя всегда заставляла меня опъ нихъ уклоняться.

Однакожь при дня тому назадъ, я рѣшилъ отправиться къ г-ну Фриндлею, котораго прiятное и простое обращенiе подавало мнѣ надежду на искреннiй прiемъ.

Г-нъ Фриндлей живешъ въ двухъ миляхъ опъ меня; семейство его составляющъ онъ съ супругою, два сына, пять дочерей, всѣ невѣсты, и незамужняя сестра.

Зная самъ, сколь неловка была моя походка, я заранѣе взялъ панцмейстера; Математика послужила мнѣ въ семъ случаѣ къ важной пользѣ: посредствомъ сей науки я постигалъ равновѣсіе моего шѣла и скоро спалъ ходишь не переваливаясь.

Выучась хорошо кланяться, я былъ увѣренъ, чѣо съ симъ новопріобрѣтеннѣмъ талантомъ

бодро явлюсь передъ женщинами; но, увы! сколь тщетны надежды на теоріи, когда онъ не подержаны практикою.

Подъѣзжая къ замку г-на Фриндлея, вдругъ слышу колоколь; онъ приводитъ меня въ прѣпешь; мнѣ представляется, что звонящъ къ объѣду, что я опоздалъ, и я началъ краснѣться; но весь побагровѣлъ, когда, всходя на крыльцо, слышу, что встрѣчающіе меня лакеи передаютъ одинъ другому мое имя, чтобы доложить обо мнѣ господамъ.

Наконецъ вхожу въ гостиную; спараюсь ободриться, и опившиваю лучшій изъ нововыученныхъ поклоновъ хозяйкѣ; но, къ несчастію, занося лѣвую ногу, чтобы спать на прѣпешью позицію, наступаю на больной палець бѣднаго Сира Фриндлея, спраждающаго подагрою и къ несчастію подоспѣвшаго въ эту самую минушу, чтобы поименно предсавивъ мнѣ свое семейство.

Вы можете судить о моемъ смущеніи; но учтивость Баронета мало помалу разсѣяла мое замѣшательство, и я не могъ довольно надивиться, до какой степени благовоспитанный человекъ можетъ по произволу заглушать въ себѣ самую жестокую боль и казаться спокойнымъ при мучительномъ чувствѣ.

Веселость хозяйки и любезность дочерей совершенно вывели меня изъ замѣшательства, и я принялъ участіе въ разговорѣ. Г-нъ Фриндлей имѣлъ огромную библіотеку; она была украшена богато переплетенными книгами; я понималъ тогда, что хозяинъ долженъ быть ученый человекъ, и осмѣлился объявить мнѣніе свое о разныхъ изданіяхъ Греческихъ классиковъ; Баронетъ былъ совершенно со мною согласенъ. Я коснулся сего предмета, потому что примѣшилъ

изданіе Ксенофонта въ 16 томахъ : вещь , вовсе для меня новая , о которой я никогда не слыживалъ ; любопытство заставило меня вспасть , чтобъ вблизи разсмотрѣть сіе драгоценное швореніе . Сирь Фриндлей пошелъ за мною , чтобы объяснить сіе диво ; я думалъ , что онъ въ угожденіе мнѣ хочеть достать книги , поспѣшилъ его предупредить , и ухвачясь за первый томъ , пошацилъ оный съ большою силою ; но , увы ! вмѣсто книгъ то была просто оклеенная сафьяномъ раззолоченная доска , которая представляла роковые 16 томовъ ; она упала и опрокинула стоящую на бюрѣ черницу ; чернила полились на драгоценный наборный споль и на Персидскій коверъ ; внѣ себя , не чувствуя что дѣлаю , я выхвачилъ изъ кармана бѣлый баписловый плапокъ и спалъ удерживать имъ чернильные пошюки . Среди сего смяшенія человекъ вошелъ доложивъ объ обѣдѣ .

Проходя чрезъ переднюю залу , я имѣлъ время образумиться . Меня пригласили състь между г-жею Фриндлей и старшею ея дочерью .

Со времени паденія деревяннаго Ксенофонта , лицо мое безпрестанно горѣло ; однакожь я началъ было оправляться , какъ вдругъ новое приключеніе привело меня въ большее замѣшательство .

Между пѣмъ какъ я изъявлялъ признашельность свою сестрѣ Баронета , которая хвалила мои пріемы , вдругъ задѣлъ рукою шарелку съ горячимъ супомъ , поставленную слишкомъ близко на край стола , и опрокинулъ ее себѣ на колѣна . Не взирая на скорую помощь , я не могъ избѣгнуть мучительныхъ слѣдствій моей неловкости и нѣсколько минушь ужасно спрадалъ ; но вспомни , съ какою твердостью Сирь Фриндлей пере-

несъ боль, которую я имѣлъ несчастіе причинить ему, я скрѣпился и оцѣпъ сѣлъ на свое мѣсто среди громкаго смѣха дамъ и коварной улыбки слугъ.

Первыя блюда прошли безъ приключеній и я начиналъ уже восхищаться своею ловкостью, какъ вдругъ постигли меня новыя бѣды.

Являюся другія блюда; мнѣ подали горячаго пуддинга; я держалъ уже его на вилкѣ, какъ Миссъ Луиза Фриндлей попросила меня подать ей чего-шо; запоропившись угодишь любезной сосѣдкѣ своей, я поспѣшно положилъ пуддингъ въ ротъ.

Тутъ уже мнѣ невозможно было скрыть моего испущенія; глаза хотѣли у меня выскочить,

Наконецъ забывъ и спыдъ и швердоспъ, я принужденъ былъ выбросить виновника моего спраданія на шарелку.

Сиръ Фриндлей и дамы весьма обо мнѣ соболѣзновали, и каждый предлагалъ свое лѣкарство: иной масло, другой воду; но все согласились, что вино было лучшимъ средствомъ противъ инфламмаціи. Въ ту минушу принесли мнѣ изъ буфета спаканъ Андалузскаго вина; я схватилъ его съ жадностію, но, о небо! спанешъ ли у меня духа, чтообъ признашъся вамъ въ оспальномъ.

Видно, что буфешчикъ или ошибся, или вздумалъ надо мною подшунить: онъ вмѣсто вина налилъ водки, которую я вдругъ хлѣбнулъ неумѣренно; но по непривычкѣ къ крѣпкимъ напитокамъ мнѣ зажгло языкъ и горло: что шупъ оспавалось дѣлать?

Я не въ силахъ былъ проглотить и зажалъ себѣ ротъ крѣпко руками; но не смотря на сіе, прокляшый напитокъ, подобно фонтану, полился сквозь пальцы и носомъ на блюда. Тутъ всеобщій хохотъ совсѣмъ меня уничпожилъ.

Какъ ни бранилъ Сирь Фриндлей слугъ, какъ супруга его ни уговаривала дочерей — все было тщетно. Но, ахъ! мѣра моего стыда, а ихъ на-смѣшекъ еще не свершилась.

Чтобъ оперешь пошъ, который отъ сего несноснаго положенія капаль градомъ съ лица моего, въ совершенномъ безпамятствѣ, я началъ обширапья роковымъ плапкомъ, еще не высохшимъ послѣ паденія деревяннаго Ксенофонша, и вымараль себѣ все лице чернилами.

Тутъ уже и Баронетъ не могъ воздержаться: онъ и супруга его присоединились къ общему смѣху.

Въ ошчаянїи я выскочилъ изъ-за стола, побѣжалъ опропешью и внѣ себя пустился домой, не оглядываясь. Здѣсь пошлько, посмопья въ зеркало, я увидѣлъ на лицѣ своемъ слѣды чернильныхъ попоковъ, и весь вспыхнулъ. Любезные чпшашели! вообразите себѣ мое положеніе! Однакожь какъ мнѣ ни стыдно, но я хочу опкрыпья вамъ, кто былъ жерпвою всѣхъ сихъ бѣдъ, совѣпую при пошъ каждому искореняпья въ себѣ излишнюю застѣпчивость. И такъ знайте же... меня зовутъ . . . . но нѣпья, я не въ силахъ довершипья . . . . проспите моей нерѣшипельности, и будьте снисходительны — къ застѣпчивому челопьку.

Съ Франц. Н. Курманалева (*).

(*) Первые опыты юной переводчицы, общающей и впередъ доставлять намъ литературные труды свои, за которые благодаримъ живѣйшимъ образомъ и которые, безъ сомнѣнїя, прїобрѣпуть намъ новую благодарность со стороны *благонамѣренныхъ* журналистовъ (см. Лип. Газ. Том. I, No 8., спашью: *О Московскихъ Журналахъ*). Изд.

Замѣчаніе на одно мѣсто статьи, напечатанной въ 18 Но Литтературной Газеты, подъ заглавіемъ: Нѣсколько словъ о полемикѣ.

Сія умная, игривая и заспаваляющая мыслить спашья оканчивається сими словами: „*Кажешся, по мнѣнію нѣкоторыхъ: печатаніе естъ способъ обнажить свою мысль и выразишь то, что совѣстно и опасно сказать изустно.*“ Кажешся, шакое мнѣніе *нѣкоторыхъ* должно бышь *общимъ* — если *обнажить мысль свою и выразить то, что совѣстно и опасно сказать изустно*, не означаетъ смысла: *засучить рукава и дѣйствовать кулаками*, или просто *браниться*. (Лит. Газ. Но 18.)

Вопервыхъ, никшо и никакого не имѣеть права сказать въ общеспвѣ кому-нибудь какой-либо неприятности, попому чшо она можеть нарушитъ спокойствіе общеспва и оскорбитъ хозяина и всѣхъ гостей его: видя, напримѣръ, глупца или челоуѣка безобразнаго, какъ не *совѣститъся* и не *опасаться* объявишь имъ горькую испину — одному, чшо онъ глупъ; другому, чшо онъ безобразенъ, когда — кромѣ всего — они, какъ и всѣ, по *необходимости* бывають въ общеспвѣ, и, можеть спашьяся, безъ сей необходимости никогда бы не были въ немъ. Въ общеспвѣ даже *противорѣчить* почипається за неприличіе, за неумѣнье жить въ свѣшѣ, и почипається не безъ причины. Вовшорыхъ, равномѣрно не лъзя глупцу и челоуѣку безобразному сказать того же и наединѣ; ибо они спросяшь: „*А вамъ какое дѣло до насъ? можеть бышь, мы и сами знаемъ о своихъ недоспашкахъ: куда жь намъ*

прикажете дѣваться? между шѣмъ мы обязаны видѣться съ родными, съ знакомыми; и чѣмъ же мы подали вамъ поводъ оскорблять насъ?“

Если же, наконецъ, рѣчь идетъ о *писателѣ*; то какъ бы онъ въ семь качествъ дурень ни былъ, опячь *совѣстно* и *опасно* сказашъ ему *изустно* то, чего не лзя сказашъ *гражданину*; ибо ихъ права въ свѣшѣ одинакія: мы можемъ *говорить* только съ шѣми, которые соглашающся *слушать* насъ; въ прошивномъ случаѣ должно неминуемо подвергнуться *опасности*, если *совѣсть* не удержитъ насъ опъ желанія — бышъ *очевиднымъ свидѣтелемъ* смущенія, униженія, и проч. и проч. Но я не забочусь о смущеніи, объ униженіи автора, прибѣгаю къ вышесказанному способу, т. е. къ *печатанію* — чпобы *обнажить мысль свою и выразить то, что совѣстно сказать изустно* касательна авторскихъ недоспашковъ его, ибо имѣю на то полное право — почему? попому чпо издающій въ свѣшѣ сочиненіе свое объявляетъ *претензію*, и *препензію* на преимущества, которыхъ не имѣють прочіе граждане; попому чпо онъ желаетъ *возвыситься на ихъ счетъ*: слѣдовательно опдаешъ себя *на судъ*; слѣдовательно долженъ подпашъ и *наказанію* за дерзость свою, если не оправдаешъ ее своимми дарованіями. И въ такомъ случаѣ для *Джентлемента* нѣтъ *особенной* причины ни опасашся, ни совѣспишъся *Джонъ - буля, вызывающаго на бой*; но во всякомъ случаѣ должно, какъ извѣстно, сражашся одинакимъ оружіемъ: авторъ *печатаетъ*, и я *печатаю* — прошивъ него; но не прошивъ *общественнаго спокойствія*, которое, повпоримъ, нарушилось бы *изустнымъ* нападеніемъ. . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

К Ъ П О Р Т Р Е Т У

Княгини А. Н. Г. ной.

Всѣгда любезна добродѣтель;
 Но въ 'ангельскихъ чертахъ прелестнаго лица
 Она съ могуществомъ влечетъ къ себѣ сердца:
 Портрета подлинникъ въ сей истинѣ свидѣтель.

Э К С П Р О М Т Ъ

Николаю Павловичу Руну (*).

Хотя другому далъ я слово;
 Но сердце къ вамъ лѣтѣшь гошво —
 И въ воскресенье буду я:
 А съ добрыми людьми всегда душа моя.

Междатель.

На смерть роднаго малютки.

Нашъ малютка ненаглядный!
 Утромъ жизни ты увяль,
 И на мракъ могилы хладный
 Колыбель ты промѣняль!
 Жертва смертнаго молчанья,
 Снѣдь безжалостныхъ червей —
 Тамъ не встрѣшишь ты ласканья
 Пѣжной матери своей!
 Милымъ локономъ безопасно

(*) Приглашавшему Автора къ себѣ.

Ужь не будешь ты играть;
 Къ сердцу пламенному вѣчно
 Ей тебя ужь не прижашь!
 Не увидишь скорби нѣжной
 На челѣ ея, мой другъ!
 Къ ней ужь съ рѣзвостью небрежной
 Не прострешь малютокъ - рукъ!
 Не услышишь, ангель милой,
 Какъ она къ тебѣ придетъ;
 Какъ надъ раннею могилой,
 Ей безцѣнною, вздохнешь! . . .

А. Никитицъ.

В о с п о м и н а н і е.

Ты навсегда въ душѣ моей!
 Тебя забышь, мой ангель милой,
 Едва-ль могу съ утратой дней, —
 За хладною, сврой могилой?
 Забуду-ли прелестный часъ,
 Когда; *люблю!* ты мнѣ сказала,
 И поцѣлуемъ въ первый разъ
 Мое блаженство увѣчала?
 Забуду-ль звукъ твоихъ рѣчей,
 Улыбку нѣжную, смущенье,
 И огонь задумчивыхъ очей,
 И груди томное волнение?
 Нѣтъ; ты живешь въ душѣ моей!
 Навѣкъ оспанешься со мною,
 И будешь въ жизни скорбной сей
 Моей отрадою одною!

С. С. . . . кій.

ИЗВѢСТІЯ.

Евгеній Онѣгинъ. Глава VII. Санкт-петербургъ. 1830 года.

Странное дѣло! давно ли наши журналы становились на колѣна предъ каждымъ новыми стихами Пушкина! А нынѣ всѣ, или почти всѣ журналы усиливаются поспавить его самого на колѣна и умоляютъ о всепрощеніи за пипическія преступленія! Уже нынѣ Пушкина стихи не стихи, а побрякушки. „Нынѣ“ говоритъ одинъ Московскій журналъ „пребуютъ ошъ писателей не одной подписи *знаменитаго* имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго.“ А давно ли настуило эшо *нынѣ*? А чѣмъ же приобрьшается *знаменитое имя*, если не *внутреннимъ достоинствомъ* и не *внѣшнимъ изяществомъ*? Давно ли, наконецъ, воспослѣдовало сіе разочарованіе? и ошъ чего? Развѣ можетъ *едругъ* уничтожиться дарованіе? Но мы не спанемъ доискиваться *тайны*, а спрашиваемъ: не заслуживаетъ ли проклятія шопъ, кто и *чужой* паланшъ зарываетъ или желаетъ зарыть въ землю? Но паланшъ Пушкина будетъ всегда являться *кладомъ* въ радужномъ сіяніи, нестерпимомъ единшвенно для *гномовъ*. Спросимъ еще: не соспавляютъ ли стихи Пушкина новую, блестящую эпоху въ нашей Поэзіи? Не сошворилъ ли онъ многихъ поэшовъ всемогущею прелестію своей поэзіи? Будучи сначала робкими подражателями ея, можетъ спашься, они современемъ заспавятъ подражатъ себѣ: шакое

по крайней мѣрѣ естественный ходъ дарованій, рождаемыхъ явленіемъ гениа — сего Прометея, вливающаго жизнь и душу въ струны, копорые безъ его благошворнаго дѣйствія оспались бы — струнами. Пушкинъ былъ *Прометеемъ*, и будетъ еще очень долго. Легкость, свобода и гармонія, господствующія въ стихахъ Пушкина, открыли имъ путь въ святилище Грацій (разумью *дамъ*) и привели въ упадокъ — несовершенство стиховъ : важная услуга !

Въ *одномъ* Петербургскомъ журналѣ хопяшь, кажется, однимъ разомъ уничтожилъ всеъ пилитическія достоинства, копорыми споль щедро надѣлила Пушкина — природа : подвигъ трудный, и шѣмъ болѣе, что *требуетъ* отъ вишней жестокой борьбы съ самими собою ; ибо еще шакъ недавно они сражались за сіи достоинства съ открышой грудью . . . . Отъ чего же произошла споль быстрая перемѣна въ груди у нихъ ? — не знаемъ ! знаемъ шолько, что въ талантъ Пушкина не произошло никакой перемѣны, и обращаемся къ Онѣгину — предмету, гораздо пріятнѣйшему.

Въ *одномъ* Петербургскомъ журналѣ говоряшь : „эша Глава VII“ (Онѣгина) „испещрена шакими стихами и балагурствомъ, что въ сравненіи съ ними“ (по есть съ стихами и балагурствомъ ?) „даже Евгеній Вельскій кажется чѣмъ-то похожимъ на дѣло.“ (Похожимъ на дѣло ? или *чѣмъ-то*, похожимъ на дѣло ? Вотъ какъ пишушь наши дикшаторы !) „Ни одной мысли въ этой водянистой“ (?), „VII Главъ, ни одного чувствованія, ни одной каршины, до-

стойной воззрѣнія!“ (воззрѣнія?) „Совершенное паденіе, chute complete.“ (Но Французскія слова нимало не объясняютъ смысла въ Рускомъ словѣ паденіе, здѣсь упавшемъ!) „... въ пустынь нашей проэзіи появился опять Онѣгинъ“ (какъ же ему и не появиться *опять*, если онъ не конченъ?) „блѣдный, слабый . . . . сердцу больно,“ (какое сердоболіе!) „когда взглянешь на эту безцвѣтную картину!“ (Но вѣдь сказано выше, что въ VII Главѣ Онѣгина нѣтъ *ни одной картины?* откуда же взялась эта, хотя безцвѣтная, но все же картина? вопъ каково полагаться на ваше слово, господа!) „ . . . . Точно шакъ, любезныя чашапели, все содержаніе этой Главы въ помъ, что Таню везушь въ Москву изъ деревни. Всѣ вводныя и вставныя“ (?) „части, всѣ постороннія описанія шакъ ничпожны, что намъ вѣришь не хочется, чтообъ можно было *печатать* шакія мѣлочи.“

Но вѣрьте же и вы, любезныя чашапельницы! содержаніе этой Главы не *все въ томъ*, что Таню везушь изъ деревни въ Москву: это *главный* предметъ; но то, что предшествовало ему и что послѣдовало за нимъ — шакія *вводныя и вставныя части*, шакія *постороннія описанія*, что *хочется* нѣсколько разъ прочитавъ ихъ и всегда прочитываешь съ новымъ удовольствіемъ — или опъ того, что *забавно*, или опъ того, что *умно*, или опъ того, что *остро*, или опъ того, что *живописно*, или наконецъ опъ того, что самыя *мѣлочи* шакъ милы! въ то время, когда и *не мѣлочи* бывають безъ всякой привлекаемости: напримѣръ *Димитрій Самозванецъ* — весьма не мѣлочь; но въ ро-

манѣ подѣ симъ названіемъ онѣ — хуже всякой мѣлочи: ибо не даетъ опѣ *великихъ злодѣяній* опдохнуть сердцу ни на минушу. . . . Кспаши: Лже - кришикъ едва ли не по же, что полиписческій самозванецъ! Иное дѣло сшупишь надѣ сочиненіемъ эпиграммою, въ которой никакъ не ищеть испины. — Недавно попалась намъ подобная эпиграмма и мы помѣщаемъ ее здѣсь, какъ стихотворную игрушку — и болѣе ничего. Вотъ она:

По старинѣ, Гомеръ
 Былъ геній;
 А нынѣ, напримѣръ,
 II Пушкина Евгений,
 II Баратынскаго Арсеній —
 Все геній.

Сии любезные Поэты и сами пишутъ эпиграммы, конечно во сто разъ лучше эпой; но какъ долгъ плашежемъ красенъ (а въ эпомъ случаѣ нѣтъ нужды, хотя бы и *фальшивою* монешою): то и дѣло съ концемъ. — Мы утлашили свой долгъ — извѣспіемъ о VII Главѣ Онѣгина, и спокойны.

24 Апрѣля.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Лощенныя (glacés) ленты въ большой модѣ; есть такія ленты газовыя, которыхъ прозрачный отсвѣтъ (le reflet) чрезвычайно красивъ.

— Ленты съ крупными шишечками (à gros grains) обшиваются узенькою бахромкою; еще очень хороши ленты на подобіе шахматной доски съ маповыми апласными чепвероугольниками на чрезвычайно прозрачномъ газѣ.

— Платье изъ бѣлаго шали (châlis), разрисованнаго Турецкими узорами, составляетъ прекрасный шуамень. Есть сіи шали цвѣтныя, на которыхъ нарисованы выпуклыя (torses) колонны. Шерстяные баписы (batiste en laine) сырцоваго цвѣта (couleur égrue), зашканные зеленымъ (brochées en vert), также въ большомъ употребленіи.

— Рисованные эшарпы и вуали со дня на день спаиваются болѣе въ модѣ.

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь №.

Л о н ш а н с к і я м о д ы .

Шляпка изъ пальдери. Реденгошь и платье подъисподомъ (jupon) изъ вышиваго гродоріанъ (gros d'Orient).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ, чтобы по ошпечашаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Мая 5го дня, 1830 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

1830.

Парижскія Моды.

№ 20.

Данскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П Р О З А.

Дополненія къ изданнымъ матеріаламъ для исторіи Рускихъ женщинъ - авторовъ (*).

і е. Изъ сочиненій Царевны Софіи Алексѣевны болѣе другихъ извѣсны: нѣкоторыя Письма къ царственнымъ ея братьямъ, Царямъ Иоанну и Петру Алексѣевичамъ; Мнѣніе объ устройствѣ стрѣлецкомъ и пушкарскомъ (весьма рѣдкое); Духовныя пѣсни (о которыхъ

(*) Подобныя дополненія будутъ сообщаемы и впредь, чтобы при особомъ изданіи сихъ матеріаловъ составить уже нѣчто цѣлое въ историческихъ свѣдѣніяхъ о нашихъ женщинахъ - писательницахъ, и для того собиратель сихъ матеріаловъ чувствительно благодаря способствующихъ ему въ трудъ, покорнѣйше проситъ о продолженіи таковыхъ дополненій. М.

уже было упомянуто); *Преложеніе Псалмовъ*, и проч. Изъ переводовъ съ Нѣмецкаго, драмы: *Грѣшникъ* и *Судъ Соломоновъ*, а съ Французскаго Мольерова комедія: *Лѣкаръ по неволѣ*, и проч. (Выписано 1809 года изъ рукописи, хранившейся въ славной библіотекѣ Графа *Дмитрія Петровича Бутурлина*.)

2е. Напалъ Ивановнѣ *Титовой* (Д. Жур. 1830 Но 7й стран. 97) нѣкоторые изъ памятливыхъ нашихъ лирическихъ поэтовъ приписываютъ переводъ съ Французскаго аллегорической повѣсти въ 2 частяхъ: *Бокъ* и *Зюльба*, напечатанной въ Московской Университетской Типографіи. Теперь желательнѣе бы знать, какой фамиліи принадлежала до своего замужства Напалія Ивановна?

3е. Изъ самыхъ первыхъ стихотвореній Княжны Каперины Сергеевны *Урусовой* (Д. Жур. 1830 Но 7й стран. 98) весьма извѣсны напечатанныя ею въ *Дондахъ* Н. М. Карамзина. Вошъ ихъ оглавленіе: *Весна*, *Чувство дружбы*, *Ручей*, *Уединенные часы* и *Степная пѣснь*. Для юныхъ читательницъ, любопытныхъ, но незнакомыхъ еще съ Музою Княжны *Урусовой*, выпишемъ одни изъ упомянутыхъ стихотвореній. Вошъ ея *Весна*:

Обновился видъ природы,
 Видъ весенней красоты;
 Зажурчали быстры воды,
 Разцвѣли луга, цвѣты;
 Лѣтны бабочки летаютъ,
 На поляхъ сѣда лежатъ,
 Въ рощахъ птички воспѣваютъ,
 Вѣтерки прохладу мчатъ.
 Все воскресло, упоилось
 Жовошворною росой;

Въ лучшей видѣ переродилось,
 Было мертво что зимой.
 Протекли безсчетны вѣки,
 А природы потъ же видъ:
 Тѣжъ цвѣточки, правки, рѣки;
 То же солнце ихъ живить!
 Я природой восхищаюсь;
 Мой плѣняетъ взоръ она;
 Но къ себѣ я обращаюсь:
 Гдѣ ты, гдѣ, моя весна?
 Гдѣ вы, прежнія утѣхи,
 Что къ себѣ меня влекли?
 Гдѣ забавы, игры, смѣхи?
 Вы исчезли, утекли!
 Осень мрачная наспала;
 Въ слѣдъ за ней зима течетъ. . .
 Безвозвратно я увяла;
 Смерть меня у гроба ждетъ.

Но по смерти возродиться
 Надлежитъ душѣ моей;
 Тамъ весна возобновится,
 Тамъ моихъ безсмертныхъ дней.

О природа! обновленье
 И порядокъ видя твой,
 Я склонила размышленье
 На безсмертный жребій мой:
 Сколь величественъ и важенъ
 Онъ мнѣ кажется въ сей часъ!
 Но не будь, мой духъ, ошваженъ;
 Удержись! . . . прерви свой гласъ.

Спиши съ двоспоинствомъ, а мысли и чувства безцѣнны!

4е. Въ дополненіе къ трудамъ *М. В. Сушковой* (Д. Жур. 1830 No 7й стран. 98 и No 10й стран. 145) слѣдуешь сказать, что она въ 1777 году перевела съ Французскаго и напечатала въ С.-Петербургѣ *Испанскую повѣсть: Шастливое похищеніе.*

5е. *Е. В. Херасковой* (Д. Ж. 1830 No 7й стран. 100) приписываютъ еще переводъ двухъ

Французскихъ книгъ: *Геройскій духъ* и *Любовныя прохлады Густава Вазы*, Короля Шведскаго, напечатанной въ С.-Пешербургѣ, и *Новая сельская библиотечка*, или отборныя повѣспи, важныя и любопытныя, выбранныя изъ наилучшихъ древнихъ и нынѣшнихъ писателей, въ двухъ Часяхъ; напечатана въ С.-Пешербургѣ 1779 и 1781 годовъ. Для примѣра стихотвореній Г-жи Херасковой мы здѣсь выпишемъ ея *Стансы*, помещенныя въ 1 й книжкѣ *Аонидъ* на 1796 годъ. Читайше:

„Взирая на поля, на злчные луга,
 На рощи, на цвѣты, на холмы и на горы,
 На тихой токъ рѣки, на желтыя брега,
 Вездѣ пріятности зрю, куда ни кину взоры.
 Спокойной, кажешся, всему назначень вѣкъ:
 Вдыхаешь и грустишь лишь только человекъ.

*

„Въ восходѣ солнечномъ небесной зрится Царь;
 Онъ жизнь даетъ всему, и все одушевляетъ;
 Съ веселіемъ Его встрѣчаетъ каждая тварь:
 Единой человекъ смущенной видъ являетъ;
 Съ началомъ дня его начнутся суеты,
 Страдаешь, человекъ, въ природѣ только ты!

*..

„Когда цвѣты живить вечерняя раса,
 Зефиры рѣзвые съ листочками играютъ;
 Когда природы всей является краса,
 Согласной птички хоръ когда приготавлиють:
 Вдыхаешь и тогда единой человекъ,
 Въ заботѣ и трудахъ, что скоро день протекъ.

*

„Съ покровомъ темнымъ ночь спокойство пролешъ,
 Настанетъ тишина, умолкнетъ все въ природѣ;
 Жизнь новую всему пріятный сонъ даетъ;
 Былинка каждая покоишся въ свободѣ:
 Единой человекъ вдыхаешь и тогда,
 Желанья тщетныя тягчатъ его всегда.

*

„Чтожь значить челоѡкъ въ пространномъ мѣрѣ семь?
 Подвласно все тебѣ, по ты всегда вздыхаешь;
 Не ушѣшаешься въ природѣ ты ни чѣмъ;
 Желаній, чувствъ своихъ ни чѣмъ не насыщаешь.
 Конечно для тебя другой настанеть вѣкъ,
 Гдѣ будешь ты великъ и щастливъ, челоѡкъ!“

У самого Хераскова такихъ стиховъ не много и особенно по слогу!

6е. Каперина Ивановна *Воейкова*, переводчица *Арендарки* (Д. Ж. 1830 г. No 10 й спран. 149), была урожденная Графиня Толстая.

7е. Марья Григорьевна *Орлова* (Д. Жур. 1830 г. No 13 й, спран. 193), по уведомленію одного Тамбовскаго помѣщика, сосѣда упоминаемой Писательницы, въ замужствѣ за Тамбовскимъ же помѣщикомъ *Масаловымъ*. Сообщившій сіе извѣстіе называетъ Г-жу *Масалову* лучшею изъ ученицъ знаменитаго Барда Россіи (Г. Р. Державина).

8е. *Елисавета Корниловна Нилова* (Д. Ж. 1830 г. No 15 й спран. 1), кромѣ *Графа Вальмонта*, перевела еще съ Нѣмецкаго языка и 1790 года напечатала въ Тамбовѣ романъ въ двухъ частяхъ подъ названіемъ *Приключенія Англичанина Эдуарда Вильсона*. Намъ общали сообщитъ другія подробности о Г-жѣ *Ниловой*; просимъ о томъ и ожидаемъ съ благодарностію.

9е. *Елисавета Петровна Огарева* (Д. Жур. 1830 г. No 16 й спран. 1) 1796 года напечатала въ *Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени* слѣдующіе изъ своихъ переводовъ: 1е. *Махи* (перев. съ Француз.), анекдотъ изъ Всеобщей Китайской Исторіи; 2е. *Честь и добродѣтель неразлучны*, философическое разсужденіе изъ *Amusemens Philosophiques*, и 3е. *Три анекдота* (переводъ съ Нѣмецкаго). За тѣмъ слѣдуютъ переводы съ Нѣ-

мецкаго же : *Благодарный Жидь ; Опытъ дѣлаетъ насъ разумными ; Терпѣніе ; Солиманъ*, и проч. Чѣшбъ познакомишь нѣсколькo съ шрудами Г-жи Огаревой, мы здѣсь помѣспимъ нѣкоторыя изъ ея переводовъ. Вопшь выписка изъ разсужденія, почему *честь и добродѣтель неразлучны* : „Римляне въ столицѣ своей сооружили богинѣ *Добродѣтели* храмъ, копорой былъ соединенъ съ другимъ, посвященнымъ *Чести*, шакъ чѣш не лъзя было войши въ свящилище *Чести*, миновавъ храмъ *Добродѣтели*. Симъ желали они означить, чѣш для приобрѣшенія чести непременно должно бышь добродѣтельнымъ. Добродѣтель была изображаема въ различныхъ видахъ: иногда знашною женщиною : чѣш показывало почшеніе, копорое должно къ ней имѣшь ; иногда вооруженнымъ челоувѣкомъ : чѣш изъявляло бодрость и поспоянштво ея. Но Лукіанъ даетъ ей другое изображеніе: онъ описалъ ее въ Разговорахъ своихъ печальною, огорченною, худо одѣшою и обиженною *Фортуной*, шакъ чѣш возбранено было ей казашься предъ Юпитеромъ, шо ешь казашься въ большомъ свѣшѣ и бышь удостоенною чешей. Ювеналь упоминаешъ о сей богинѣ шакимъ образомъ : „она имѣла въ Римѣ два храма; одинъ былъ сооруженъ попеченіемъ Каія Марія, а другой усердіемъ Маркелла, во время перваго его консульства. Между различными изображеніями *Добродѣтели* предспавляли ее величественною и скромною женщиною, въ простомъ бѣломъ плашѣ, и сѣдящею на чешвероугольномъ камнѣ, желая шѣмъ означить *непорочность, простоту и постоянство*. Изображали ее шакже въ видѣ почшеннаго старца съ длинною бородою, копорый опирался на шрость и былъ покрышь львиною кожею.

Ворода показывала мудрость, которая есть дочь опытности; прость означала силу и крепость, а львиная кожа великодушіе. *Сіе научало смертныхъ, что безъ обладанія таковыми превосходными качествами не лзя быть почтену именовъ добродѣтельнаго.*“

Выборъ анекдотовъ Г-жи *Огаревой* игривъ и занимашелень. Вошь два изъ нихъ :

1.

Чиновный споръ. Двѣ госпожи при выходѣ изъ церкви спорили между собою, которой должно идти напередъ. Императоръ Карль V рѣшилъ ихъ споръ такимъ приказаніемъ, чшобы ша, которая изъ нихъ глупѣе, имѣла первенство. Это рѣшеніе принудило каждую выдти въ особенныя двери.

2.

Лучшее приданое. Одна Гишпанка, когда спросили у нея, что она принесетъ мужу своему въ приданое, отвѣчала: *то, что я получила въ наследство отъ родителей своихъ — чувствительную душу, доброе сердце и, словомъ, добродѣтель.*

Сопрудницею Г-жи *Огаревой* была нѣкто дѣвица *Нашалья . . . Кологривова* (*). Она вмѣстѣ съ нею раздѣляла лиштературные труды свои, вмѣстѣ съ нею переводила однихъ и шѣхъ же авторовъ и вмѣстѣ съ нею являлась съ общими трудами на судъ П. А. Сажацкаго, Издашеля *Пріятнаго* и *полезнаго* препровожденія време-

---

(*) Желашельно знать, кто была дѣвица *Н. Кологривова* въ послѣдствіи и продолжала ли постоянно свои занятія на поляхъ отечественной словесности? *М.*

ни. Сахацкій былъ ихъ общимъ училемъ. Изъ прозаическихъ переводовъ *Кологривовой* намъ досель извѣсны только (весьма хорошіе переводы): *Превосходное воспитаніе у древнихъ Персоевъ* и *Путь къ истинной славѣ*, два небольшіе опривка, взятыя изъ *Amusemens Philosophiques*; *Знай, кому вѣрить*; *Великодушная дочь*; *Болтушка*; Апологи, повѣсти и анекдоты, избранные переводчицею изъ различныхъ Нѣмецкихъ писателей. Впрочемъ, можешь спастись, если наши матеріалы о трудахъ Г-жи *Кологривовой* будутъ достапачны, мы упомянемъ объ ней въ спашѣ особенной.

Графъ Дмипрій Ивановичъ Хвостовъ, по благосклонности своей, увѣдомляетъ насъ, что переводчицы книги: *Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ*, двѣ родныя сеспры, Княжны Волконскія, были въ замужствѣ: старшая, Княжна Наперина Михайловна (Д. Ж. 1830 г. No 13), за извѣстнымъ храброснію своею Генераль-Майоромъ Сергеемъ Алексѣевичемъ Кожинымъ, убитымъ въ кампанію противъ Наполеона 1807 года; а младшая, Княжна Анна Михайловна, не за *Ф. Г. Каринымъ*, но за Генераль-Майоромъ Грейссеръ, и скончалась въ прошломъ 1829 году; что онъ объ родныя сеспры, нынѣшнему Господину Министру Императорскаго Двора; что упомянутый переводъ ихъ былъ представлень чрезъ Княгиню Дашкову Екатерину II; которая повелѣла представить Себѣ Княженъ Волконскихъ въ Пешергофскомъ маскарадѣ: что и было исполнено ихъ покровительницею, Княгинею Дашковою. Императрица изволила приласкать юныхъ переводчицъ предъ всею публи-

кою. — Федоръ же Григорьевичъ Каринъ, родной дядя Графа Д. И. Хвостова, былъ женатъ на Княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Голицыной, дочери того самаго Голицына, котораго обезсмертилъ Державинъ, сказавъ:

„Князья насѣдками не клочкутъ.“

Редакторъ *Материаловъ для Истории Русскихъ женщинъ - авторовъ* чувствительно благодаритъ Е. С. Графа Д. И. Хвостова за поправку важной ошибки и за интересное дополнение къ списку о Княжнахъ Волконскихъ. — Всякую подобную поправку вышесказанный редакторъ приметъ съ искреннѣйшею благодарностію.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

К ъ м и р у .

Les seules conquêtes durables
Sont celles qu'on fait sur les coeurs.
Побѣда прочная, побѣда надъ сердцами.

Ж. - Б. Руссо.

Война гремѣла на землѣ ;
Раздоры грозные шумѣли ;
Селеній кровь понуль во мглѣ ,
Въ стѣнахъ — столицы сиротѣли .
Но благодатный миръ съ небесъ
Вѣтвь пальмову съ собой принесъ . . . .
Завѣтной вѣтви мановенье
Дало природѣ оживленье .
Сырой земли стѣсненна грудь
Съ свободой прежнею вздохнула
И въ цвѣтѣ новомъ проглянула .
О миръ ! намъ жизнодавцемъ будь !

Мири нашъ дольный *миръ* съ собою.
 Когда же съ яростнымъ челомъ
 Раздоръ, опять сдружася съ войною,
 Явишя съ пламеннымъ мечемъ:
 Испоргни мечъ любви дыханьемъ,
 И новой жизнию повѣй,
 И дружбою сердца согрѣй!

Пусть шемнымъ будешь вспоминаяемъ,
 Чшо громъ военныхъ бурь гремѣлъ;
 Пущь всѣ живущь однимъ желаньемъ,
 Чтобъ блескъ любви вездѣ свѣплѣлъ.

Такъ! первая на свѣстѣ слава,
 Чтобъ другомъ общимъ бытъ сердцецъ;
 Не померкаешъ та Держава,
 Гдѣ длань любви сплела вѣнецъ.

Метателъ.

30 Апрѣля 1830 года.

Москва.

О Т Г О Л О С О К Ъ С Е Р Д Ц А .

Т е б ѣ .

Тебѣ, мой другъ, дары природой всѣ даны;
 Въ тебѣ и прелести, и умъ заключены;
 А я всего лишень . . . . Но я любимъ шобою!
 И все, въ чемъ сердца жизнь, все шо шеперь со мною.

Метателъ.

С М Ъ С Ъ .

Благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ.

Мы не однократно чинали во Французскихъ журналахъ и газетахъ нынѣшняго года о многихъ Парижскихъ публичныхъ и частныхъ балахъ въ пользу бѣдныхъ, — о многихъ концер-

шахъ и спектакляхъ, данныхъ на сей же предметъ аршисшами; но слава дасть *благородный спектакль* для бѣдныхъ была предоспавлена Москвѣ, издревле знаменишой подвигами добродѣшелей всякаго рода.

И 27го Апрѣля, на прекрасно устроеномъ въ большой залѣ Благороднаго Собранія театръ, въ пользу бѣдныхъ, призираемыхъ Московскимъ Попечительнымъ Комитетомъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, предспавлены: *Ненависть къ людямъ и раскаянiе*, драма въ 5 дѣйствiяхъ, соч. Коцебу, переведенная съ Нѣмецкаго *А. Ф. Малиновскимъ*, и *Воздушные замки*, комедiя въ одномъ дѣйствiи, въ стихахъ, *Н. И. Хмѣльницкаго*.

Коцебу имѣлъ рѣдкiй даръ — дѣлать надъ сердцемъ, что хочешь: онъ заспавляетъ смѣяться и плакать, не заспавляя однакожь зрителя досадовать на противоположность своихъ чувствованiй: верхъ искусства! Мы снова испытали сiю истину въ предспавленiи вышесказанной драмы, прославившей автора при самомъ началѣ его театральнаго поприща. и споль блистательно ознаменовавшей превосходные таланты особъ, участвовавшихъ въ семъ спектаклѣ!

Онъ былъ принятъ безчисленною публикою съ сугубымъ восторгомъ: какъ великодушный подвигъ важнаго благошворенiя и какъ зрѣлище рѣдкое, необыкновенное, исполнившее душу и сердце самыхъ живыхъ, самыхъ сладоснѣйшихъ и споль разнообразныхъ чувствованiй! . . . Въ сценахъ *Эйлали* и *Мейнау* плашки непрестанно бѣлѣлись на глазахъ дамъ. Надлежало и мушкетѣ имѣть бронзовую грудь, чтобы не пронуться. . . .

Вообще спектакль шель чрезвычайно хорошо. Декораціи перемѣнялись съ опмѣнною исправно-

стію; ни въ чемъ не было нималѣйшаго замѣшательства.

Сей благошворительный и въ поже время инпереснѣйшій спектакль, по законамъ приличія налагающій на насъ стягоспную обязанность умалчивать о дѣйствовавшихъ лицахъ, данъ вторично 3 го Мая, въ залѣ же Благороднаго Собранія; ибо не возможно было въ одинъ разъ удолешворить поступившія прѣбванія билешовъ.

Сборъ въ оба спектакля проспирался за 20,000 рублей. Назначенная цѣна билетамъ была: въ залу по 10 р., на хоры по 5 р. ассигнаціями. Многіе давали вдѣсяперо болѣе. Президентъ Московскаго Попечительнаго Комитета, Е. С. Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, пожертвовалъ при семь случаѣ значительную сумму.

Наша древняя Столица долго будетъ поминишь и говоришь о новомъ средствѣ благошворить бѣдныхъ, а сіи послѣдніе — молишь Бога за своихъ благошворителей.

ИЗВѢСТІЯ.

Александроида, Современная Поэма. Сочиненіе Павла Свѣтина. Часть третья и четвертая. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1829.

Мы обѣщали сообщать извѣстія о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ нашей Литтературѣ — и пользуемся теперь однимъ изъ самыхъ смѣло скажемъ, блистательныхъ случаевъ къ исполненію своего обѣщанія: ибо что можетъ быть *замѣчательнѣе* Героической Поэмы, и еще современной, въ 24 пѣсняхъ? Токова Александроида!

Въ извѣстїи о двухъ первыхъ *Частяхъ* сей истинно *грозной для враговъ* нашего опечесства Поэмъ мы сказали, что при ней напечатаны чрезвычайно любопытныя примѣчанія, исполненныя необыкновенной занимательности — исторїею и анекдотами войны достопамятнѣйшей. Точно такія же примѣчанія находятся и при сихъ двухъ *Частяхъ*.

Но чтобы предсказать новое доказательство давнишней мысли о неизмѣнности истиннаго шаланша и въ самыхъ тяжкихъ, въ самыхъ продолжительныхъ прудахъ; по выписываемъ нѣсколько спрощъ изъ Поэмы.

Поэтъ, изобразивши Гомерическою кистїю знаменитое Кульмское сраженіе, продолжаетъ:

Еще ревуть бойницъ гортани. . . .
 Уже тѣнь вечеръ разложилъ;
 Змѣится ярый пламень брани —
 Мертвятся сонмы ратныхъ силъ!
 Опъ жертвъ убійственной ехиды
 Ужасные въ обзорахъ виды. . . .
 О горе, язвень Вождь - Герой, —
 Ядро ему отторгло руку!
 Онъ швердь . . . . Презрѣвъ болѣзни муку,
 Воскликнулъ: „други, съ жаромъ въ бой!“

Но подивитесь *гибкости* шаланша: Поэтъ перунную лиру свою переспроиваетъ на самый нѣжный понъ и не *гремитъ* уже, а *поетъ*:

Во дни шоски, изнеможенья,
 Безпамятства идей, везуть
 Его (*) съ собратами паденья
 Въ цѣлбный раненыхъ прїюшь;
 Къ нему еще опъ язвы жала

(*) Офицера, раненаго въ Бреславль. Мы не сохраняли *хронологїи* въ своихъ выпискахъ, находя себя — dans l'embarras de richesses, какъ говорятъ Французы.

Болезнь горьняя (*) приспала, —
 Остатня кровь въ огонь . . . . и онъ
 Спенеть въ смѣшеніи мечъ (**) опасною . . . .
 И долго, въ бышіи несчастномъ,
 Тягчишь его — лешаргскій сонъ!

(Пропускаемъ одну строфу.)

Красавицы! всегда вы были
 И будете душой для насъ!
 Мы — васъ всегда богосворили. . . .
 Богосворить ввѣкъ будемъ васъ!
 Изъ васъ — кто власпи не имѣла? . . .
 Создашь въ насъ сердца не умѣла? —
 Тебѣ, прелестная изъ женъ,
 Блаженство сладостнаго вида,
 Прекрасная Аделаида,
 Спрадалецъ жизнью одолженъ.

Послѣ новыхъ, можно сказать, Юпитерскихъ
 громовъ, бросаемыхъ въ громады *безстрашно-*
злыхъ враговъ (слѣдовашельно шѣмъ опаснѣй-
 шихъ Типановъ), Поэтъ опять (выразимся
 такъ) беретъ въ руки цѣвницу, кажется, уви-
 шую розами:

Вошь, съ миромъ, время золотое!
 Верховная судьба — любить. . . .
 О впечатлѣніе святое!
 Чшо сладостнѣе можешь быть! . . . .
 Взаимность чувствъ . . . . о даръ блаженства!
 Въ тебѣ — всѣ міра совершенства! . . . .
 Не лзя изобразить себя (***). . . .
 Сокровище души . . . . съ побою
 Завидно щастливъ я судьбою. . . .
 Я въ нѣгѣ думъ . . . . я — внѣ себя (****).

(*) Прекрасно названа метафорически *горячка*. *Изд.*

(**) А какъ же вы скажете въ эпшомъ числѣ и падежѣ? *Изд.*

(***) Другому, а не нашему Поэту. *Изд.*

(****) Если бы опдѣлили нѣсколько подобныхъ строфъ (а ихъ не мало); по составила бы прелестная Эропическая Поэма. Вошь что значить *гнбкость* талаиша! *Изд.*

Какъ мы жалѣемъ, что предѣлы нашихъ листковъ заставляющъ насъ ограничиться *только* тѣмъ, что сказано нами о сихъ двухъ Часпяхъ Александрюды, столь богатой пищическими сокровищами, которыя готовящъ сей Современной Поэмѣ славу — Поэмы всѣхъ временъ, по естѣ безсмертной!

Вмѣстѣ съ сими двумя Часпями, какъ намъ кажется, еще превосходнѣйшими по разнообразію своихъ красотъ, чѣмъ двѣ первыя, вышелъ *Отчетъ въ поэзіи за 1828 годъ*, сочиненіе по тому же Автора, въ особенности доказывающее то, что мы два раза назвали *гибкостію истиннаго таланта*.

Вошъ образчикъ :

Л ю б о в ь .

Раскрылось сердце, искра пала. . . .
 Подъ электризмомъ въ жилахъ кровь :
 Проникнула меня любовь —
 Грудь сладостно вострепешала. . . .
 Красою духъ мой упоень,
 Насытилось воображенье. . . .
 Все бышіе — преображенье :
 На небо, мнѣшся, вознесень!
 Оставиль брѣнность жизни, міра,
 На благо промѣняль мечты,
 Дышу — одна со мною лира —
 Любовь! моя стихія — ты!

Мудрено ли, что такая стихія производитъ подобные стихи ?

„Любовь стихи животворитъ
 „И старому даешь видъ новый!“

Но у творца Александрюды въ самомъ дѣлѣ такъ много *новыхъ* — не только *выраженій*, но и *цѣлыхъ картинъ* — что сія Поэма и сей Отчетъ долго, долго не состарѣются.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Еще нѣсколько недѣль, и уже дамѣ хорошаго тона не позволится нарядный шуалешъ: въ эшо время года вкуть желаешъ простопы; и если какое - нибудь шитье или кружево придасть красу костюму, то выборъ и расположение ихъ должны назначиться *тактомъ* женщины, умѣющей оцѣнить богатство безъ блеска и пышность безъ затѣй, какъ нынѣ пребуешъ шого мода, въ своемъ истинномъ знаменованіи.

— Очень много носятъ поупру шляпокъ - капотовъ изъ сшитыхъ леншъ. Англійскія шляпки - капоты дѣлаются изъ сшитой соломы, подбитой цвѣпнымъ гроденаплемъ, или изъ новой соломенной шкани съ лоскомъ, которая и очень легка, и очень хороша.

— Мы видѣли реденгопы изъ бѣлаго органди, выложенные спереди по обѣимъ сторонамъ гирляндой, вышитой зеленою шерстью въ шѣнь. При сихъ реденготахъ носятся зеленые эшарпы и кафоты (шляпки) изъ пальдери съ букетомъ каприфолій (*chèvrefeuille*).

— Платья изъ писненаго шалі (*chalis*) болѣе всѣхъ другихъ видны на гульбищахъ.

— Полу-широкіе (*demi-larges*) и узкіе (*collantes*) рукава все еще чрезвычайно широки къ плечамъ.

Изъясненіе картинки при семъ Но.

Л о н ш а н с к і я м о д ы .

Шляпка изъ пальдери съ букетомъ каприфолій. Канезу изъ органди. Платье кисейное.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чтобы, по оппечашаніи, представлены были въ Ценсурный Компшетъ шри экземпляра. Москва, Мая 12го дня, 1830 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

1830.

Парижскія Моды. N. 21.

Данскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П Р О З А.

О силѣ предрасудковъ между Индійцами.

Энтузіазмъ Англичанъ къ поспановленіямъ своего государства есть какъ бы природное ихъ свойство; они не иначе судящъ даже о благоденствіи прочихъ націй, какъ по большому или меньшему сходству ихъ политическаго образованія съ Англіей. Они ввели обычаи своего отечества вездѣ, гдѣ только могли пріобрѣсть себѣ прочную осѣдлость; одна лишь Индія устояла противу сего нравственнаго вторженія: совершенное различіе въ вѣрѣ и важныя политическія причины послужили тому препятствіями. Индійцы имѣютъ предрасудокъ почиашъ Англичанъ какъ бы людьми высшей степени; но сіе впечатлѣніе, столь благопріятное для Британскаго владычества, можетъ въ послѣдствіи исчезнуть само по себѣ, когда связи между ними содѣлаются пѣсенѣ: ибо Англичане не имѣютъ

до сихъ поръ иныхъ сношеній съ Индійцами, кромѣ шѣхъ, копорыя необходимы между правителями и подчиненными, между властелинами и подданными.

И такъ было бы весьма нерасчетливо стараться испреблять предразсудки въ семь народѣ, возбудивши въ немъ негодование; это можеть съ шѣмъ вмѣстѣ дасть почувствовашь ему и силу свою: минуша ужасная и навсегда гибельная для Бришанскаго могущества! Эшаго, кажеться, не понимаетъ большая часть юныхъ Цивиліанъ^(*), пріѣзжающихъ шуда изъ Европы; они смотряеть съ нѣкопорымъ презрѣніемъ на обычаи, споль различные съ нравами просвѣщеннаго свѣша, и не размышляють, что сіи обычаи почти всѣ возникли ошъ какихъ-нибудь священныхъ началъ, укоренились временемъ, и опровергаеть ихъ или насильствомъ, или поруганіемъ было бы угрожаеть націи, споль суевѣрной, игомъ, спокрашъ ужаснѣйшимъ самага порабощенія.

Я сообщу здѣсь примѣръ, копорый покажеть, до какой степени предразсудки господствуютъ надъ симъ народомъ. Опнеспись къ женщинѣ, какимъ бы то ни было образомъ, почитаеться у Индійцевъ смертельной обидою для ея мужа, и подвергаетъ жену всѣмъ неисповствамъ его свирѣпой ревности. Молодые въпренники часто дѣлають это изъ чванства, чшобъ похвасташъ передъ другими своимъ знакомствомъ съ женщиною. Слѣдующее происшествіе докажеть, сколь гибельны плоды ихъ легкомыслія.

Одинъ молодой Англичанинъ былъ посланъ во внутренность нѣкопорой провинціи для окон-

(*) Чиновники Индійской Компаніи.

чанія слишкомъ долго длившейся шажбы, почему и надлежало ему прожить тамъ нѣсколь-
 ко мѣсяцовъ. Прїѣхавши въ главный городъ окру-
 га, онъ оспановился въ домъ насупрошивъ одно-
 го знашнаго Рейпуша; сей послѣдній имѣлъ пре-
 красную жену, кошорую спраспно любилъ. Мо-
 лодой человекъ едва увидѣлъ ее, какъ вознамѣ-
 рился обольстить; но не имѣя случая перегово-
 рить съ незнакомкой, онъ спарался изъяснить-
 ся ей знаками. Одинъ изъ сосѣдей примѣтя сіе,
 поспѣшилъ увѣдомить о томъ мужа; а какъ было
 извѣстно, что Англичанинъ великій искашель въ
 женщинахъ, то Рейпушъ безъ пруда повѣрилъ сло-
 вамъ сосѣда, и спалъ приспально наблюдать за
 женою; но ничего предосудительнаго въ ея пове-
 деніи не замѣтилъ. Въ одинъ день видить одна-
 кожь, что Брипанецъ стоя на шеррастѣ, повто-
 ряетъ обыкновенные свои знаки, и на слѣдующее
 же утро жену Рейпуша нашли въ постели мерт-
 вою. Мужъ нимало не скрывалъ своего злодѣя-
 нія; онъ объявилъ себя убійцею, говоря что
 шѣмъ предохранилъ какъ честь жены, такъ и
 свою собственную. Его схватили и привели къ
 тому же самому молодому Англичанину, какъ къ
 единственному Брипанскому чиновнику, нахо-
 дившемуся на ту пору въ городѣ; онъ былъ
 обязанъ не только учинить допросъ мужу, но
 и произвести слѣдствіе надъ шѣломъ несчастной
 жены. Какъ описать его ужасное положеніе!
 ибо не взирая на вѣтренность, сей молодой
 человекъ имѣлъ весьма благородныя и возвышен-
 ныя чувства. Рейпушъ, осужденный по соб-
 ственному своему признанію, былъ приговоренъ
 къ смерти; онъ жестоко укорялъ судью и по-
 спавлялъ его единственнымъ виновникомъ сво-
 его прешупленія. — Вѣднй Англичанинъ про-

изнесши судъ надъ Рейпушомъ, былъ обязанъ по долгу званія своего присутствовать и при его казни; шупъ уже ему надлежало собрать всѣ свои силы, чшобъ исполнить сей ужасный долгъ! — Съ этой самой минуты образъ чепы несчастной безпрестанно его преслѣдовалъ; будучи не въ силахъ переносить угрызений совѣсти, въ опчаяннн своемъ онъ засхрѣлся, и такимъ образомъ при челоуѣка содѣлались жершвою оскорбленнаго предразсудка.

Съ Фр. Н. Курманалева.

Замѣтанія для ѣдущихъ въ Кавказскую Область.

Въ Россіи обыкновенно говорятъ о двухъ страшннщцахъ Кавказской Области: о климатѣ сей страны и Черкесахъ. Ёдущіе служншь шуда чиновники бывающъ провожаемы друзьями и родными какъ на вѣрную смерть; и кто изъ шаковыхъ чиновниковъ не испыталъ всѣхъ горешей разлуки? — „Какое безуміе!“ говорили мои знакомцы: „люди бѣгутъ изъ эшаго края; „а ты ѣдешъ шуда! Тамошняго климаша шебъ „не перенесшь; а ежели вздумаешь знакомншь- „ся съ сею новою для испориковъ и естешво- „испыташелей странною, шо не миновашъ рукъ „Черкескихъ.“ Ту же почши вѣспъ по дорогѣ я вездѣ слышалъ; но когда прѣѣхалъ въ Спаврополь, шо о климатѣ уже не говорили, а одинъ только *страхъ отъ Черкесовъ* наполнялъ умы, и сей *страхъ* шакъ былъ силенъ, чшо многіе изъ служащихъ здѣсь чиновниковъ не знали, какъ рѣшншься ѣхашъ къ минеральнымъ водамъ, хопя нмѣли къ шому непреборимое желаніе. Между

шѣмъ я объѣхалъ почти всю Область и прожилъ въ ней почти годъ; Черкесы не плѣнили и, благодаря Бога, здоровьемъ пользуюсь такимъ, какимъ и въ Россіи, при дѣятельной также жизни, не всегда наслаждался. Узнавъ на опытъ сіи два обстоятельствова, такъ много спращающія едущихъ въ Кавказскій край, я рѣшился познакомиться моихъ соотечественниковъ съ оными, избравъ все безприсрашно.

Благораспореніе воздуха въ Кавказской Области можно раздѣлить на три полосы. Первая простирается по теченію рѣкъ Терекъ, Куры и Кубани; вторая въ мѣстахъ, гдѣ почва земли состоитъ изъ обширныхъ солончаковъ; и третья, заключающая въ себѣ земли плодородныя.

Въ мѣстахъ, лежащихъ при упомянутыхъ рѣкахъ, или говоря опредѣлительнѣе — отъ города Георгіевска и до Кизляра воздухъ для жителей, прѣзжающихъ изъ Россіи, почти здоровъ. Причины вреднаго свойства его никѣмъ еще доспашочно не изслѣдованы, шѣмъ болѣе что плѣтворность онаго не вездѣ одинакова: въ Моздокъ онъ здоровѣе чѣмъ въ Кизлярѣ, и въ семъ городѣ лучше нежели въ Георгіевскѣ.

Первою причиною худаго качества его полагаю разлишіе рѣкъ, которое бываетъ не весною, какъ въ Россіи, но среди лѣта. Вода прибывая въ оныя отъ тающаго въ горахъ снѣга и выходя изъ береговъ, необходимо производитъ лужи и заливы, которые загниваясь весьма скоро по причинѣ сильнаго жара, въ сей странѣ всегда почти бывающаго, наполняютъ воздухъ убійственнымъ испареніемъ. Сіе обыкновенно происходитъ при упадкѣ воды, ш. е. начиная съ половины Іюля и до половины

Августа мѣсяца. Въ теченіе сего времени смертность между людьми значительна; ее усиливаютъ неоспорожность и невоздержаніе, и ежели испыташь сіе послѣднее обстоятельство, то невольно сдѣлаешь вопросъ: не оно ли есть главнѣйшая причина болѣзней и смертности людей въ сихъ мѣсяцахъ?

Вообще лихорадки и горячки — единственные почти здѣсь болѣзни — обнаруживаются въ половинѣ Іюня мѣсяца вмѣстѣ съ появленіемъ плодовъ; свирѣпствуютъ, когда созрѣютъ дыни и арбузы, а уменьшаются, когда на рынкахъ они вздорожаютъ. Приписавъ однакожъ бѣдствія сіи единственно плодамъ было бы не основательно; ибо примѣчено въ Георгіевскѣ, что необыкновенная смертность людей и болѣзни бывали тогда, когда большое пространство земли глубоко вскапывалось: такъ, во время успройства крѣпости, построенія каменныхъ казармъ, госпиталей и проч., моръ людей былъ необыкновенный. Къ сему должно присоединить и то, что въ Кизлярѣ и вообще по всему теченію р. Терка наполняютъ виноградные сады и нивы сарачинскаго пшена водою, которая загниваясь, сильно портитъ воздухъ; но повторяю, что сія плѣсворность его бываетъ въ прѣжъ лѣтнихъ мѣсяцахъ, въ прочее же время онъ совершенно здоровъ.

Въ сильные жары болѣзни также бываютъ въ мѣсяцахъ солончаковыхъ; но здѣсь причиною ихъ должно полагать, какъ я думаю, не столько зловредность воздуха, какъ воды, пропекающей по онимъ, плодовъ и овощей, произрастающихъ на такой почвѣ. Известно, что самыя лучшія дыни и арбузы рождаются на солончакахъ, и самое вѣрнѣйшее средство получить

лихорадку или горячку ешь по, чшобы не воздержаться опъ нихъ.

Третье проспранство воздуха прикрываетъ, пакъ сказаць, прочія мѣста возвышенныя и плодородныя. Ставрополь, окружности его, Горячеводскъ, мѣста при кислыхъ минеральныхъ водахъ, при Бешповыхъ горахъ и весь правый берегъ рѣки большаго Егарлыка находятся подъ крошкимъ небомъ, при благораспворенномъ воздухѣ. Здѣсь прїѣзжающіе изъ Россіи не находятъ никакой разности съ своею родиною, и печальный звонъ колокола по усопшемъ рѣдко, очень рѣдко поражаетъ слухъ. Если они подвергаются болѣзни, по рѣшишельно можно сказаць опъ собственой неосторожности. Находясь въ Кавказской Области, должно быть внимательну къ одному обстоятельству его климата. Очень не рѣдко случается, особенно весною, осенью, а иногда и лѣтомъ, что послѣ теплой, прїятной погоды вдругъ повѣетъ самый холодный и, какъ говоряць, рѣзкій въперъ: онъ причиняетъ преспудныя лихорадки, впрчемъ неопасныя. Въ опвращеніе сего, никогда не должно легко одѣваться и доврять хорошей погодѣ. Припомъ во всей Области самое вѣрное средство сберечь свое здоровье заключается въ подражаніи: пуземнымъ жителамъ: всегда одѣваться тепло, весною и осенью употреблять нищу разгорячающую, а лѣтомъ прохлаждающую и какъ можно умѣреннѣе. Въ сіе время должно совершенно воздержаться опъ водки, рому и вина.

Изобразивъ краткими словами свойство климата Области Кавказской, я познакомлю читателя съ Черкесами, какъ знаю и какъ умѣю. Силь именемъ у насъ въ Россіи называютъ во-

обще весь народъ, обитающій въ Кавказскихъ горахъ, какъ то Лезгиновъ, Чеченцовъ, Набардинцевъ и проч., по сходству ихъ нрава, обычаевъ и вѣроисповѣданія. Тотъ сильно ошибается, кто предсавляетъ себѣ сихъ жителей Кавказа народомъ воинственнымъ, предприимчивымъ, храбрымъ; они суть не иное что, какъ воры и ночные разбойники. Я согласенъ, что вести съ ними войну, по мѣстному положенію ихъ жилищъ, пылкому ихъ нраву и опчаянію, прудно чрезвычайно, и усмиришь сей народъ есть дѣло, пребующее величайшаго благоразумія; но въ пѣхъ небольшихъ набѣгахъ, которые онъ дѣлаетъ на предѣлы Кавказской Области и о которыхъ слухи бывають часно неосновательны и всегда увеличены, сіи горцы робки, малодушны. Они переплывають быспрошу рѣкъ, прокрадываються по ущельямъ горъ, шерпятъ голодь и подвергаются опасностямъ разбойника для того шолько, чптобы укрась что-нибудь, и ни въ какомъ случаѣ не бросаються на вѣрную опасность. Десятъ и болѣе горцевъ никогда не подѣдутъ близко къ человѣку, имѣющему ружье, и цѣлыя ихъ тысячи не осмѣляться напасть на укрѣпленное мѣсто, ообенно гдѣ есть пушки: вѣрная смерть для нихъ спрашна. Проезжая владѣніе Гребенскихъ казаковъ, въ общихъ разговорахъ съ провожающими меня сказалъ я, что въ Саврополь опасаются нападенія Черкесовъ на сей городъ. При семъ словѣ казаки захохотали. — „Чему вы смѣхесь?“ спросилъ я. Видно, недавно вы прѣхали изъ Россіи — отвѣчалъ одинъ. „Почему же ты это замѣчаешь?“ — Какъ можно, чптобы Черкесы напали на какой-нибудь городъ! — „Однакожь они дѣлали это въ разныя времена

на такое - то и такое - то селеніе.“ Вошь по - то и ешь! — продолжалъ казакъ — они нападали на такое - то селеніе, но въ то же время прошли въ двухъ верстахъ отъ такой - то саницы и не осмѣлились къ ней приближиться, ибо знали, что тамъ будетъ защищаться и ребенокъ; во всякомъ же городѣ есть пушки и солдаты, которыхъ зпа некрестъ боится пуще всего. — Дѣйствительно, для сихъ корысполубцевъ нѣтъ ничего страшнѣе солдатъ, и потеря собственныхъ людей для нихъ бѣдственна. При нападѣнн горцевъ въ 1828 году на предѣлы Области; сія потеря ихъ была такъ велика, что они не могутъ и шеперь о ней равнодушно говорить. Для хищничества они обыкновенно прокрадываются ночью, скрываются нѣсколько дней въ укромныхъ мѣстахъ, и высмотрѣвъ добычу, выѣзжаютъ предъ захожденіемъ солнца на оную: угоняють табуны лошадей, берутъ въ плѣнъ молодыхъ людей; женщинъ; дѣвушекъ и чиновниковъ (*), если повстрѣчаются; но спариковъ поселянъ умерщвляютъ; никогда не приближаются къ пикетамъ и кордонамъ; боясь погони и, повсюду, бѣгутъ челоуѣка, имѣющаго въ рукахъ ружье. Не должно по нихъ однакожъ спрѣляшь; въ такомъ случаѣ ни одинъ изъ нихъ не подѣдешъ даже на дальній выстрѣлъ. Избѣжашъ встрѣчи съ ними есть вѣрнѣйшій и извѣстный способъ шопъ, чтобы не ѣздить ночью и до захожденія солнечнаго останавливаться на ночлегъ. Впрочемъ по большимъ дорогамъ вездѣ устроены пикеты и опасности отъ горцевъ здѣсь не бывають.

(*) Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Область, по чиновниковъ взято Черкесами въ плѣнъ не болѣе, кажется, двухъ, и то по величайшей ихъ неосторожности. Сог.

Находясь въ отдаленіи отъ шаковыхъ набѣговъ, они, по рассказамъ робкихъ, малодушныхъ, иногда злонамѣренныхъ людей, представляются очень спрашными; но здѣсь на нихъ едва ли обращаютъ вниманіе, и торговые жители сего края признаются, что для нихъ опаснѣе проѣзжать нѣкоторыя дороги въ Россіи, нежели въ сихъ мѣстахъ. Поселяне обрабатываютъ поля, переважаютъ отъ одного селенія или хутора къ другому и даже занимающія охотою также спокойно, какъ и въ Россіи. Увѣряю, что одни только неосновательные рассказы представляютъ сіи набѣги спрашными. Ежели въ семь увѣреніи можемъ кто усомниться, то пусть предположитъ еще себѣ, что каждый его шагъ въ Кавказской Области охраняемъ войсками и распоряженіемъ Начальства; что при малѣйшемъ появленіи хищниковъ шопчасъ дается знашь по всѣмъ селеніямъ и хуторамъ, и что если бы когда-нибудь случилась съ нимъ непріятная встрѣча, то не иначе, какъ по величайшей его собственной неосторожности и явному пренебреженіи благоразумныхъ совѣтовъ.

Впрочемъ, какъ ни робки сіи горскіе народы предъ ружьемъ и пушкою, но въ бою съ конницею они рѣшительны, предприимчивы, опчаяны; съ неимовѣрною быспрою нападаютъ на ряды, и едва ли что можешь усояшь противъ нихъ!

Черкесь росшу средняго, въ плечахъ широкъ; шалья узкая, красивая; лицо смуглое; носъ правильный, продолговатый; ротъ небольшой; черная круглая борода и изъ-подъ губныхъ, также черныхъ бровей сверкають быспрые пламенные глаза; взглядъ почти всегда звѣрскій; въ походкѣ и шлодвиженіяхъ величе-

спвенъ ; въ разказахъ скромень , умень ; когда говоришь , невольно слушаешь и убѣждаешься его доводами ; пылкій духомъ , онъ неперпѣливъ въ дѣлахъ своихъ ; малѣйшее обспояшельство , близкое сердцу , выводипь его изъ себя и въ сіе время пламя печеть въ его крови. Хопите ли видѣшь сего чловѣка въ сраженіи ? — Подспрекаемый мщеніемъ и увѣренный въ побѣдѣ , онъ лешипь на быспромъ конѣ къ непріямелю , преть рука объ руку , скрежещеть зубами , выхвашываетъ ружье изъ нагалища ; мѣпкая пуля свищеть въ воздухѣ , и въ по же мгновеніе шашка уже блещеть въ его рукахъ. Онъ какъ молнія обращаетъ въ рядахъ непріямельскихъ , и одна смерпь полагаеть предѣль его убійспву. Въ бѣгспвѣ своемъ онъ шакже опчаянъ. Закинувъ на глаза лошади свою бурку , спремглавъ бросаеть съ спрашной крущизны берега въ пучину рѣки ; вѣрная смерпь и поспыднѣй плѣнъ въ глазахъ его равны.

И. Гайворонскій.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

К ъ д у ш ѣ .

Il ne faut rien chercher au dehors; tout est dans l'âme.

Анопте.

О спранница дольнаго , скорбнаго міра ,
 Душа ! твоей быспрый порывъ и полеть
 Влекуть насъ въ горнюю область зѣира ,
 Гдѣ перемѣны , гдѣ горестей нѣшь ,
 Гдѣ крошкая вѣчностъ свѣшь изливаетъ.

*

Тамъ плѣнія сыновъ ,
 Тамъ смерпныхъ ожидаеть
 Любви божественной безсмертная любовь.

*

Почшо-жь съ суешою
 Сдружилась ты здѣсь,
 И спала иною,
 Дщерь горнихъ небесъ? . . .
 Земныя оковы,
 Какъ тягостный плѣнь мрачный и суровый,
 Отъ тебя скрываютъ блескъ начальный твой;
 Разставшись съ отчизной, спада сиротой.
 Не стѣлуй! не долго ты плѣнницею будешь;
 Любовью искупишь свободу свою. . . .
 Небесная! въ небѣ скорби позабудешь,
 И Небо украситъ жизнь снова твою.

Мечтатель.

Къ Мечтателю.

Мечпашель любезный! мечтами своими
 Мечпашь заставляешь ты *Грацій* моихъ!
 По волѣ всевластной, умами живыми,
 И пламеннымъ сердцемъ, и чувствами ихъ,
 Какъ рѣзвый сынъ Мая, Зефиръ легкокрылый,
 Играешь, и шѣшишь вновь каждой мечтой! . . .
 Ахъ! кто бы съ тобою, Мечпашель, *всѣмъ милый!*
 Кто-бъ не обмѣнялся своею судьбой? . . .
 Но я безкорыстно дарю тебя новой
 Предестной мечтою въ нескромныхъ стихахъ. . . .
 Нѣтъ! не безкорыстно: листочки лавровой
 И мнѣ зеленѣеть у тебя въ *мечтахъ!*

Издатель.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

*Письма В. И. Козлова къ К. П. И.
 Шаликову.*

(Продолженіе.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 15ГО ФЕВРАЛЯ, 1822.

Примите искреннюю, душевную благодар-
 ность мою, любезнѣйшій Князь Пётръ Ивано-
 вичъ! за оба пріятныя письма ваши и за пре-
 дестный подарокъ. На сихъ дняхъ посѣщу воз-

всплнпшь объ оношь чнпашелей нашего изданія и — исполню сей долгъ сердца и обязанности съ живѣйшнмъ удовольствіемъ. Спеченіе приказовъ и другихъ оффиціальныхъ спашей задержаю нѣсколькo — спашн лншпературныя, отчасти давно уже пригошовленныя. На будущей недѣлѣ очнспнпсь мнѣ поле обшнрнѣйшее и — л не замедлю снмъ воспользоваться.

Что сказашь вамъ о себѣ? Я доволенъ и — недоволенъ своею участвію: *доволенъ*, опнсноспельно къ улнчшенію фннансовъ и прочнхъ удобносней жнзнн; *недоволенъ*, опъ *пустоты сердца*, еженебно болѣе для меня оцущнспельной. Снмѣнспсь, еслн угодно; но *возмужалый* вашъ *юноша* едване плачешь. Онъ

Увнль душей безъ наслажденья;
Остался сердцемъ однокъ. . . .

Еслн бы я былъ *честолубивъ*, то конечно нашель бы себѣ упѣшнспельное заннпнє. Но природа дала мнѣ однѣ толькo спхія склонноспн. . . . *Дѣятельность!* скажете вы. А развѣ я не дѣятеленъ? Развѣ не снжу по цѣлому упру — à la lettre — за перомъ и между кннгамн? Но что опъ эшаго? Ннчьн улыбка не ободряешь меня! Повспоряю: снмѣнспсь, еслн вамъ угодно!

Разсѣннє! О, н въ эшомъ нѣпѣ недоспашка. Съ 3хъ часовъ по полуднн, до самой полуночн — нногда н до разсвѣта — спараюсь себя разсѣннть н, по большой части, успѣваю. Но — возвращаясь къ своимъ 4мъ спѣнамъ, чувствую снова пущошу душевную. — Снмѣнспсь, еслн вамъ угодно!

Сказашь лн вамъ, что меня нногда упѣшншаеть? Моя бнблнотека, которую пріумножаю еженебно. Я радуюсь какъ ребенокъ, когда ее расмапрнваю; прыгаю опъ воспорга, ксгда прибавляю къ ней 5 нлн 6 новыхъ помовъ. Всякое упро, когда пью кофе, глаза мои успремля-

юся на книги, и я всякой разъ благодарю Провидѣніе, даровавшее мнѣ способы снова бесѣдоватьъ съ лучшими, неизмѣнными моими друзьями. Вообразите, что со времени возобновленія *Инвалида* прибавилъ я къ своей библіотекѣ до 400 томовъ — кои, всѣ безъ исключенія — классическіе; и понынѣ прибавляю ежедневно. Вчера промѣнялъ я нѣсколько экземпляровъ *Прибавленій* (п. е. прошлгодныхъ) на *Проперціевы Элегіи* (пер. *Делоншана*) съ Лашинскимъ подлинникомъ; на прекрасное изданіе *Теренція*, съ переводомъ *Лемуанье*, и на *Живописное путешествіе въ Италію*, съ Шведскимъ текстомъ и раскрашенными карпинками. Нѣкоторые люди бранящъ меня за эту библіоманію; но она меня ушѣшаетъ, и эшаго довольно.

Между прочими приобрѣшеніями находящся у меня и оба *Путешествія въ Малороссію*, копорыя пославилъ я на одной полочкѣ съ *Дюпати*, *Шанталемъ*, *Мейеромъ* и *Гуассомъ* (pouv. voyage en Suisse); пакже и по сосѣдству *Йорика* и *Леди Монтегю*, копорые у меня — въ оригиналь (*).

Чувствую, что письмо мое очень нескладно; я не доволенъ сегодняшнимъ упромъ и утомился занятіями по *Инвалиду*. — Не пришлете ли намъ чегонибудь для *Прибавленій*? Насъ упрекають, что въ прозѣ у насъ одни переводы; но гдѣ взять оригинальныхъ піесъ? — Нѣтъ ли у васъ чегонибудь *литтературнаго*, въ прозѣ или — въ стихахъ? То и другое будетъ намъ пріятно.

Pardonnez mon griffonnage: въ другой разъ напишу поскладнѣе. Tout à Vous

Базиль.

(*) Скажу опять: дружба льстива — безъ лести. Изд.

ИЗВѢСТІЯ.

С. С. Де-Шаплетъ, извѣстный переводчикъ сочиненій Жуи и многихъ другихъ книгъ, отличающихся совершенною близостию къ подлиннику при красопахъ слога, недавно перевелъ съ Англійскаго языка новый историческій романъ Сира Валперъ - Скопша подъ заглавіемъ: *Карлъ Смѣлый, или Анна Гейерштейнская, Дѣва Мрака*, въ пяти часяхъ, съ поршрешомъ Автора. Сей поршрешъ рисованъ съ напуры въ прошедшемъ годѣ А. Брюловымъ и гравируется извѣстнымъ нашимъ Художникомъ, г-мъ Галактионовымъ. Въ Москвѣ сію книгу можно получать отъ Его Высокоблаг. *Михайлы Николаевича Макарова*, кварширующаго на Поварской въ домѣ наследниковъ Графа Толскаго, въ приходѣ церкви Бориса и Глѣба. Подписная цѣна за всѣ 5 часпей 15, а съ пересылкою 18 рублей. Тупъ же можно имѣть и другіе переводы г-на Де-Шаплетъ изъ сочиненій Жуи, а именно: *Гвіанскій Пустынникъ*, въ 3 часяхъ; *Гильйомъ, или Чистосердечный*, въ 2 часп.; *Добродушный*, и проч., печатанные на лучшей бумагѣ, съ прекрасными гравюрами, и всѣ за цѣну, гораздо сходнѣйшую прошивъ цѣну у книгопродавцевъ. — Другой романъ Валперъ - Скопша: *Вудстокъ, или Всадники* (также переводъ Г-на Де-Шаплетъ) остается у Г-на Макарова уже въ немногихъ экземплярахъ. Г-да книгопродавцы, желающіе имѣть сіи книги по нѣскольку экземпляровъ, могутъ извѣщать его объ условіяхъ ежедневно поушру до 9 часовъ и отъ 2 до 6 часовъ по полудни.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Въ десяти платьяхъ девять конечно изъ органди или бѣлой кисей, съ которыми носятъ газовые эшарпы вишневые или розовые, и поясъ, пропканный (broché) такими же цвѣтами.

— Много также платьевъ тюлевыхъ, съ шитьемъ (au plumetis) надъ рубцомъ (ourlet) и вокругъ корсажа, и съ большими букетами, равномерно вышитыми на рукавахъ.

— Нѣкоторыя тюлевая пелерины обшиваются столь широкими кружевами, что они съ плечъ ниспадають до самыхъ локтей.

— Множество шалей изъ Китайскаго вышитаго крепа. Большой эшарпъ изъ алаго Китайскаго крепа, вышитый золотомъ на Индѣйскій манеръ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ туалетныхъ вещей, какія только замѣчены нами.

— Нынѣ очень мало видно перьевъ на шляпкахъ.

— Въ упреннихъ прогулкахъ многія молодыя дамы носятъ шляпки - капоты изъ бѣлаго крепа съ круглою тульею, чрезъ которую идетъ одна только газовая лента, голубая или розовая, проходитъ крестъ - на - крестъ подъ подбородкомъ и завязывается на поляхъ бантомъ съ длинными концами.

— На шляпки изъ Итальянской соломы накалывающся букеты *бульденежа*, ниспадающіе кистями.

И з ъ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ №.

Л о н ш а н с к і я м о д ы .

Шляпка изъ пильдери. Платье гроденаплевое (gros de Naples prisme).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ, чтобы по ошпечаніи, предшавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Мая 17го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

1850.

Парижская Мода.

№ 22.

Данский Купон.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

Оеодосій Великій и Святый Америкій.

Оеодосій Великій представляеть собою два важные примѣра: ужасной крайности, до которой доводишь гнѣвъ самыхъ лучшихъ Государей, когда они внимающъ совѣшамъ однихъ льстецовъ, и великодушнаго раскаянiя, какое только можешь бышь возбуждено въ душѣ спасительною ревностію по благочестію. Эссалоника содѣлалась многочислѣннѣйшимъ городомъ въ Иллирии. Своеволіе возраспало шамъ вмѣстѣ съ богатствомъ и числомъ жителей. Народъ столько приспраспился къ зрѣлищамъ, что готовъ былъ всѣмъ жертвовашъ для сего удовольствiя. Бошерикъ начальствоваль надъ войсками въ Иллирии. Его Виночерпій жаловался ему на тяжкую обиду, которую претерпѣль

опъ возницы, опличившагося на ристалищѣ. Боперикъ велѣлъ заключить виновнаго въ пещицу. Уже приближался день, назначенный для ристалища. Народъ, почитавшій сего возницу необходимымъ для своихъ удовольствій, пребо- валь, чшобъ освободили его; но получивъ отказъ, взбунтовался. Мятежь распростирился по все- му городу: многіе чиновники преданы были смерти, а Боперикъ побилъ камнями.

Вѣсть о семъ злодѣйствѣ возбудила сильный гнѣвъ въ Θεодосіѣ; онъ хотѣлъ предать огню и мечу весь городъ; но Амвросій и Епископы Галь- скіе, составлявшіе Синодъ въ Миланъ, успѣли укротить его мщеніе: Θεодосій далъ обѣщаніе поступить согласно съ правилами правосудія, смягченнаго милосердіемъ; но царедворцы, а особливо Руфинъ, скоро изгладили въ немъ сіе доброе расположеніе.

Руфинъ, любимецъ щастія, посредствомъ хитростей, искусно прикрытыхъ личиною до- бродѣтелей, умѣлъ вкрасѣся въ довѣренность Императора, и занималъ уже первое мѣсто въ совѣтѣ. Подкрѣпляемый сообщниками, онъ вну- шилъ Θεодосію, что необходимо нужно показать примѣръ строгости, дабы навсегда пресѣчь воз- мущенія, и власть Государя подкрѣпить си- лою оружія. Не шрудно было воспламенить гнѣвъ, не совсѣмъ еще попухшій: опредѣлено безъ всякой пощады наказать житеелей Фессало- ники. Θεодосій настоятельно требовалъ, чшо- бы рѣшеніе совѣта ошало въ неизвѣстности для Святаго Амвросія, и отдавъ приказанія, выѣхалъ изъ Милана, чшобъ уклониться отъ новыхъ просьбъ, если бы пайна сдѣлалась из- вѣстною. Военачальники, на коихъ было возло- жено исполненіе столь жестокаго опредѣленія,

по полученіи письма отъ Государя, возвѣстивъ, что въ слѣдующій день будетъ открытъ циркъ для ристанія на колесницахъ, и всю ночь провели въ пригоповленіяхъ къ совершенію своего злоумышленія.

Народъ, не предполагая нималѣйшей опасности со стороны воиновъ, въ назначенный день толпами спекался на зрѣлище. Поданъ знакъ — и воины, окруживъ ристалище, съ ужаснымъ крикомъ и яростію бросились на зрители. Собразуясь съ повелѣніемъ предавать мечу всѣхъ, не разбирая ни возраста, ни пола, они поражали и убивали младенцевъ на рукахъ матерей.

Живели, заключенные въ обширной оградѣ, мертвые, умирающіе отъ ранъ, живые, набросанные одни на другихъ, вскорѣ составили ужасную громаду; а предашіеся бѣгству, бывъ настигнушы, находили смерть свою среди городскихъ улицъ. Фессалоника уподобилась полю, усѣянному трупами. И чужезпранцы, и мирные граждане, не принимавшіе нималѣйшаго участія въ мятежѣ — всѣ содѣлались жертвами неистоваго мщенія.

Соспращательность едва ли когда столь сильно дѣйствовала, какъ во время сего ужаснаго событія, при коемъ порожествовала одна звѣрская люшость. Одинъ невольникъ, видя своего господина схваченнаго воинами, вырвалъ его изъ ихъ рукъ, и чшобы дать ему время скрыться, пожертвовалъ собою и умеръ подъ остріемъ мечей. Купецъ, недавно прибывшій въ городъ, желая сохранить жизнь двумъ своимъ сыновьямъ, коимъ угрожала неминуемая опасность, бросился къ ногамъ варваровъ, умолялъ ихъ, чшобы вмѣсто сыновей умерзили его самого,

и предлагалъ за шо все золото и серебро, какое только у него было. Воины, по звѣрскому схожденію, дозволили ему выбрать одного изъ дѣшей. Несчастный отецъ, со слезами и вздохами смотря попеременно шо на того, шо на другого, не могъ рѣшиться на выборъ, раздравшій его сердце. За такую медленность звѣрская лютость поразила ихъ обоихъ.

Кровопролищіе продолжалось при часа; пятнадцать тысячъ человекъ погибло. Θεодосій спустя нѣсколько часовъ по опбыщій войска, почувствовалъ раскаяніе и поспѣшилъ опправить гонцевъ, чшобъ остановить кровопролищіе; но посланные прибыли слишкомъ поздно. Къ несчастію, почти всегда случается, чшо чѣмъ неосластѣ съ правосудіемъ опредѣленіе и чѣмъ болѣе пребуетъ оно медленнаго размышленія, прежде нежели совершится, тѣмъ быстрѣе лепшится и поспѣшнѣе исполняется. Сіе ужасное кровопролищіе поразило всю Имперію изумленіемъ и ужасомъ.

Амвросій и Епископы, собравшись съ Миланъ, были погружены въ глубокую горестъ. Свяшій Пасхыръ, огорченный жестокостію Θεодосія, котораго нѣжно любилъ, и несчастіемъ, постигшимъ жителей Θεσσαλονики, немедленно опправилъ посланіе къ Государю, чшобы привести его въ раскаяніе. „Я не дерзну приносить Свяшую жершву,“ писалъ онъ „если ты, Государь, будешь имѣть смѣлость всшуйшъ во храмъ Божій. Непозволишельно совершаешь священнослуженіе предъ убійцею и одного невиннаго; какъ же могу священнодѣйствовать въ присущствіи Государя, погубившаго шолкое множество жершвъ неповинныхъ? Чшобъ удостоиться Божественной шрапезы, шерпѣливо

ожидай того времени, когда будешь въ состоян-
нїи принести очистительную жертву предъ
Богомъ; а до тѣхъ поръ довольствуйся прино-
шеніемъ горькихъ слезъ и теплыхъ моленій.“

Еще съ бѣльшею суровостію укоряла Θεодо-
сія совѣсь, Врожденное добродушіе разсѣявъ
черный шуманъ гнѣва, представило ему Θεсса-
лонику, погруженную въ опчаяніе. Съ ужасомъ
взираль онъ на самого себя; перзаемый угрызе-
ніями, возвратился въ Миланъ и для заглажде-
нія своего преслуцленія пошелъ прямо ко храму.
Амвросій выходилъ на встрѣчу и подобно
грозному Ангелу, воспрещавшему входъ въ садъ
Едемскій падшему прародителю, не допускаеть
его вступитъ во свящилище. — „Остановись,
Государь!“ сказалъ онъ ему: „ты не чувствуешь
всей тяжесть грѣха своего; хотя охладѣло уже
кипѣніе твоего гнѣва, но власть и достоинство
твоего сана помрачаютъ твой разсудокъ и пре-
пятствуютъ видѣть, въ какое впалъ ты прегрѣ-
шеніе. Войди въ самого себя, и вспомни, что
ты вышелъ изъ праха и въ него же ежемину-
но готовъ обратиться. Блескъ багряницы да
не ослѣпляетъ тебя до такой степени, чтобы
подъ нею могли укрываться твой слабости и
заблужденія. Ты владыка Государства, но смер-
тенъ и подверженъ плѣнію; имѣешь подъ вла-
стію своею людей одной природы съ тобою,
служащихъ единому Господу, Творцу воеленна,
Царю Царей и ихъ подданныхъ. Какими же оча-
ми возришь на храмъ Его? Осмѣлишься ли
вступить въ Его свящилище? Твои руки ды-
мятся еще невинною кровію. Дерзнешь ли при-
нять здѣсь тѣло Спасителя? Прикоснешься ли
къ Священной чашѣ устами, произнесшими при-
говоръ неправедный и жестокой? Удались, Госу-

дарь! не присоединяй свяшопашспва къ челоуько-убійству; прїими спасительное иго покаянїя, которое устами моими возлагаешь на себя Судїа верховный. Если съ благодушїемъ и покорностїю перенесешь сіе бремя, то обрѣтешь въ немъ врачевство опть ранъ своихъ, глубочайшихъ, нежели пть язвы, коими поражены жипели Фес-салоники.“

Императоръ хотѣлъ извинить свой просупокъ примѣромъ Давида. „Ты подражалъ ему во грѣхъ,“ примолвилъ Амвросїй „подражай же и въ раскаянїи.“ Феодосїй принялъ сіе осужденїе какъ приговоръ, произнесенный самимъ Богомъ; имѣя возвышенную душу, не спыдился уничтоженїя, коему подвергался предъ лицомъ народа; и чувспвуя шолько посрамленїе, пресупудненїемъ на себя навлеченное, съ горькими слезами возвратился въ свои чершогы. Въ продолженїе осьми мѣсяцовъ онъ не выходилъ опшуда. Спасительная скорбь, происпекающая опть сокрушеннаго сердца, во всей силѣ чувспвующаго грѣхъ свой, не оставляла его ни на минушу. Согласно съ уставовленїемъ Церкви, кающїеся получали разрѣшенїе опть грѣховъ своихъ предъ праздникомъ Пасхи; и убійство очищалось опшущенїемъ не прежде; какъ по долговременномъ покаянїи. Предъ праздникомъ Рождества Хрїсшова Феодосїй почувспвовалъ усугубленїе своей горести. Руфинъ, менѣе огорченный, хопя былъ главнымъ виновникомъ всей скорби, поразившей Феодосїя, вознамѣрился подать ему ушѣшенїе. „Почшо, о Государь! предаешься споль великому сокрушенїю?“ вопросилъ онъ его. Не уже ли пы не чувспвуешь пляжести моего нещаспїя? — съ глубокимъ вздохомъ и слезами опвѣчалъ ему Императоръ — не могу удержашься опть рыданїя при

одной мысли, что храм Божій отверстъ для послѣдняго изъ моихъ подданныхъ: ибо каждый изъ нихъ безбоязненно входитъ во святилище и шамъ возсылаеть молишвы къ общему Опцу земнородныхъ; а для меня возбраненъ сей входъ, для меня заключено и самое небо! Подобно грому поражающъ слухъ мой сіи Божественныя слова: „*Блика аще свяжете на земли, будѣтъ связана на небеси.*“

„Государь!“ отвѣчалъ Руфинъ: „дозволь мнѣ поговорить съ Епископомъ; пощусь умолишь его о снятіи съ себя оковъ духовнаго запрещенія.“ Онъ не согласился — сказалъ Императоръ — я знаю Амвросія и чувствую всю правоту суда его. Никогда не нарушишь онъ Божественнаго закона изъ уваженія къ Царскому величію. — Наконецъ, убѣжденный Руфиномъ, общавшимъ преклонить на милость Амвросія, Императоръ дозволилъ ему покушиться на то, и льстясь нѣкопорою надеждою, издали пошелъ за нимъ. Амвросій, увидѣвъ царедворца, сказалъ: „Въ какое впалъ ты безуміе, Руфинъ! Не швой ли гибельный совѣтъ былъ причиною кровопролитія и гибели, постигшихъ Фессалонику? И ты опъ сныда не краснѣешь, опъ страха не содрогаешься, и даже дерзаешь приснупать ко святилищу Всевышняго послѣ того, какъ звѣрскою жестокостію перзалъ ты живыя Его изображенія!“ Руфинъ повергшись къ ногамъ Амвросія, умолялъ, чтобъ онъ снисходительно принялъ Императора, который обѣщался быть вслѣдъ за нимъ. Амвросій, воспламенясь ревностію, отвѣчалъ: „Да будетъ тебѣ извѣстно, Руфинъ, что я не допущу его войти во храмъ Божій; если же онъ слѣдую внушенію жестоко-

сти, будешь упорствовать, но пусть умертвишь и меня: съ радосію приму смерть отъ руки его!“ Руфинъ поспѣшилъ извѣстить Ѳеодосіа, что не могъ преклонить неумолимаго Епископа, и совѣдовалъ ему возвратиться. „Нѣтъ!“ сказалъ Императоръ: „я рѣшился подвергнуться посрамленію, которое слишкомъ заслуживаю.“

Амвросій былъ тогда во храминѣ, гдѣ обыкновенно принималъ всѣхъ, имѣвшихъ до него нужду. Сія храмина была подлѣ самой церкви. Увидя Ѳеодосіа, онъ подошелъ къ нему и укоризненнымъ голосомъ сказалъ: „Не уже ли ты, Государь, дерзнешь сопротивляться самому Богу и упорнымъ пребываніемъ, чтобы уволить себя отъ покаянія, нарушаешь послановленія святой церкви?“ Нѣтъ! — отвѣчалъ Ѳеодосій — я пришелъ сюда умолять, чтобы ты послѣдовалъ примѣру всеблагаго Бога, Коему мы служимъ — Бога, отвергающаго двери милосердія кающимся грѣшникамъ. —

„Какое же покаяніе принесъ ты за великое свое присупленіе?“ — спросилъ Епископъ.

Тебѣ предоставлено — сказалъ Ѳеодосій — приложишь врачевство къ моимъ ранамъ, а мое дѣло принялъ и терпѣливо перенесши оно. — Амвросій, пронувшись смиренною покорностію Ѳеодосіа, сказалъ: „Поелику ты, Государь, въ дѣлѣ, касавшемся до жителей Ѳессалоники, внималъ одному внушенію своего гнѣва, но съ сего времени долженъ навсегда обуздать сію спрасъ, и сверхъ того утвердишь закономъ: осужденіе на смерть и опьяніе имущества совершать не прежде, какъ по прошествіи прид-

цати дней послѣ судебнаго рѣшенія, чптобы дать время разсудку обешояшельнѣе все изслѣдовать и смягчить опредѣленіе, если въ немъ будущь видны слѣды легкомыслія или приспрастія.“
 Θεодосій принялъ сей совѣтъ и немедленно повелѣлъ внести въ законъ мнѣніе, Епископомъ предложенное. Вокорѣ послѣ сего Свяшый Амвросій дозволилъ ему вспунить въ церковь. Императоръ, повергшись на землю, орошалъ ее слезами, и ударяя себя въ грудь, громогласно произнесъ слѣдующія слова Пророка Давида: *Приле земли душа моя: живи мя, Господи, по словеси Твоему.*

Народъ съ его молишвами и слезами соединилъ свои слезныя моленія, и смиреніе Государя, коего жестокій гнѣвъ привелъ въ ужасъ всю Имперію, возбудило во всѣхъ чувспвованіе состраданія и горести. Амвросій назначилъ срокъ для его покаянія. Императоръ со всею точностію исполнилъ сію обязанность, и во все эшо время не носилъ уже царскихъ украшеній.

Такимъ образомъ Амвросій умѣлъ загладишь грѣхъ Θεодосія: примѣръ навсегда достопамятный и единспвенный въ лѣпописяхъ всѣхъ вѣковъ — примѣръ, который могъ послѣдовать только онъ щаспливаго спеченія общочательспвъ! Чптобы послужилъ онъ въ поученіе всему міру, нужно было вспрѣшпиться Пастырю и Государю равно необыкновеннымъ; надлежало, чптобы первый былъ достоинъ изображать величіе Божества высокою свяспстію своей жизни, превосходспвомъ ума, просвѣщенной непоколебимоспію духа, силою непобѣдимаго краснорѣчія

и твердостью своего характера; надлежало, чтобы и Государь был истинно набожный и благочестивый, кропкий и покорный въ самомъ величїи, но столь возвышенный душевными достоинствами, что могъ смириться безъ униженїя.

Переводъ Любови Лихачевой (*).

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

З а в т р а .

Le lendemain est abandonné à la garde de Dieu.

Paixhans.

Отецъ, семьей обремененный,
 Пришелъ къ любимцу щастья въ домъ;
 Иль лучше, въ храмъ раззолоченный,
 Гдѣ былъ всѣхъ приходей содомъ.
 Бьетъ часъ; все въ домѣ суешился!
 Пирь будетъ: всюду полъ лощится;
 Проворныхъ слугъ толпится рой,
 Народъ ошважный, молодой.
 Бѣднякъ къ стѣнѣ смиренно жметъ;
 И вопъ — вопъ вихремъ вдаругъ несетъ
 Любимецъ щастья изъ дверей
 Къ каретѣ щегольской своей.
 Еще прыжокъ; онъ вышелъ въ стѣни.
 Бѣднякъ предъ нимъ палъ на колѣни.
 „Я гибну съ горестной семьей! . . .“
 Онъ скорбно, слезно восклицаетъ.
 А сынъ, сынъ щастья отвѣчаетъ:

(*) Подобный переводъ принесъ бы честь и самому опытному переводчику - автору. *Изд.*

„Я пороплюсь теперь, спѣшу ;
 „А завтра милости прошу.“

Увы ! побрелъ бѣднякъ съ сумою.
 Хозяинъ вскорѣ прилешѣль —
 И пышный пиръ пошелъ горою ;
 Соборъ гостей шушилъ , шумѣль ;
 Шипящее кипѣло море
 Ліющихъ радость въ сердца винъ . . . .
 Но здѣсь гдѣ радость , шамъ и горе.
 Едва воскликнулъ щасья сынъ :
 „Друзья ! день эшотъ , день веселья ! . . . .“
 Не кончилъ словъ , на спуль упаль ,
 И страшной жертвой гроба спаль .
 Весь домъ наполнился смущенья ;
 Опъ мертвеца соборъ живыхъ
 Лешиль въ каресахъ щегольскихъ .

Сынъ щасья , въ саванъ облеченный ,
 Безмолвно на сполъ лежишь !
 И домъ , недавно оживленный ,
 Могилы представляешь видъ .

Проходишь ночь ; вновь день мелькаешь .
 Бѣднякъ пушь къ дому направляешь :
 Надгробныхъ видишь блескъ свѣчей ,
 Въ одеждахъ черныхъ зришь людей ;
 Взглянулъ на небо , прослезился ,
 И за щасливца помолился .

Щасливцы ! вошь урокъ для васъ !
 У Бога *завтра* , — не у насъ .

Метатель.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письма В. И. Козлова къ Князю П. И. Шаликову.

(Продолженіе.)

С. - ПЕТЕРБУРГЪ , 29го Іюля , 1822.

Какъ вы обрадовали, какъ вы опечалили меня письмомъ своимъ , любезнѣйшій Князь Пётръ Ивановичъ ! *Обрадовали* пошому , что я такъ долго былъ лишень удовольствія съ вами бесѣдовать , и начиналъ уже думать , что вы меня совсѣмъ разлюбили . Мнѣ пріятно было увѣришься въ противномъ ; хотя въ душѣ моей никогда я не чувствовалъ себя виноватымъ предъ вами . — *Опечалили* пошому , что сообщили мнѣ горестныя новости : свою потерю и смерть почтеннаго человека , котораго я любилъ искренно ! . . . Не смѣю ничею сказать въ утѣшеніе ваше : общій пріятель нашъ *Иванцинъ - Писаревъ* изложилъ уже прекрасными стихами все , что можете *нѣкоторымъ образомъ* послужить если не въ утѣшеніе , то по крайней мѣрѣ въ ободреніе при горестныхъ потеряхъ . . . Судьбы Всевышняго неисповѣдимы : въ швореніи есть общіе , непремѣнные законы , коихъ слабый разумъ человѣческой постигнуть и располковать не можете . Тамъ только находяшся *вѣчныя , непреложныя правила безъ исключенія* , непонятныя для насъ , слабыхъ швореній ; безпрестанно волнуемыхъ спрашьями и заблужденіями !

Потрудитесь напомнить обо мнѣ *Элизѣ Дранеръ* , которую никогда не забываю , и увѣришь ее въ живомъ , искреннемъ участіи , приемлемомъ мною въ ея семейной потерѣ .

Я очень жалѣю, что получилъ списки ваши уже въ Юнѣ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы выдавали двойные Но, гдѣ они давно были бы напечатаны. Теперь издаемъ *Прибавленія*, только однажды въ недѣлю. Спиховъ у насъ очень много, и при помѣщеніи мы завели нѣкоторый родъ очереди. Пошому - то Басня ваша и Надпись къ поршрешу *Князя Вяземскаго* напечатаны, если не ошибаюсь, въ 3 Но Прибавленій, а *Элегія* и списки *Писарева* въ 6 Но (который и прилагаю). Прошу не оставяль насъ и впредь своими присылками, въ спихахъ или въ прозѣ. *Прибавленія*, какъ вы видите, посвящены *Словесности изящной*, и я могу почти назваться полномочнымъ редакторомъ оныхъ. — *В. А. Жуковский* подарилъ намъ для 7 Но новую балладу, подъ названіемъ: *Ивановъ вечеръ*.

Палингенезія новаго *Инвалида*, равно какъ и его временное прекращеніе, обратились въ мою пользу и утвердили меня въ старинномъ Оптимизмѣ: вмѣсто 2500 руб., кои получилъ я при Г-нѣ *Пеззаровіусѣ*, приходится мнѣ получать за сей годъ 3250 руб.; а при каждомъ умноженіи 500 пренумерантовъ обѣщано еще по 500 руб. прибавки. Нынѣ считаешься свыше 1300 пренумерантовъ. — Сверхъ того, при уничтоженіи старой редакціи, я получилъ въ единовременную награду 2250 руб., за что въ особеннсти обязанъ почтеннѣйшей женщинѣ, которую вы знаете: *К. М. Кожиной*. Везъ всякой съ моей стороны просьбы ходатайствовала она за меня предъ членами Комитета и въ особеннсти убѣдила добраго Графа *Орлова-Денисова* назначить мнѣ въ награду полное годовое жалованье,

разумѣтся, съ вычетомъ 10 процентовъ. — Получивъ сію сумму, заплашилъ я нѣкошорые долги, меня шягошившіе; распроспранилъ и украсилъ маленькое свое хозяйство; увеличилъ гардеробъ и библиошеку и прожилъ около 3 мѣсяцовъ въ совершенно безмяшежномъ спокойствіи! Но! — объ этомъ послѣ! Спѣшу въ шипографію для окончанія завпрешняго Нумера. — Я медлилъ ошвѣстомъ своимъ, чшобы вмѣспѣ увѣдомишь о прѣмѣщеніи спиховъ. Проспшите мою нескладицу: мнѣ цѣлое лѣшо очень грустно и я не могу ни говориль, ни писать порядочно. Поклонитесь ошъ меня всѣмъ, кшо меня любиль и помнитъ. Tous à Vous

Базиль.

Р. S. На будущей недѣлѣ напишу къ вамъ еще нѣсколько спрокъ; между шѣмъ увѣдомляю, чшо А. А. Волкова написала 15 басень. *Г-жа Бедряга* (бывшая дѣвица Извѣкова), кажешся, уже не пишешъ романовъ.

Сен - Моръ кланяешся вамъ усердно. — Не вспрѣшите ли гдѣ *Петра Петровича Новосильцова* и любезнѣйшую *Настасью Павловну*: поклонитесь имъ ошъ меня.

(Будетъ продолженіе.)

С М Ъ С Ъ.

Первое гулянье въ Дворцовомъ саду.

Наше *Лоншанское* гулянье — шо есть знаменитое гулянье 1го Мая, ушупило всѣ свои пріятности первому гулянью въ Дворцовомъ саду, 15го Мая; ибо шолько въ эшошъ день насшупила шеплая Майская погода. За шо какъ же и обрадо-

вались ей! Вѣрно не оставалось такой части города, изъ которой бы не пріѣхали; не пришли подышать благораспореннымъ воздухомъ среди зазеленѣвшихъ деревьевъ и распустившихся цвѣтущихъ сего достопочтеннаго сада, которому основаніе положилъ безсмертный Основатель всего пріятнаго и полезнаго въ нашемъ ошечествѣ — Пётръ Великій.

Безчисленное множество экипажей и народа наполнило всѣ улицы, ведущія къ саду, въ кошоромъ около 8 часовъ уже не гуляли, а передвигивались: шакъ было шѣсно, не взирая на необыкновенно длинную и широкую главную аллею! — Лучшее Московское ошечство и щегольскіе лѣшніе наряды дамъ, вмѣстѣ съ прекраснѣйшимъ вечеромъ, съ гремящею музыкою, придавали сему необьяшному разнохаркшерному собранію подъ опкрытымъ лазурнымъ небомъ особенную занимательность.

Но какъ все измѣняется! Прежде бывало купцы и купчихи, въ своемъ національномъ кошпюмѣ, плотно усаиваясь по обѣимъ споронамъ большой аллеи, и едва приподнимая глаза, смощряли неподвижно на проходящихъ господъ; а нынѣ разгуливають съ ними, одѣшы какъ они; исключеній мало, а главная разница состоишь въ томъ, что около 9 часовъ купечество уже возвращается къ своимъ пенашамъ и оставяешь по себѣ просторъ, за кошорый невольню благодарить въ шакомъ случаѣ.

Симъ желаннымъ просторомъ высшая публика пользовалась на эпошь разъ почти до 10 часовъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Плашья изъ полосатаго гроденапля (*à mille raies*) дѣлаются полувысокими (*demimontante*) и обшиваются во-кругъ блондовымъ рюшемъ, покрывающимъ грудь до самой шеи. Верхъ рубца (*ouflet*) означенъ вишкомъ (*torsade*) такою же цвѣта, какъ и полосы. Блондовымъ рюшемъ придерживается пышный рукавъ надъ локнемъ; такой же рюшь и подлѣ кисти на узкомъ рукавѣ.

— Самыя щегольскія плашья, называемыя *reignoirs*, изъ *Индійскаго* органди съ матовыми полосками на свѣтлыхъ; одни цвѣтныя, другія бѣлыя; но на сихъ послѣднихъ плашьяхъ узенькая цвѣтная същочка идетъ по обѣимъ сторонамъ матовой полоски, и спонкимъ снуркомъ (*ganse*) того же цвѣта означается верхъ рубца; рукава сихъ плашьевъ недолжны быть узкими (*collantes*).

— На соломенныя шляпки накалываются букеты горшензіи всякаго цвѣта, букеты гіацинтовые, также разноцвѣтныя, вѣшки песьяго языка (*synoglosse*) и мѣлкіе цвѣтки вѣтками (*en grappe*).

— Соломенный газъ (*gaze de paille*), о которомъ было упомянушо нами и который есть всякаго цвѣта, употребляется очень много на ненарядныя шляпки. Иногда подбиваютъ ихъ крепомъ. Онѣ убираются газовыми леншами, завязанными на боку полей.

— Блондовыми полувалями обшиваются края креповыхъ шляпокъ - капотовъ.

И з ъ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ N o .

Шляпка гроденаплеваая; плашье и спенсеръ изъ гродоріанъ (*gros d'Oriant*).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечаташи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Мая 26 го дня, 1830 г.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и
Кавалеръ Левъ Цвѣтасевъ.*

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

М о г у щ е с т в о м у з ы к и.

Два добрыхъ пріятеля, В*** и М***, по несчастію овдовѣли; у перваго оспался сынъ, а у другаго дочь, кошорыхъ они вознамѣрились соединить по совершеннолѣтїи узами супружества. Оба они жили во Флоренціи, часто видались, но дѣши не знали другъ друга; родители предположили не знакомить ихъ до пѣхъ лѣтъ, когда сердце бываетъ уже способно ощущать склонность; ибо опасались, что будучи вмѣстѣ съ ребячества, они не возчувствуютъ той взаимной любви, кошорая въ возрастѣ спрасней рождаешся обыкновенно при первомъ взглядѣ.

Ничего не щадили для воспитанія Франциска и Юліи. В***, большой любитель музыки, весьма радовался успѣхамъ сына своего въ семь восхишительномъ искусствѣ: Франциско въ 14 лѣтъ превосходно пѣлъ и игралъ на скрипкѣ; Юлія

не менѣе опличалась какъ пѣніемъ, такъ и игрою на фортепьяно. Однажды В*** пришелъ къ своему пріятелю. „Надобно намъ, любезный М***“ сказалъ онъ ему „сдѣлашь опышь. Франциско имѣеть пріятную наружность, спройный спанъ; однимъ словомъ, можешь произвестъ живѣйшее впечатлѣніе; дочь своя прекрасна. Чшо при первомъ взглядѣ они другъ другу понравятся, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, и чшо предугадывая наше намѣреніе, они еще болѣе одинъ другаго полюбятъ, эшо также вѣроятно; но мнѣ пришла мысль, можеть быть, спранная, однакожь, если ты ее одобришь, то удовлетворишь живѣйшему изъ моихъ желаній. Надобно познакомить дѣшей нашихъ такимъ образомъ, чшобъ они могли слышать, но не видать другъ друга. До сихъ поръ любовь вкрадывалась въ сердца посредствомъ взоровъ; проложимъ для нея иной путь, и чшобъ слухъ замѣнилъ мѣсто зрѣнія.“ М*** охотно на шо согласился. Назначили двѣ комнаты, сломали раздѣляющую ихъ стѣну, мѣсто которой заступилъ сплошной занавѣсъ, а чшобъ оградить его отъ покушеній любопытства, шо въ нѣкоторомъ разстояніи съ обѣихъ сторонъ сдѣланы рѣшетки. Съ сими предосторожностями нечего было опасаться. Прежде нежели ввели Франциско и Юлію въ опредѣленные для нихъ комнаты, имъ строго запретили разговаривать, даже угрожали родительскимъ гнѣвомъ, если они нарушатъ молчаніе; позволено было заниматься только музыкою и пѣніемъ.

Пусть вообразятъ себѣ восхищеніе Юліи, когда она услышала спройные звуки скрипки Францисковой, и романсъ, который послѣ того пропѣшь съ выраженіемъ самой живѣйшей

чувствительности. Юлія нѣсколько разъ покушалась спросить нѣжный голосъ, проникшій въ ея сердце; но вспомнивши спроеое запрещеніе родителей, сѣла за фортепьяно и произвела сладчайшій восторгъ въ душѣ Франциско; ему казалось, что онъ перенесенъ на небеса, и что слышитъ голосъ какого нибудь Ангела. Лишь только Юлія кончила, то Франциско изъясвилъ восхищеніе свое рукоплесканіями; потомъ снова взялъ скрипку, и на эпошъ разъ игралъ превосходнѣе прежняго. Молодые люди нашли сіи бесѣды столь усладительными, что совершенно отказались отъ общества. Франциско и Юлія были щасливы и довольны единственно въ музыкальныхъ своихъ кабинетахъ; даже самые балы и спектакли были для нихъ въ пятгосъ. И пакъ надежда В * * * исполнилась: Франциско спраспно влюбился въ Юлію, копорая пакже пишала къ нему взаимное чувство. Но спроеое запрещеніе родителей возбраняло имъ всякое словесное объясненіе; горя однакожъ желаніемъ опкрышь другъ другу спраспъ свою, они внезапно сдѣлались поэтами: начали сочинять самые нѣжные романы, и выражая ихъ помными звуками очаровательнаго голоса, воспѣвали пакимъ образомъ любовь и спраданіе. Сіи лирическія бесѣды продолжались до того возраста, когда уже можно было ихъ соединить. Тутъ каждому спали говорить о бракѣ; но они не хощли о помъ и слышать. Наконецъ, чтобъ испребить опвращеніе ихъ къ супружеству, свиданіе казалось необходимымъ. Франциско и Юлія были щедро одарены отъ природы всѣми наружными прелестями; при первой встрѣчѣ любовались другъ другомъ, но рѣшительно опвергли всякое предложеніе о взаимномъ соеди-

неніи. „Возможно ли,“ сказалъ В*** „чтобъ сердце въ подобномъ случаѣ могло быть безгласно! Спало; симпатія естъ не иное что, какъ пустое слово.“

Лишь только Франциско и Юлія могли освободиться отъ сего запруднишельнаго для нихъ свиданія; по послѣдню оправданы въ свои комнаты; тамъ, по обыкновенію, возобновили лирическія объясненія: сѣповали на жестокость родителей, нимало не подозрѣвая, чтобъ одинъ былъ предметомъ нѣжнѣйшей любви другаго, и клялись никогда не принадлежать другъ другу.

Прочія свиданія были столь же неудачны: влюбленные встрѣчались безъ малѣйшаго удовольствія. В*** удостовѣрясь, что они постоянно сохраняли чувства, возрожденныя въ нихъ музыкаю, приготовилъ рѣшительное испытаніе: занавѣсъ, раздѣлявшій комнаты, былъ успроенъ такимъ образомъ, что вминушу можно было его поднять. Франциску и Юлію приказано на этошъ разъ одѣться щеголеватѣе; родители объявили имъ, каждому порознь, что желаютъ послушать ихъ пѣнія, и что принесутъ съ собою новую музыку, копорою всѣ восхищались. И такъ В*** и М*** условясь между собою, пришли въ назначенный часъ въ музыкальныя комнаты своихъ дѣшей, разложили передъ ними ношы и велѣли начинать по данному знаку. Какое было удивленіе влюбленныхъ, когда они запѣли дуэшь, въ копоромъ клялись другъ другу въ вѣчной нѣжности! Воспоргъ и изумленіе почпи лишили ихъ голоса и въ скоромъ времени слышались только лишь вздохи. Въ сію-то минушу В*** приказалъ поднять занавѣсъ; пущъ Франциско и Юлія съ изу-

мленіемъ увидѣли другъ друга, хопѣли бросишь-ся въ объятія одинъ къ другому; но рѣшешки послужили шому преградою. Франциску не нужно было показывать дорогу; онъ въ нѣсколько прыжковъ очутился у ногъ Юліи. В*** и М*** съ радостію соединили дѣшей своихъ. Сіи послѣдніе шакъ приспраспились къ краснорѣчію музыки, что почти цѣлый день однимъ шолько пѣніемъ изъясняли взаимную нѣжностъ; даже говоряшь, что однажды легкое облако помрачило-было ясный горизонтъ ихъ супружескаго благо-денствія, и шогда они выражали горестъ свою однимъ шолько пѣніемъ.

Съ Франц. Н. Курманалева.

Л и з и н ъ п р у д ъ.

Каждый годъ при наступленіи весны я имѣю обыкновеніе посѣщать *Лизинъ прудъ* и нѣсколько часовъ проводить въ семъ уединенномъ мѣстѣ.

Юная весна едва воскресла; зеленѣющіе берега, осѣняемые молодыми березами, покоили шихія воды *пруда любви*. Я сѣлъ на берегу и плѣнялся окружающими меня предметами. Всѣ деревья, какъ извѣстно, исписаны и изрѣзаны чувшвительными посѣшителями. Я читалъ, шакъ сказашь, журналъ любви многихъ знакомцевъ и незнакомцевъ и не смѣлъ находить недосшашка въ шѣхъ чершахъ, гдѣ изливались душевныя чувшва. Слѣдуя примѣру другихъ, я вынулъ карандашъ и гошовился ввѣрить мысли свои коръ древесной, какъ вдругъ размышленіе мое было прервано приходомъ спараго инока изъ Симонова монастыря; я вступилъ въ разговоръ съ благочесшпивымъ спарцемъ, рассказалъ ему о цѣли моей

прогулки — и беседа наша оживилась. „Было время,“ говорил онъ „когда къ сему уединенному мѣсту, къ сему незамѣчательному пруду, съѣзжалась вся Москва. Не было дня, въ который бы не являлись сюда тысячи семействъ; всѣ уныло ходили около пруда, искали какой-то развалившейся хижины, спрашивали, гдѣ жила Лиза. — Прежде эшотъ прудъ носилъ другое названіе, и спалъ извѣстенъ подъ именемъ Лизина пруда съ того времени, какъ онъ прославленъ Н. М. Карамзинымъ. Кто не читалъ повѣсти о *Бѣдной Лизѣ!* . . .“ Долго бесѣдовалъ я съ почтеннымъ инокомъ и разговаривалъ о старинѣ; наконецъ онъ оставилъ меня. . .

Оспрадное воспоминаніе неволью пробудилось въ душѣ моей: я думалъ о незабвенномъ Н. М. Карамзинѣ, о Писателѣ знаменитомъ, заслужившемъ вѣнецъ безсмертія и соорудившемъ себѣ вѣчный храмъ въ сердцахъ благодарныхъ Россіянъ. Въ юности своей онъ любилъ окрестности Симонова монастыря, гдѣ безъ сомнѣнія предавался высокимъ идеямъ своимъ, отсюда взирая на великолѣпнѣйшую въ мірѣ громаду зданій, взиралъ уже мысленными очами на свое колоссальное швореніе.

Немного такихъ мѣстъ, которыя были бы ознаменованы печальными происшествіями и величіемъ духа. Левкадскій утесъ и Воклюзскій источникъ вѣроятно не обрали бы на себя вниманія цѣлаго свѣта, если бы не Сафо, не Пешарка: воспоминаніе объ нихъ одушевляетъ сіи предметы въ нашемъ воображеніи. . . .

Mais ces eaux, ce beau ciel, ce vallon enchanteur,
Moins que Pétrarque et Laure intéressent mon coeur.

Миръ праху швоему, знаменишый Мужъ!
Имя швое безсмертно! *Храмъ твой въ сердцахъ
благодарныхъ Россiянь!* . . .

Протяжный колоколь Симонова монастыря
принудилъ меня оставишь Лизинъ прудъ; съ серд-
цемъ, исполненнымъ умиленiя, пришелъ я въ
свяшую обишель, опспоялъ всенощную и воз-
вращилъ въ Москву, споль прелестную съ уны-
лыхъ береговъ Лизиной могилы!

С. С. . . . кий.

Мая 5 го 1830 года.

Мысли славныхъ женщинъ.

Женщина гораздо болъе удостовѣряется въ
любви шѣмъ, что угадываетъ, нежели шѣмъ,
что ей говорашъ.

(Письма Ниноны.)

Поэшы очень глупо вздумали дашь Амуру
свѣшильникъ, лукъ и колчанъ: могущество эшаго
божка заключаешся въ одной шолько повязкѣ на
глазахъ.

(Г-жа Дюдеффанъ.)

Невѣрность прощаюшь, но не забываютъ.

(Г-жа Лафазтъ.)

Мы лучше дользуемъ уваженiемъ, нежели
славою: одно ближе къ намъ; другая удаляеш-
ся отъ насъ.

(Г-жа Ламберъ.)

Мущины думаютъ, что обманъ болъе при-
носитъ чесши уму ихъ, нежели правда, ибо

ложь избрѣшена ими: такое авшорское самолюбіе весьма неумѣстно.

(Г-жа Сталь.)

Хопите ли знашь, какъ должно дѣлать подаяніе? Посшавъше себя на мѣстѣ принимающаго.

(Г-жа Пъизье.)

Какъ бы ни были велики нещасія случайныя, но навлекаемыя на себя самими нами сушь во спо разъ жесточе.

(Г-жа Лиссе.)

Благоразумная и къ достоинству направляемая суешность производить добродѣтельныхъ женщинъ; кокетство, съ искусствомъ управляемое, производить женщинъ пріятныхъ; слабость производить двухъ родовъ женщинъ, изъ копорыхъ однѣ спановящя нещасными, другія презришельными.

(Г-жа Риккони.)

Можно всѣ преспуленія и всѣ вины назвашь жершвою будущаго насшоящему; а всѣ добродѣтели жершвою насшоящаго будущему.

(Г-жа Неккеръ.)

Мушинъ, какъ монешу, должно принимать по цѣнности, каковъ бы ни былъ ихъ штемпель.

(Г-жа Неккеръ.)

Жизнь похожа на сосудъ съ чисшою водою, копорая мушинся по мѣрѣ шого, какъ ее пьешь.

(Г-жа Эпине.)

Опытность есть врачъ, копорый всегда приходитъ послѣ болѣзни.

(Г-жа Дюсеръ.)

Таинственность приводитъ въ подозрѣніе дѣянiя самыя невинныя.

(Г-жа Вуалле.)

Лестъ , подобно фальшивой монетѣ , приводитъ въ нищету того , кто ее принимаетъ.

(Г-жа Вуалле.)

Ничто лучше не располагаетъ къ довѣренности, къ прiятностямъ искренней дружбы, какъ одинакія причины спрaданій: вопъ почему товарищи нашего злополучiя почти всегда спaновяшся нашими друзьями.

(Элиза Вояръ.)

Одно изъ величайшихъ удовольствiй дружбы есть то, что нѣтъ надобности изъяснять всей мысли своей.

(Г-жа Бастидъ.)

(Изъ La Rochefoucauld des Dames.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н I Я .

П р о с т о т а .

Приди, о простота! и насъ живи собой!
 Сдружась съ тобой,
 Мы разцвѣшемъ душою;
 И руку мы сложивъ съ рукою,
 Тернистый жизни путь любовью облегчимъ
 И дружбой освѣшимъ!

Приди, о престопа! пусть придури щеславья,
 Пусть модныхъ вихрь зашѣй,
 Пусть гордыя исканья
 Уступяшь прелести швоей!
 Жизнь наша — сновидѣнье:
 Друзья! почшожь, почшо и эшо мы мгновенье
 Туманимъ спорами, порывами спрасшей? . . .
 Приди, о престопа! и примири людей!

Мечтатель.

КЪ СХОДНОМУ ПОРТРЕТУ.

(А. П. З. . . . . н о й.)

Художникъ могъ изобразить
 Всю прелестъ усть, всю прелестъ взоровъ;
 Могъ всѣ черпы одушевить:
 Но могъ ли дашь устамъ всю прелестъ разговоръ;
 Но могъ ли взорамъ дашь
 Всѣ прелести ума и чувства?
 Нѣтъ, нѣтъ! художнику вовѣкъ не обладать
 Такимъ могуществомъ ни дара, ни искусства!

С М Ъ С Ъ.

Вечерній пикникъ въ Красномъ сель.

Одно изъ пріятнѣйшихъ лѣпныхъ увеселеній
 есть конечно *вечерній пикникъ*: доставляя всѣ
 удовольствія бала, онъ не требуетъ блестящихъ
 нарядовъ, не заключаешъ въ душныхъ комна-
 шахъ, — соединяешъ танцы съ прогулкою и го-
 спей — безъ хозяевъ, или хозяевъ безъ госпей.

Такой пикникъ былъ 16 Мая въ *Красномъ селѣ*, примыкающемъ къ *Сокольникамъ*. Общество *большаго свѣта*, проспировавшееся до 120 особъ обоего пола, сославляло эпопѣю *полевой праздникъ*, привлекшій многихъ *зрителей*. Въ прехъ мѣсцахъ иллюминированнаго сада гремѣла полковая музыка. Хоръ пѣсельниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Александровскихъ*, разливалъ по воздуху свои соловьиные голоса. Въ залѣ прекраснаго дома танцовали. Буфетная комната была убрана щедрою рукою Флоры и Помоны.

Когда уже довольно смерклось, зашумѣвшая надъ деревьями сада ракета возвѣспила о фейерверкѣ, который вызвалъ общество изъ комнатъ. Успавленный между шпалерами, походившими на кулисы, онъ горѣлъ, казалось, на театральномъ сценѣ — и разноогненные *капризы* его были опъ шого еще привлекательнѣе для глазъ. Но едва мракъ, слѣдующій обыкновенно за быспрымъ прекращеніемъ свѣта какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ мѣрѣ, заснулъ мѣсто фейерверка, — вдругъ на главной аллеи прошивъ дома раздалось *ура!* и — запылалъ щипъ, на кошоромъ въ прелесномъ горящемъ вѣнкѣ съ лиловыми листьями представились взорамъ брилліаншовыя буквы, сославлявшія выше-сказанное восклицаніе — ш. е. *ура!* Само собою разумѣется, что рукоплесканія раздались въ честь новой пиропехнической мысли и прекраснаго зрѣлища. — Когда все угасло, невидимая музыка заиграла всегда усладительный для слуха и сердца Гимнъ: *Боже! храни Царя!*

Пикникъ кончился ужиномъ, а ужинъ древнимъ правиломъ: *tout chemin conduit en ville.*

ИЗВѢСТІЯ.

Первая Часть Карманной Книжки для любителей Руской старины и Словесности на сей 1830й годъ, заключающая въ себѣ мѣсяцы: Январь, Февраль, Мартъ и Апрель, вышла въ свѣтъ и чрезъ С.-Петербургскую Газетную Экспедицію, своевременно, отправлена къ гг-мъ подписавшимся. Содержаніе оной слѣдующее:

Книжка первая. Новый годъ (*вмѣсто Предисловія*). СЛОВЕСНОСТЬ (*проза*). 1. Маскарадъ. 2. Мери, или служанка шрактира. ПОЭЗІЯ. 1. Княгиня Голицыной (*Пушкинъ*). 2. Сваховство (*О. Глинка*). 3. Фанпазія (*Олинъ*). РУСКАЯ СТАРИНА. 1. О рожденіи Петра Великаго. *Легенда*. 2. Своеручное письмо Царя Іоанна Васильевича Грознаго къ Гурію, Архіепископу Казанскому. НАУКИ. Извлеченіе изъ путешествія въ верхній и нижній Египетъ, въ продолженіе кампаній Генерала Бонапарте. ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ. Человѣкъ на всѣ руки. Спашистическія изслѣдованія о дуракахъ въ Англіи. Анекдоты. Смѣсь. Петербургская Хроника. Библиографія Иностранная. Письмо изъ Аспрахани. Разныя извѣстія. ВОРЪ, или памятная записка современныхъ происшествій: 1. Переписка. 2. Новости заграничныя.

Книжка вторая. СЛОВЕСНОСТЬ (*проза*). Новѣйшая поэзія Скандинавская. ПОЭЗІЯ. Утопленница, Руская быль (*М. С — нъ*). Улика, Сказка (*О. Глинка*). РУСКАЯ СТАРИНА. 1. О со-

стояннїи войска въ Россїи опть нашествія Татарь до единопдержавїя Пепра, съ 1224 го по 1689 й. 2. О Государственнѣхъ доходахъ, опть Иоанна Грознаго до единопдержавїя Пепра, съ 1533 го по 1689 й. НАУКИ. О внутрениости земнаго шара. ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ. Упро въ кандиперской, или порпрешы. Библиографїя Опечественная. Библиографїя Иностранная. Разныя извѣстія. ВОРЬ, или памяшная записка современнѣхъ происшествій: 1. Переписка. 2. Новости заграничныя.

Книжка прешья. СЛОВЕСНОСТЬ (*проза*). 1. Опрывокъ изъ Записокъ Рускаго Офицера на обратномъ пуши изъ Парижа. 2. Портрешъ. ПОЭЗІЯ. 1. Недобрый сонъ, Руская мелодїя (*М. С — нѣ*). 2. Смерть лебеда (*****). 3. Ручей и рѣка, Басня (*О. Глинка*). 4. Пища души (*О. Глинка*). РУСКАЯ СТАРИНА. Жизнеописанїе Вице-Адмирала Наума Акимовича Синявина. НАУКИ. Удовольствїе (извлеченїе изъ Рукописи, подъ названїемъ: Идеи о челоувѣкѣ и обществѣ). ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ. Ужасная шрапеза. Библиографїя Опечественная. Разныя извѣстія. ВОРЬ, или памяшная записка современнѣхъ происшествій: Переписка.

Книжка чешвершая. СЛОВЕСНОСТЬ (*проза*). 1. Хроника одного мѣспечка въ Верхней Брепани. 2. Завтракъ у Жан - Жака Руссо. 3. Бедигульдгемала, дочь Царя Духовъ, и Сейфульмулкъ, сынъ Царя Египетскаго, волшебная повѣспь изъ сочиненїй Графа Келю. ПОЭЗІЯ. 1. Романсъ (*О. Глинка*). 2. Шупки (*Олинѣ*). 3. Русый локонъ (*Голдинскїй*). 4. Гласъ къ Богу (*О. Глинка*). 5. Къ Эльвирѣ (*Олинѣ*). РУСКАЯ СТАРИНА. 1. Описанїе увеселишельнаго фейерверка

въ 1756 мѣ году. 2. Списки, по старшинству, Ближнимъ Боярамъ, Боярамъ, Дворецкимъ, Окольнымъ, Спольшникамъ, Дворянамъ, присущспвовавшимъ въ Государспвенной Думѣ, и Думнымъ Дьякамъ, при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. НАУКИ. Спаписшическій взглядъ на нынѣшнее состояніе Европы. ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ. Театральные посѣшители. Библіографія Ошечеспвенная. Смѣсь. Проектъ объ учрежденіи Ремесленной Школы. ВОРЪ, или памяшная записка современныхъ происшеслвій: 1. Переписка. 2. Разныя извѣспія.

Слѣдующіе номера будутъ выходить постоянно, при неизмѣнномъ спараніи Издашеля оправдать довѣренность своихъ читашелей. Онъ льспитъ себя пріятною надеждою, что все, касающееся до Россіи, до ея старинныхъ нравовъ, обычаевъ, до подвиговъ нашихъ предковъ и проч., безъ сомнѣнія, достойно обрашится на себя благосклонное вниманіе Руской публики, и что почтенные соотечеспвенники не опкажущся поддержать сіе благонамѣренное предпріятіе, клонящееся къ ихъ удовольствію и пользѣ; ибо онъ рѣшилъ посвящать исключительно симъ занятіямъ все свое время, и оплагая въ спорону всѣ личныя отношенія, быть совершенно безприспращнымъ въ своихъ сужденіяхъ.

Подписная цѣна за сіе періодическое изданіе (12 книжекъ въ годѣ) *тридцать* рублей съ пересылкою. Особы иногородныя, съ приложеніемъ денегъ и означеніемъ своихъ адресовъ, благоволять опноспться въ С.-Пешербургъ на имя самого Издашеля, В. Н. Олина. *Второе* вновь пересмошрѣнное изданіе *Карманной Книжки для любителей Руской старины и Словесно-*

сти, на 1829й годъ, выдешъ въ Юнѣ мѣсяцѣ (цѣна оному шесть рублей съ пересылкою (*)); а съ слѣдующаго 1831 года къ *Карманной Книжкѣ* будутъ выходить еженедѣльные *Прибавленія*, каждый Но въ половину листа (форматъ въ *четвертку*), для скорѣйшаго сообщенія публикѣ разныхъ извѣстій какъ заграничныхъ, такъ и опечесшвенныхъ; о чемъ въ свое время будетъ опубликовано чрезъ Газеты и особеннымъ Объявленіемъ.

Примѣч. Ко 2й Книжкѣ приложена литографированная картинка, изображающая катанье на санкахъ въ Парижѣ (7го Января 1830 года), а къ 3й книжкѣ гравированный на мѣди Планъ С.-Петербурга, 1716 го года, именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находился онъ на 13мъ году послѣ своего построенія и еще за 9 лѣтъ до кончины своего Основателя, и снимокъ съ подписи Н. А. Сивявина, перваго изъ Рускихъ одержавшаго побѣду на-морѣ при Петрѣ Великомъ. Къ Но 5му приложится картинка, представляющая Боярина, Стрѣльца и слугу Боярскаго.

Издатель В. Н. Олинъ.

(*) Сія книжка украшена: заглавною виньеткою; медальйономъ, въ лавровомъ вѣнкѣ, блаженной памяти Императора Александра I, работы извѣстнаго Англійскаго художника *Рейта*; подписями: Князя Пожарскаго, Императора Пешра Великаго, Малороссійскаго Гетмана Богдана Хмельницкаго, бывшаго Французскаго Консула *Бонапарте* и потомъ Императора *Наполеона*, и портретомъ, въ Черкеской буркѣ, нашего знаменитаго Генерала А. П. Ермолова.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Прибытіе Короля и Королевы Неаполитанскихъ и блистательныя празднества, для нихъ приготовляемыя, производятъ нынѣ сильное вліяніе на публику и на моды. Придворныя дамы отлагаютъ свой отъѣздъ въ деревню; дамы, занимающія первыя мѣста въ обществахъ, ожидаютъ участка, который могутъ получить въ сихъ царскихъ празднествахъ; мѣщане надѣются видѣть фейерверки; и когда всѣ сіи помышленія волнуютъ духъ, кокетство при семъ случаѣ уже потребовало всего того, что руководѣльность можетъ произвести самаго щеголеватѣйшаго, новѣйшаго, прелестнѣйшаго для дамскихъ нарядовъ.

— Между множествомъ прекрасныхъ выдумокъ упомянемъ о плащяхъ мавришанскихъ (moresques), рисованныхъ и вышитыхъ, долженствующихъ явиться на блистательныхъ завтракахъ, которые будутъ даны въ Багашели (à Bagatelle); о плащяхъ изъ органди, также вышитыхъ и рисованныхъ; о шарламанахъ съ колоннами, вышитыми шелкомъ; о кисеяхъ, на которыхъ гошическіе и восточные узоры изображены золотомъ, эмалью и различными цвѣтами, не говоря о тысячѣ другихъ пѣнистельныхъ фантазій шуалета, требуемыхъ Дворомъ и высшимъ обществомъ.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Л о н ш а н с к і я м о д ы .

Шляпка креповая. Плащъ гроденаплевое.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, предсавлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва, Іюня 2го дня, 1850 г.

Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

ТАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П р о з а.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

6.

Сотрудницы Сахацкаго.

Мы говорили уже о сотрудницах Сахацкаго и Подшивалова; но это было сказано или по отношенію къ изданнымъ особо сочиненіямъ и переводамъ сихъ сотрудницъ, или по какому-либо сближенію чьихъ - нибудь другихъ лишпературныхъ произведеній съ лишпературными произведеніями послѣднихъ. Такъ на примѣръ мы упоминали о Г-жахъ Поповой, Шлишперъ, Кологривовой и проч., прудившихся единственнo для журналовъ Подшивалова и Сахацкаго, а здѣсь, по шому же самому праву, упомянемъ и еще

о нѣкопорыхъ, но, до времени, назовемъ только двѣицы: *Неронову*, *Масалову*, неизвѣстную, но искусную переводчицу *Флоріановыхъ* басенъ, означавшую себя липшперами *К. Н.*, Госпожу *Михайлову* (урожденную Княжну *Оболенскую*), прелагашельницу пѣсней *Давидовыхъ*, дѣв. *Обрютину*, г-жу *Жукову*, и проч. Послѣ, въ своемъ мѣстѣ, будемъ говорить и о другихъ подобныхъ писательницахъ. Небольшое число всѣхъ вообще нашихъ писательницъ должно составить одну и ту же неразрывную цѣпь въ собственномъ ихъ кругу и пѣмъ пополнить самую исторію ихъ трудовъ на поляхъ нашей опечеспвленной словесности.

Матрена Васильевна (*) *Неронова* намъ извѣстна какъ переводчица нѣкопорыхъ избранныхъ сочиненій изъ Французскихъ писателей. Въ XIII части *Пріятнаго и Полезнаго препровожденія времени* помѣщена весьма хорошо переведенная ею повѣсть изъ сочиненій г-жи Де - ла - Фись: *Маленькая Королева*, и тогда же (1797 года) сія повѣсть напечатана (Г-жею *Нероновою*) въ нѣсколькихъ экземплярахъ особенно. Де - ла - Фись, какъ извѣстно, писала свою *Маленькую Королеву* совершенно для маленькихъ дѣшей, — для нихъ избрала языкъ дѣтскій, и наша переводчица умѣла мастерски передать намъ въ своемъ переводѣ эпошъ самый дѣтскій языкъ.

Елисавета . . . *Масалова* явилась съ своими липшпературными трудами черезъ годъ послѣ Г-жи *Нероной*, именно въ 1798 году, и кромѣ нѣкопорыхъ изданныхъ ею переводовъ, на-

---

(*) Сестра Е. В. Херасковой. М.

печашала въ *Иппокренѣ*, между прочимъ, свое небольшое сочиненіе: *Чувство уединенія*, подъ эпиграфомъ:

Vivez pour peu d'amis,
 Consacrez les loisirs à l'étude, à l'amitié la vie:
 Voilà des jours dignes d'envie.
 Etre cheri vaut mieux, qu'être vanté.

Сей эпиграфъ былъ избранъ весьма ксшати: юная погда писательница заключила рѣшитель-но, что *съ живостію въ душѣ, съ восторгомъ въ сердцѣ вкушается . . . незыблемое щастіе*. Да и какъ же бышь иначе? *Живость души и восторѣвъ сердца* сотворены . . . . спутника-ми щастія.

Наталя Петровна Михайлова, урожденная Княжна *Оболенская*, знакомишь чашашелей съ своими линшерашурными прудами пакже въ 1798 году. Она печашаетъ нѣсколько прозаическихъ переводовъ съ Французскаго языка въ *Пріятномъ и Полезномъ препровожденіи времени* и заслуживаетъ благодарность опъ Издашеля и чашашелей. Два опривка, напечатанные въ XVIIIй части упомянушаго изданія: *И между дикими есть добрые люди* и *Нужно любить и быть любимымъ*, сохраняють особенную чашашу хорошаго прозаическаго слога.

Марья . . . . Обрютина въ помъ же 1798 году, и въ *Пріятномъ же и Полезн. препров. времени*, являетъ псалмопѣвицею. Вопъ одинъ изъ ея Псалмовъ (XII), помѣщенный въ XVIIIй части:

Доколь, Господи, забудешъ
 Меня въ болѣзняхъ до конца?
 И отвращать доколь будешъ
 Ты свѣшлость Твоего лица?

Доколѣ положу совѣшны
 Я въ сердцѣ и душѣ моей ?
 Доколѣ скорби и навѣшны
 И день и ночь пребудушь въ ней ?

*

Доколѣ врагъ мой вознесется
 Еще, о Господи! надъ мной ?
 Мой гласъ къ Тебѣ да принесется!
 Внемли ему, о Боже мой!

*

Тобою свыше просвѣтятся,
 Да никогда усну во смерть!
 Не дай врагу рещи, гордяся:
 „Возмогъ я рогъ его сопреть!“

*

Служающи возвеселятся,
 Едва подвигнусь я отъ нихъ;
 Но мысли вѣкъ не премѣняшся
 Въ надеждѣ благостей Твоихъ.

*

Весельемъ сердце облечешся,
 Что душу спасъ Господь во мнѣ,
 И имя громко воспоешся
 Благотворяща Бога мнѣ!

Псаломъ не Державина, не Дмишріева и не Шашрова; но въ кругу нашихъ дамъ - писательницъ и въ 1790 годахъ — онъ образцовой.

Анна Сергеевна Жукова, урожденная *Бутурлина*, супруга поэта *Василья Михайловича*, котораго стихотворенія также извѣстны по изданіямъ *Подшивалова* и *Сахацкаго* и на гробъ котораго пѣвецъ *Камина* и *Глафиры*, Кн. И. М. Долгорукій, споль шрогашельно уронилъ свою прощальную слезу (*). Стихотворенія *Анны Сергеевны* начинающъ

(*) См. Собр. сочин. Кн. И. М. Долгорукаго (*Бытіе моего сердца*).

бышь извѣстными съ 1799 года, и всѣ оригинальные. Назовемъ изъ нихъ: *Чувства матери*, *Зимнія явленія*, *Чувства о Творцѣ*, *Супругу моему*, *Пѣсня*, и проч. Во всѣхъ произведеніяхъ Музы Г-жи Жуковой все рассказываетя весьма просто, но занимательно, покрайней мѣрѣ, для добраго сердца. Вошь ея *Чувства матери*:

Задумавшись сидѣла,
На споль облокошьясь,
И мысленно лешѣла
Я къ Липнѣ (*), веселясь.

*

Такъ въ маленькомъ домишкѣ
Покойно буду жить;
Разумушкѣ и Мишкѣ (**)
Всегда, всегда швердишь:

*

Чтобы любили Бога,
Царя бы чли опцемъ:
Вошь вѣрная дорога
Къ блаженшву въ мирѣ семъ (***)

*

Ахъ! будьте, дорогіе,
Веселиемъ моимъ!
Есть въ свѣшѣ люди злые:
Не подражайте имъ.

*

Какъ агнцы вы душою,
Сердцами будьте львы;
Ошечеству своею
Служите кровью вы.

(*) Деревня, гдѣ тогда строился небольшой домикъ Стихотворицы. *М.*

(**) Сыновья сочинительницы. *М.*

(***) И какой же еще лучший путь къ блаженству въ настоящей жизни? Послѣдніе при куплета — истинно языкъ матери! *М.*

Изъ прозаическихъ сочиненій Анны Сергеевны намъ извѣсны немногія. Одно изъ нихъ : *Любовь*, напечатано въ IV часпи Иппокрены на 1799 годъ. — Въ семь сочиненіи Авторъ объясняетъ, что *благородная и высокая душа способна ощущать чувство чистой, безкорыстной любви, что должно имѣть вкусъ къ прекрасному и честному, чтобъ любить добродѣтельную и прекрасную женщину; и чтобъ ей понравиться, надобно ей подражать*, и проч. и проч.

Родная сеспра сей писательницы, *Елисавета Сергеевна Неѣлова*, также раздѣляла съ нею лишпературные шруды и написала нѣсколько піесъ въ прозѣ, помѣщенныхъ въ *Иппокренѣ*, и *Элегію на смерть супруга и болѣзнь сестры* (напечатанную въ помъ же изданіи). Эта *Элегія* хошя и имѣетъ свои достоинства, но слишкомъ пространна; впрочемъ, какое пространство ограничитъ горестъ неушѣшной супруги? — Не помѣщая здѣсь всей *Элегіи*, мы однакожь обязаны упомянуть о нѣкоторыхъ стихахъ ея. Прочтемше :

Лишь оплакала супруга (*),
 Въ горькой участи своей,
 Какъ лишилась - было друга
 Я еще въ сестрѣ моей.
 Объ въ Дипнѣ (**) мы страдали,
 Ахъ, Анюша, милой другъ!
 Всѣ нещастія напали
 На меня съ тобою вдругъ.
 Ты въ болѣзни унывала,
 Я крушилась за себя,
 И по истинѣ не знала,
 Кто нещастнѣй, ты, или я?

(*) Елисавета Сергеевна лишилась своего супруга весьма въ юныхъ лѣтахъ. М.

(**) Имя деревни, въ которой жила сестра Стихотворицы, А. С. Жукова. М.

Такимъ образомъ , сочинительница изображая грусть души своей — почти вездѣ, безупѣшна; особенно, при воспоминаніяхъ о супругѣ. Въ одномъ мѣспѣ она говоришь :

Чѣмъ я сполько согрѣшила
И прогнѣвала Творца,
Что и смерть меня забыла. . .

Такія выраженія не долженствововали бы, по долгу Христіянки, имѣть мѣспа; но кто постигнешь истинную горестъ? Пришомъ Спихошворица вездѣ съ вѣрою, вездѣ съ теплымъ упованіемъ на Господа Бога. Она говоришь :

Я всечасно прибѣгаю,
Истинный, къ Тебѣ, Отець!
Ты возложишь, уповаю,
За спаданія вѣнецъ. . . .

До 1802 года въ упомянутыхъ же изданіяхъ (Подшивалова и Сахацкаго) чипашели находятъ еще опъ двухъ до пяши неизвѣстныхъ сошрудницъ, изъ коихъ иная означаешъ себя лишшерами К. Н., другая М. Ф. . . , а прешья мѣспопрываніемъ въ городѣ *Харьковѣ*. Изъ нихъ Г-жа К. Н. опличаешся переводами нѣсколькихъ басенъ изъ Флоріана. Сей переводъ Г-жи К. Н. воленъ; но языкъ чисшъ и — мысль авшора однако же не удалена опъ дѣла. Напримѣръ возмемъ *вторую* изъ ея басенъ: *Голубка и Сорока*. Вошь разказъ Спихошворицы - подражательницы :

Голубка въ гнѣздышкѣ жила,
Которое съ гнѣздомъ Сороки рядомъ было:
Скучненько бы! но жизнь Голубочки текла,
Какъ ручеекъ — хопя въ сосѣдствѣ и не мило,
Вошь потому, что судишь свѣшь:
Что всякъ таковъ, съ кѣмъ онъ живетъ.
По моему-жь, пушь нѣшь порока,
Когда живешъ со мной сорока;

Лишь не была-бъ сорокой я ;

Но басня не къ тому моя.

Въ Голубкиномъ гнѣздѣ согласіе и щастье.

Тамъ жили весело , въ погоду и въ ненастье.

Въ Сорочьемъ же никакъ не знали шишины ;

Не проходило дня безъ шуму и войны.

Разбитыя всегда шамъ яицы лежали ;

Пухъ , перья изъ гнѣзда отъ драки вылетали.

Когда Сороку мужъ побьетъ ,

Къ сосѣдкѣ шуть она придетъ ,

Кричитъ , и на судьбу свою она пѣняетъ ,

Пороки своего супруга вычитаетъ :

„Онъ гордъ , сердитъ , ревнивъ , жестокъ ,

Мнѣ ничего онъ не прощаетъ ,

А самъ не спавитъ и въ порокъ ,

Что онъ *воронъ* не забываетъ.“

И много шуть еще съ сердцовъ она несла.

Голубка съ ласкою на то произнесла :

„Но что же , милая , сихъ горестей виною ?

„Не знаешь ли и ты пороковъ за собою ?“

Сосѣдка ей на то въ отвѣтъ :

„Признайся надобно , мой свѣтъ ,

Что я веду себя не строга :

Кокетствую немного ;

Люблю пустое говорить ,

Люблю и мужа подразнить.

Но какъ безъ эшаго возможно обойтись ?“ —

„Не всякой , можетъ быть , съ тобою согласишься.

Прости , любезная , ты мнѣ слова сіи ;

Виною ихъ одно къ тебѣ лишь сожалѣнье.

Спайся испребитъ пороки ты свои ,

То вѣрно кончится и все швое мученье.

Твой нравъ причиною . . . .“ Мой нравъ ! вотъ мѣлишь
взоръ ! —

Сорока прервала такъ , съ сердцемъ , разговоръ —

Я въ горести пришла искать къ тебѣ отрады ,

А слышу отъ тебя лишь грубость и досады.

Впередъ съ совѣтами ты рошь зажди ,

Да голубяшь корми ! . . . —

*

Хоть многіе свои пороки открывали ,

Но только съ тѣмъ , чтобы ихъ другіе извиняли.

Басня, по отношенію къ нашему прежнему стихотворству, имѣетъ свои красоты, и ея заключеніе весьма справедливо; но замѣчательно то, что Г-жа К. Н. и эту самую басню съ прочими посвятила своему супругу!

(Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

К ъ М. И. Х. . . . . й.

Съ прелестнымъ чувствомъ наслажденья,
 Всегда съ восторженной душой —
 Я оживляю впечатлѣнья,
 Во мнѣ рожденныя тобой!
 Ты юныхъ дней моя подруга,
 Тобой я мысли окриль;
 Часы трудовъ, часы досуга
 Съ тобой я сладостно дѣлилъ.
 Какой прекрасно мечтою
 Моя душа полна была,
 Когда ты юной красотою,
 Какъ роза вѣшняя, цвѣла!
 Невинны были наши нравы,
 Любовь, мечты и пылкій взоръ;
 Намъ были милы шумъ дубравы,
 Ручей, цвѣшны и виды горъ.
 Какъ ясно въ памяти спруится
 Златый пошпокъ минувшихъ дней!
 Какъ я желалъ бы возвратиться
 Къ блаженной юности моей!
 Мнѣ памятно святое время,
 Когда въ болѣзни я страдалъ
 И скорби тягостное бремя
 Родной привѣшь твоей услаждалъ.

Читалъ я милое участье
 Въ твоихъ задумчивыхъ очахъ ;
 Я все нашель : здоровье , щастье
 Въ твоихъ плѣнительныхъ рѣчахъ.
 Лешѣла въшренная младость
 На крыльяхъ милой старины ;
 Лилась струею тихой родость
 Въ пріютъ сердечной пишины.
 Воспомианьемъ увлеченный ,
 Въ душѣ минувшее ищу ;
 Порой безропотно грущу
 Отъ милой сердцу удаленный.
 Такъ иногда луна блестяшь . . . .
 Сквозь листья дремлющей березы . . . .
 И другъ твой съ грустію струишь
 Изъ глазъ таинственныя слезы !

А. Никитинъ.

С М Ъ С Ъ.

1.

Русскій театръ.

Иванъ Царевичъ , большая волшебная опера въ пяти дѣйствіяхъ , съ хорами , балетами и проч. , представлена по возобновленіи въ первый разъ въ пользу танцовщицы г-жи *Ворониной - Ивановой* , на Большомъ Театрѣ , 29 Мая.

Что сказать объ *Иванъ Царевичъ* ? Это одна изъ бездѣлокъ Великой Екашерины , написанныхъ для забавы Ея великихъ Внуковъ-дѣшей , для пользы народа , любящаго сказки , ихъ блескъ , ихъ чудеса , копорый , какъ младенецъ , отъ привычки къ хорошимъ игрушкамъ , въ зрѣломъ возрастѣ полюбишь все хорошее.

Вся опера составлена из Русских сказокъ и пѣсенъ, изъ стихотвореній Тредьяковскаго и прочаго, пому подобнаго. О музыкѣ ни слова; главнѣйшія достоинства сей оперы: механика и красота декорацій; съ ними только *Иванъ Царевичъ* можетъ существовать на сценѣ Русскихъ театровъ. Пренія механика оперы и декораціи обработаны за границею славными художниками, и стоили Императрицѣ весьма значительной суммы. Но всѣ сіи богатства необыкновенной оперы уступлены, съ дозволенія Государя Императора Павла Петровича, Московскому Петровскому театру, при пожарѣ котораго сгорѣли. Мы, дѣши того времени, съ удовольствіемъ еще вспоминаемъ о свѣтилахъ упоминаемой оперы: *Лунѣ - Сандуновой*, объ истинно сказачной уродливости погдашней *Яги - бабы*, *Ожогинѣ*; видимъ, какъ на блюдечкѣ, въ числѣ *мамокъ*, бѣгающихъ по сценѣ, комическую А. А. *Померанцову*, и, кажется, слышимъ еще, какъ она своимъ прелещущимъ голосомъ повпоряешь стихеры изъ *Грозы Тредьяковскаго*:

Съ одной стороны громъ,
Съ другой стороны громъ;
Смушно въ воздухъ,
Ужасно въ ухъ!

Столько же памятенъ намъ и *хоръ Кузнецовъ*, почти всегда - бывало успроенный *Плавильщиковымъ*, заславлявшимъ по шакшѣ и съ разспановкою шянушь:

Вошь, удалый молодець,
Твой гошовъ мечъ кладенець;
Палица - то въ сорокъ пудъ:
Просимъ заплашшь за шрудъ, и прог.

Все, все эшо такъ и звенишь въ ухахъ! Нынѣ *Иванъ Царевичъ*, за исключеніемъ упомянутой механики, декораций, гардероба, за исключеніемъ *Сандуновой* и *Ожогина*, шель гораздо лучше, нежели прежде. Но уже самая опера, по прихошамъ новѣйшихъ зрительей, съ лишеніемъ спарыхъ ея совершенспвъ, не всегда будешъ нравиться, особенно при частыхъ предсавленіяхъ. Къ помуже и нынѣшніе арписпы, кажешся, не совсѣмъ понимающъ сокровенную цѣль эшой народной оперы (*).

За комическими чудесами Рускихъ сказокъ послѣдовали прагическія чудеса сказокъ Греческихъ — въ славномъ балетѣ знаменишаго Пика: *Медея и Язонъ*.

На волнующемся морѣ являешся въ образѣ лебеда судно, на которомъ всѣ снаспи изъ розовыхъ гирляндъ и съ котораго сходитъ величественный Креонъ, Царь Коринѣа, прелестная дочь его, Креуза, и обожающій ее, вѣроломный супругъ ужасной Медей, Язонъ. Спраспные любовники танцующъ; зрители плѣняющся ими. . . . Но вопшь на веселой сценѣ грозная Царица Колхиды, съ нею дѣши ея — и зрители препещущъ не менѣ Креузы и Язона, препещущихъ при каждомъ словѣ, при каждомъ взглядѣ Медей, опъ которой наконецъ скрываются. Кинжалъ въ рукахъ ожесточенной матери - супруги; она заноситъ его на дѣшей, но еще не поражаетъ ихъ. Цѣлый адъ предспаешъ къ ней по мановенію всемогущаго жезла ея: люшая ревность гошовишь ужаснѣйшее мщеніе. . . .

(*) Сіи замѣчанія на оперу сообщены издателю, который опоздалъ къ ней въ шеащъ — и жалѣешъ по шому болѣе, что никогда не видалъ ея.

Спрашная сцена уступаетъ новымъ веселіямъ щасливыхъ любовниковъ, соединенныхъ узами брака. Онъ празднуешь шанцами восхищительными посреди двора Креонова. . . . Но видимъ опять Медею съ дѣшми: она радуешь блаженству любовниковъ-супруговъ, обнимаешь, цѣлуешь ихъ и напоследокъ приказываешь дѣшямъ своимъ поднести дары новобрачнымъ, которые принимающъ ихъ со всею благодарностію, внушаемою рѣдкимъ великодушіемъ. Улыбающаяся Медея дружески прощаешь съ измѣнникомъ и соперницею; и лишь только удалилась, какъ роковые дары возымѣли все свое адское дѣйствіе: за минушу передъ нѣмъ блаженные, супруги-любовники шерзающъ ужаснѣйшими мученіями, прекращающими жизнь ихъ. . . . Торжествующая мспительница снова являешь на колесницѣ, подобной дракону и несомой облаками надъ покорствующимъ волшебницѣ адомъ, смопришь на жершвы свои, обращаетъ къ дѣшямъ, съ нею бывшимъ, поднимаетъ убійстввенную руку и вонзаешь кинжалъ въ невинныхъ беззащитныхъ младенцовъ. . . . Огненный дождъ сыплешся подъ ударами грома — и опустившійся занавѣсъ упишаешь спраданіе души въ зришелъ, котораго безпрестанно раздѣляли самыя прошивоположныя чувстввованія — цѣль и вѣнецъ искусствва.

Краса нашихъ Рускихъ плясокъ, г-жа Глушкова, была настоящею *Медеею*: доказательство, что шанцовальное искусствво не препяствуетъ *трагическому* дарованію, а еще въ доказательство скажемъ, что славная прагическая акприса, Жоржъ, была *фигуранткою*. Лучшія акприсы здѣшняго Французскаго театра, г-жи Виржини и Коншансъ, были также *фигу-*

рантками на Парижскихъ шеапрахъ , и еще въ доказательствѣ же прибавимъ, что именно *танцовальное искусство*, и одно только оно, доставляетъ ту правильную походку и ту пріятную ловкость , копорья на сценѣ совершенно необходимы. Г-жа Попанчикова служилъ новымъ шому доказательствомъ.

Бенефициантка, г-жа Воронина - Иванова, никогда, кажется, не была столь прелестною, какъ въ *Креузѣ*; она и Ришаръ 1й, представлявшій *Язона*, оправдывали изступительную ревность безчеловѣчной матери и оскорбленной супруги, если подобная ревность можетъ чѣмъ - либо оправдываться. — Г-жа Гюлень , два другихъ Ришара, и всѣ танцовщицы и танцовщики участвовали въ семь великолѣпномъ балетѣ , блиставшемъ и декорациями, и машинами, и увѣнчавшемъ новою славою балеты Московскаго шеапра.

2.

С о к о л ь н и к и .

Добрые Цари наши оставили по себѣ драгоценные памятники отеческой попечительности, имѣвшей цѣлю соединить полезное съ пріятнымъ. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежатъ и *Сокольники*. Исполнивъ образомъ и дѣланіями, Пётръ Великій, здѣсь насадилъ сосновую рощу для соколиной охоты, и близъ рощи поселилъ сокольниковъ, отъ чего сіе мѣсто и получило свое названіе. — Роща распространилась на безмѣрное разпространіе ; жилища годъ отъ года умножались, и теперь составляютъ большую

колонію, съ большими красивыми домами, имѣющими свои сады и цвѣтники. Въ одно нынѣшнее лѣпо явилось 15 новыхъ домовъ и домиковъ, очень милостивыхъ; и сія колонія содѣлалась благотворнымъ лѣпнымъ мѣстопребываніемъ для больныхъ, и веселымъ для здоровыхъ. Кромѣ живущихъ здѣсь, почти всякій день пріѣзжаетъ изъ Москвы множество посѣпителей обоого пола, всѣхъ націй и всякаго званія — гулять по роцѣ и дышать ея спасительнымъ воздухомъ.

Сокольники славятся и нашимъ *Лоншанскимъ* гулянемъ — шо естъ 1 го Мая, а съ нынѣшняго лѣпа имѣють еще и пу выгоду, что въ сосѣдственномъ съ ними *Яковлевскомъ* саду всякое воскресенье бываетъ балъ, а по другимъ праздникамъ фейерверкъ — Нѣмецкаго Собранія. Нынѣшнимъ же лѣпомъ С. Ф. Б. . . . нѣ построилъ въ Сокольникахъ прелестнѣйшій домикъ, убранный съ опличнымъ вкусомъ и весьма замѣпный высокою Кипайскою бесѣдкою, съ кошорой опкрывается обширный горизонтъ, заключающій въ себѣ восхитительные виды Московскихъ живописныхъ окрестностей и нѣкоторыя части самаго города. Любезный хозяинъ праздновалъ свое новоселье сельскимъ увеселеніемъ. Вечерній чай въ сосновой роцѣ, возвышающейя передъ самымъ домикомъ, ожидалъ гостей. Въ 7 часовъ явилась кавалькада, состоявшая изъ пяти дамъ и шести кавалеровъ; за кавалькадою слѣдовали въ экипажахъ другія дамы и другіе кавалеры: Полковая музыка встрѣтила гостей. Освѣжившись Кипайскимъ нектаромъ, фруктами, мороженымъ и проч., молодыя дамы и молодые кавалеры спали играшь на лугу въ *горѣлки*, попомъ въ *кошку-мышку*; напоследокъ

шанцовали : прекрасное Аркадское зрѣлище ! оно заключилось шѣмъ, что прелестныя Амазонки снова явились на лошадяхъ и, сопровождаемыя своими вишязями, галопировали подъ музыку въ одномъ и томъ же кругу, копорый — скажемъ мимоходомъ — спойлъ инаго *лучшаго круга* ! . . . Наконецъ поскакали въ городъ, оставя жишелей въ пріятной надеждѣ — видѣшь не однажды подобное сельское увеселеніе, гораздо занимательнѣйшее городскихъ, всегда болѣе или менѣе принужденныхъ, и всегда до крайности однообразныхъ.

Просимъ извиненія у благосклонныхъ Читапельницъ, что за неимѣніемъ мѣста не сообщаемъ извѣстія о модахъ, впрочемъ ничего *особеннаго* на эпошъ разъ не предсшавляющихъ.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Шляпка креповая. Платье изъ оскарина (*en oscarine*).

Печатать дозволяется,

съ шѣмъ чтобы, по оппечашаніи, предсшавлены были въ Ценсурный Комишешъ три экземплара. Москва, Іюня 11го дня, 1830 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

З о л о т о и ж е л ь з о.

Натуралисты утверждаютъ, что желѣзо есть вездѣ, и что не только въ недрахъ земли находящіяся обильныя рудники, но что даже первоначальныя его части входящія въ составъ каждаго шѣла.

Еслибъ зрѣніе наше могло объять всю систему вселенной, то безъ сомнѣнія мы увидѣли бы, что Природа въ изобиліи разсыяла повсюду то, что должно служить для обыкновенныхъ потребностей человѣческаго бытія, и что все рѣдкое опіудь не предназначено къ усугубленію истиннаго благоденствія нашей жизни.

Желѣзо весьма обыкновенно, золото же очень рѣдко; первое столь нужно для естественныхъ потребностей, что употребленіе онаго составляетъ главное различіе между дикимъ и про-

евъщеннымъ человѣкомъ; между соспоянiемъ того, копорый покоишь въ роскошныхъ Европейскихъ палапахъ, и того, копорый въ ущельяхъ дикихъ скалъ ищеть себѣ убѣжища опъ ночной служи и свирѣности бурь. Золопо не можеть снабдишь насъ ни ораломъ, ни сѣкирою, ни пилюю; оно не удобно ни для орудiя художнику, ни для оружія къ нашей зашитѣ. Все достоинство его состоишь въ блескѣ, а цѣнность въ рѣдкости.

Обозрите со вниманiемъ всю природу, и вы найдете, что необходимое для человѣка обильно въ ней подобно желѣзу; прихотное же рѣдко, какъ золопо. То, что служишь для существенныхъ поспребностей, по добывается весьма свободно, и даже споль легко, что большая часть людей, живущихъ въ изобилiи и роскоши, смѣшала еспественныя желанiя съ вымышленными, и придумала нужды единственнно для того, чтообъ доспавишь себѣ занятiе; ибо для добышiя всего необходимаго спребуется шакъ мало шрудовъ, что заботливостъ души не моглабы переносишь бремя праздноспи безъ оныхъ умспвенныхъ вымысловъ, служащихъ пищей ея дѣяшельности.

И шакъ изобилiе еспъ испочникъ большей части нашихъ нуждъ; и бѣдность, сіе зло, споль обыкновенное и ужасное между просвѣщенными народами, происходишь всегда опъ измѣненiя въ нравахъ; а сіе послѣднее опъ избытка. Природа содѣлываетъ насъ бѣдными тогда шолько, когда опказываетъ въ необходимомъ; но по принятымъ уже обычаямъ, бѣдноспiю называетъ недоспашокъ въ прихотяхъ.

Сократъ увидѣвши въ одной лавкѣ множество драгоценныхъ бездѣлокъ, вскричалъ: „Сколько вещей вовсе для меня ненужныхъ!“ Всякой благо-разумный человѣкъ, разспотрѣвъ внимашельно,

въ чемъ состоишь истинно покойная жизнь, конечно повторишь восклицаніе философа.

Прихоши и прудности возникли вмѣстѣ. Чшо можешь бышь легче, какъ пригошовишь пищу для естеспвенной потребности челоувѣка; но чшобъ возбудишь желаніе въ насыщенномъ желудкѣ, нужна придуманная ушонченность. Грубая рука можешь воздвигнушь стѣны, соорудишь крышу, наслашь полъ; словомъ, выспроишь надежное и покойное жилище; но чшобъ образовашь форму карниза и расписать пополокъ, потребности уже искусные художники. Народы, наиболѣе погруженные въ невѣжествѣ, умѣли соспавишь для себя одежду, ограждающую ихъ отъ суровости воздуха; но желаніе опличиться, ушонченное щегольство, частыя измѣненія моды произвели весьма замысловатое и обширное ремесло. — Самое простое земледѣліе доспашочно, чшобъ произрастишь хлѣбъ; садовникъ же испощаешь все свое знаніе, чшобъ улучишь вкусъ плодовъ и рассадишь цвѣшы соопвѣспвенно разнообразнымъ ихъ оппѣнкамъ.

Точно по же можно сказашь и о челоувѣческихъ познаніяхъ. Полезнѣйшія изъ нихъ ясны и пріобрѣтающяся весьма легко, свободно; прочія же запруднишельны и супь умспвенныя прихоши; ибо пререпѣло ли бы общество какой-нибудь существенный недоспашокъ безъ изящностей краснорѣчія, копорыя супь не иное чшо, какъ украшенія, вымысленныя праздными людьми, скупающими своимъ досугомъ. Для взаимнаго сношенія въ жизни потребности весьма проспыя расчешы; наука и ушонченность понадобились тогда полько, когда спали придумывашь вопросы, чшобъ запушашь умъ, и успѣхи въ выкладкахъ послужили единспвенно къ показанію искусства вы-

кладчика. Свѣтъ солнца полезень равно какъ тому, копорый судя по собственнымъ чувствамъ своимъ, полагаетъ, что сіе свѣтило движется, такъ и тому, копорый, основываясь на разсудкѣ, почитаетъ его неподвижнымъ.

Если мы обратимся мысленно къ предметамъ высшимъ, то найдемъ также, что полезное всегда просто. Чтобъ быть добродѣтельнымъ, не пужно знать, какимъ образомъ моралисты опредѣлили сущность истины; и чтобъ получить понятіе о своихъ обязанностяхъ, спойшь только смотрѣшь на непосредственные слѣдствія своихъ дѣяній, вовсе не углубляясь въ изысканіе общаго метафизическаго ихъ начала. Религія можетъ руководствовать поведеніемъ челоуѣка, копорому системы Скописовъ и Омисовъ вовсе неизвѣстны; и защитники какъ произвола, такъ и фапализма, прошиворѣчаютъ другъ другу лишь только на словахъ, но во всякомъ случаѣ спашутъ дѣйствовать одинакимъ образомъ.

Я не имѣю однакожь намѣренія возспавать прошивъ опвлеченныхъ наукъ, ни прошивъ изящныхъ художествъ; ибо любопытство и спремленіе къ совершенству въ природѣ у челоуѣка: они раждаются опъ изобилія и досуга, обнаруживають въ немъ по безпредѣльное желаніе, копораго настоящее состояніе удовольстворить не можетъ, и предвѣщаютъ лучшую жизнь, долженствующую упоить душу вполне, и доставить ей блаженство, соразмѣрное способности ея къ наслажденію. И такъ возблагодаримъ попечительную Десницу, щедро снабжающую естественныя нужды наши и доставляющую обиліе, споль для насъ малопрудное; Десницу, Копорая управляя временами, даруетъ кспати жаръ и спужу равномѣрно и шѣмъ народамъ, кои не

озабочивались изслѣдованіемъ теплоты и холода; наконецъ, Кошорая послѣ дневнаго зноя и свѣша ниспосылаешь прохладу и пищу ну ноци даже и шѣмъ, кои не знаютъ пропиковъ и никогда не занимались наблюденіемъ созвѣздій.

Съ Франц. Н. Курманалева (*).

СВАДЕБКИ И ПРЕКРАСНАЯ ДОЧКА.

Суздальское преданіе.

(Посвящено С...ъ Н...внѣ Б...вой.)

Когда вы поѣдете отъ *Гавриловоѣ* слободы (**), къ Суздалю, по въ правой сторонѣ, посреди чистаго поля, впрочемъ довольно на опдаленной отъ васъ возвышенности, увидите три, или чепыре дряблыя, полузасохшія и полужеленыя сосны. Это шѣ самыя сосны, коцорыя вцлошь отъ Гаврилова до самой спанціи, Суздаля, изъ вашихъ глазъ не исчезающъ. Но я - было позабылъ, что вы и сами бывали въ Суздаль и что однажды, вмѣстѣ съ пѣвцомъ Глафиры и Камина (***), весьма рѣшишельно замѣшили, что сосны, о коцорыхъ у насъ пеперь идешь рѣчь, какъ и куда ни поглядишь, все передъ вами, *какъ листь передъ травою.*

(*) Возобновляемъ благодарность свою за украшеніе листковъ нашихъ подобнымъ переводомъ подобной статьи. Мы увѣрены, что каждая благовоспитанная мать укажетъ на него дочери своей для поощренія къ упражненіямъ въ языкахъ. *Изд.*

(**) Иначе *пасада*. Во Владимірской Губерніи. *М.*

(***) Княземъ *Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ*, коцорый весьма нерѣдко проѣзжалъ здѣсь въ свою Владимірскую деревню. *М.*

Коса времени и рука человеческая не коснулись и не касаются еще до сихъ сосенъ. . . . Мѣсто, гдѣ роснуть онѣ, называется *Свадебки*; вспарь, какъ говоряшь, имъ придавали эпитетъ: *красавья*. „Почему?“ спросите вы. — Такъ говоряшь наши древніе пѣснопѣвцы: послушайте.

Нѣкто здѣсь, по естѣ подлѣ самыхъ эпѣхъ *Красавыхъ свадебокъ* — копорья, впрочемъ, какъ думаешь надобно, тогда еще не были не только *красавыми*, но даже и проспыми, обыкновенными *свадьбами*, пошому чшо тогда не дошло еще до того дѣла — здѣсь, говорю, находилось капище, или храмъ богини, или Нимфы Калисты! . . . „Калисты!“ смѣнешь и спрашивается; „какъ и за чѣмъ въ Суздальскую землю залетѣла Нимфа Калиста! Я до сей поры думала, чшо Калиста Гречанка, или по крайней мѣрѣ Римлянка?“ — Конечно это немного мудрено; но однакожь шочно такъ было, сударыня! Вблизи *Свадебокъ* естѣ даже селеніе, копорое носишь имя Калисты (*); естѣ и другое подлѣ Москвою; естѣ и шрепье, во Владимірской же Губерніи. Я могъ бы насчиташъ ихъ до десяпка; но возвратимся къ ~~капищу~~. И шакъ нѣкогда, на эшомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы видите сосны, процвѣшало капище богини Калисты. Къ эшому капищу или въ это капище приходили многіе изъ нашихъ Суздальскихъ предковъ на поклоненіе, и только въ эшомъ капищѣ клялись въ *прочности* и въ *твердости* браковъ и во всѣхъ другихъ обязательствахъ, опносившихся къ семейной жизни. По крайней мѣрѣ шакъ говоряшь преданіе.

Какой-то Боляринъ или воинъ Хоз-лу тогда живаль здѣсь по сосѣдству. Эшомъ Боля-

(*) *Калистово. М.*

ринь былъ сильный, богатый владѣтель, и вы теперь еще найдете память объ его имени также, какъ и о Калиспѣ, въ одномъ изъ названій окрестныхъ селеній (*). У эшаго Хоз-лу была прекрасная дочка: наспоющее имя ей преданіе позабыло; да и нѣтъ въ томъ надобности: довольно съ насъ и того, что она была прекрасная дочка. Названіе: прекрасная, не есть ли самое лучшее изъ всѣхъ именъ на свѣтѣ? Позволили сказать, что вы это чувствуете и по себѣ? . . . Вотъ, эшу - то самую прекрасную дочку, по ея любви и по ея желанію, выдали въ замужство за красиваго добраго молодца. День свадьбы уже былъ назначенъ; оставалось влюбленнымъ только поклясться передъ Калиспою въ ея капищѣ, а потомъ супруги спали бы жить да поживать; пошли бы дѣшочки, начали бы подростать, хорошѣть, и такъ далѣе и далѣе.

Въ самый день свадьбы прекрасной дочки была назначена и еще свадьба, пышная, богатая свадьба спрашнаго, усапаго, бришоголоваго Могольца, только съ волосянымъ хохломъ на самомъ шемѣ. . . Я позабылъ его имя; но когда дождемъ до Суздаля, то спросимъ объ немъ у всегдашней нашей хозяйки, беззубой спарушки: она еще помнитъ его. Эшотъ Моголецъ не вѣровалъ въ Калиспу, даже смѣялся надъ Ладомъ и Перуномъ; но здѣсь укротивъ сердце отъ злыхъ насмѣшекъ, пожелалъ сохранить нѣкоторыя изъ свадебныхъ обрядовъ той земли, въ которой оставался и гдѣ, можетъ быть, надѣялся съ милою шуземкою продолжитъ осѣдлость бродячей жизни своей.

(*) Урочище Хозлуво, преобразованное, въ послѣдствіи, въ село Козлово. М.

Свадьба Могольца совершилась прежде свадьбы *прекрасной* дочери и онъ уже, возвращаясь изъ капища съ новобрачною и со всѣми обычаями *новобрачныхъ*, слѣдовалъ черезъ темную зеленую дубраву, по узкой и негладкой дорожкѣ въ сосѣдство Болярина Хоз-лу, гдѣ было и его жилище. Въ дубравѣ встрѣшилъ онъ и свадебный поѣздъ *прекрасной* дочери. — Чудо! дорога такъ узка, что не было никакой возможности ни шой, ни другой стороной уступить другъ другу мѣста, а между прочимъ какъ шой, такъ и другой стороной хошлось взять первенство.... Пошла перебранка, драка и Моголецъ, раздраженный упорствомъ горделиваго поѣзда Боляринова, первый обнажилъ свой булашъ и первый поразилъ самага наибольшаго изъ провожашыхъ *прекрасной* дочери. Неожиданное убійство завязало преспрашное дѣло между обоими свадебными поѣздами: взвились копья, засвиспали стрѣлы, заблещали булашы и — едва ли было не меньше того времени, копорое упошребилъ я на рассказъ этой повѣсти, какъ уже и мужья, и жены, и женихи, и невѣсты — все содѣлалось добычею смерти; кровавая рѣка попоила шѣла убитыхъ и нималѣйшаго дыханія жизни здѣсь уже не существовало!

Долго, долго бѣдный Хоз-лу ожидалъ возвращенія своихъ новобрачныхъ. Наспутила темная ночь, прошла темная ночь и первые лучи солнца на слѣдующій день встрѣчены несчастнымъ шарцемъ при шѣлахъ бездыханныхъ! Христіянскій пустынникъ объяснилъ ему спрашную для него загадку и — Боляринъ, какъ увѣряющъ дѣды, не пережилъ своего горя.

Вошь съ копорого времени и вошь опъ чего это спрашное мѣсто приняло названіе *Крова-*

выхъ свадебъ! Сосны, уцѣлвшія еще отъ большаго, непроходимаго, дремучаго лѣса, сушь вѣрныя указательницы мѣста убіенныхъ! Сихъ сосень не испребило время: онѣ расшуть на могилахъ, онѣ заляпы росши шуть вѣчно! Въ позднее время, еще и до сей поры, простодушный крещьянинъ невольно препенещеть, приближаясь къ памянику *Кровавыхъ свадебъ* и прекрасной дочки!

„Конецъ сказкъ?“ спрашиваете вы. — Конецъ, сударыня; но въ Суздаль на кварширѣ я вамъ расскажу другую; памъ мнѣ поможесть наша знаковая бабушка!... Вы засмѣялись и я доволенъ: ужасы *кровавыхъ браковъ* вами позабышы.

М. Макаровъ.

На дорогѣ въ Суздаль.

1824го Іюля 22 дня.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Сельскій праздникъ благодарности въ честь матери - наставницы.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

А н ю т а (съ корзинкою въ рукахъ).

Въ какой же радости съ весеннею зарёю
Бѣжала я на лугъ! . . . Я ожила душою.
Казалось, что въ поляхъ все стало веселѣй,
Блеснуло солнышко яснѣй,
Милѣ пшичекъ было пѣнье,
И все въ глазахъ моихъ украсилось шворенье.
. . . . .
Все сердце утѣшаетъ,
Когда оно воспоминаешь

О пой, въ комъ ангела мы видимъ нашихъ дней;
Сегодня день ея, день именинъ безцѣнныхъ;
День этомъ насшудилъ среди красотъ весеннихъ;

Но онъ всѣхъ прелестей для насъ милѣй :
Сердца и души мы несемъ въ подарокъ ей.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

А н ю т а и С о н я .

С о н я .

Гдѣ рано шакъ была, Анюта ?

А н ю т а .

Сегодня каждая намъ дорога минуша.
Фіалокъ подь кустомъ я скромныхъ нарвала ;
Вѣнокъ изъ нихъ сплела
Для имянинницы, любимой всѣхъ сердцами.

С о н я .

Не сговорила я съ тобой ;
Но мы, мы смолвились душами ;
И на вѣночикъ пвой
Скажу тебѣ стихами ,
Которые списать мнѣ удалось :
Какъ будто бы мое въ нихъ сердце излилось.

*(Читаетъ стихи, написанные на велевевомъ
листочкѣ.)*

„Цвѣткамъ назначенъ быстрый срокъ ;
Но ежели душой сплеченъ изъ нихъ вѣнокъ ,
То память о шакомъ вѣнкѣ не исчезаетъ :
Цвѣтъ благодарности все снова разцвѣщаетъ.
Такъ ! что въ душѣ живетъ , душа всегда хранитъ .
Пусть опцвѣстетъ вѣнокъ : онъ въ сердцѣ будетъ жить (*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

*Входитъ мать - наставница. Анюта и Соня бѣгутъ
къ ней. Первая подноситъ вѣнокъ ; другая пере-
тываетъ стихи. Потомъ поютъ :*

„О благое Провидѣнье !
„Мать - наставницу храни ,
„Какъ ея объ насъ раченье
„Охраняешь наши дни !

(*) La reconnaissance est la mémoire du cœur.

„Ты щаспливишь насъ собою ;
 „Ты привыкла насъ любитьъ ;
 „Пусть же щастіе съ тобою
 „Навсегда союзъ скрѣпимъ !“

Мектепъ.

К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц І Я .

*Письма В. И. Козлова къ Князю П. И.
 Шаликову.*

(П р о д о л ж е н і е .)

С. - ПЕТЕРБУРГЪ , 27го Авг. , 1822.

Благодарю васъ душевно, любезнѣйшій Князь Пётръ Ивановичъ, за пріятное письмо ваше и за прекрасныя стихопворенія. *Отвѣтъ на Посланіе* помѣстился въ слѣдующемъ *Прибавленіи*. — Сіи листки, при участіи почтенныхъ сотрудниковъ, могли бы содѣлаться весьма занимательны и сославишь *самую цѣтущую* опрасль нынѣшняго *Инвалида* ; но спрогій нашъ Аргусъ, неумолимый *Б. . . въ*, часто обрѣзываетъ намъ крылья. Онъ не щадитъ ни *Шатобріана*, ни Князя *И. М. Долгорукаго*. Цѣлая спроча въ новомъ стихопвореніи послѣдняго учинилась жерпвою *крылатыхъ* его *ножницъ* (выраженіе оспроумнаго Жуи) ; а спашья изъ *Шатобріана* приняла, подѣ десницею *Б. . . ва*, такой видъ, въ какомъ почтенный Виконштъ, Посоль и Перъ Франціи, едва ли призналъ бы ее своею. Но что дѣлашь ? Пословица говоритъ : „Съ сильнымъ не борись и проч., а нашъ *Б. . . въ* довольно *силенъ*, когда у него въ рукахъ *ножницы* !

Вы желаете мнѣ избавленія ошь грусти *безъ горя* ! Благодарю васъ сердечно, любезнѣйшій Князь ! но не подписываю вашего выраже-

нія: повѣрьте, что у меня есть и по, и другое. Мудрено проникнуть въ изгибы человѣческаго сердца; почти не возможно знать всѣ соединенія, всѣ оппѣнки обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на жизнь нашу: бывають вещи, которыя надлежитъ скрывать во глубинѣ души своей, и которыхъ не лзя повѣрить и искреннѣйшему другу.

Но знаете ли, что я въ нынѣшнемъ году былъ дѣйствительно щасливъ, или по крайней мѣрѣ почилалъ себя такимъ цѣлые два мѣсяца съ половиною? Я провелъ эщо время въ домѣ почтеннѣйшихъ друзей моихъ, Прасковьи Сем. *Ефимовичевой* и любезнаго ея семейства. Въ концѣ нынѣшней зимы и во время прекращенія *Инвалида*, они предложили мнѣ переѣхать къ нимъ въ домъ и занялъ двѣ комнаты, опросавшіяся по оппѣздѣ одного Барона *Киля*, который жилъ у нихъ также по пріязни. Вскорѣ за симъ рѣшилась судьба новаго нашего изданія; за *старое* получилъ я награжденіе, о которомъ упоминалъ въ предыдущемъ писемѣ своемъ; раздѣлялся съ безпокойными людьми, которые часто приходили ко мнѣ незваные и которые извѣстны подъ общимъ именемъ *кредиторовъ*; купилъ себѣ новыхъ мебели и переѣхалъ къ добрымъ друзьямъ своимъ. Два мѣсяца съ половиною провелъ я подъ гостепрїимнымъ ихъ кровомъ — спокойно, весело, можно сказать, щасливо. Проживъ около 8ми лѣтъ въ совершенномъ одиночествѣ, я снова находился въ кругу семейственномъ; раздѣлялъ всѣ удовольствія, всѣ разсѣянія милыхъ моихъ хозяевъ — домашнія и общественныя, тихія и шумныя. Почти всѣ вечера, когда только они были дома, проводилъ я вмѣстѣ съ ними и оставилъ большую часть прочихъ знакомыхъ; не рѣдко рас-

полагался ѣхать куда-нибудь на-вечеръ; одѣвался en conséquence; но видя, что было еще рано, вооружась впрочемъ шляпою и перчатками, заходилъ внизъ къ любезнымъ моимъ хозяйкамъ, съ пѣвмъ чшобы провести съ ними нѣсколько минушь. Но вопъ проходитъ четверть часа. Тамъ подають чай; шамъ начинается интересный разговоръ. Вопъ уже и 9 часовъ; вопъ и половина десятаго! Когда уже ѣхать? Входишь человекъ; отдаю ему шляпу и перчатки, съ просьбою опнести къ моему *Лафлеру* и извѣстишь его, что я — остаюсь дома!

Но это щасливое время не продолжалось. Сосѣдки мои уѣхали и я — прожилъ двѣ недѣли одинъ въ пустомъ, большомъ домѣ! Вопъ что записалъ я въ свой журналъ, называемый: *Tablettes de Basile*, въ день ихъ опъѣзда:

„Elles sont parties aujourd'hui, entre 2 et 3 heures après-midi. Pendant toute la matinée j'ai pleuré comme un enfant! Mais, en leur disant adieu, je ne pleurois plus, mais j'avois le coeur bien serré. — Elles m'ont quitté, mes anges-tutélaires! Ce séjour des vertus douces et des talens agréables, de l'amitié et de l'hospitalité n'existe plus pour moi! — Comme ils ont passé vite, ces deux mois de bonheur! Il est probablement écrit dans le livre du destin, que tout ce qui peut m'arriver d'heureux, ne doit jamais durer long-tems.“

Опъѣздъ друзей моихъ распрогаль меня до глубины сердца. Но *умудряющее* время, говоря собственнымъ вашимъ выраженіемъ, разрушило уже для меня много пріятныхъ очарованій всякаго рода; научило меня, что всякое впечатлѣніе, радостное или горестное, поспешенно ослабляется, если не совсѣмъ изглаждается. Я думаль, что обыкновенныя разсѣянія мало по-

малу облегчашь мою грусть и что одно только тихое чувство благодарнаго воспоминанія оспанешся навсегда неразлучно съ образомъ и именами почтенныхъ и гостепріимныхъ моихъ хозяекъ. Вышло напрошивъ! На другой, на прешій день ихъ опъзда дѣлалъ я все возможное, чшобы себя разсѣяшь; но сіе принужденное состояніе вскорѣ меня упомило; горесшь взяла свои права и нѣкопорая унылосшь оспалась мнѣ на все льпо. Ни прекрасная погода, ни прогулки, ни заняшіе — ничшо меня не развлекало. Прешній мой образъ жизни болѣе мнѣ не нравился. Необходимосшь искашь разсѣянія, скакашь за нимъ по городу и по окрешностямямъ — спала для меня шягосшною. Я впалъ въ нѣкопорый родъ *сплина*, коего слѣды видны еще и донынѣ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ, словахъ и письмахъ.

Не должно бышь неблагодарнымъ. Нынѣшній годъ Провидѣніе осыпало меня своими щедрошми. Послѣ многихъ искушеній оно улучшило мой жребій и, посредствомъ дружелюбнаго семейства друзей моихъ, открыло мнѣ испочникъ новыхъ, тихихъ, незабвенныхъ наслажденій. Но все имѣешь свою мѣру. Чаша радости, мнѣ предопредѣленная, можетъ бышь, уже изсякла. Можетъ бышь . . . . но не намъ проникать грядущее! Лобызаю десницу Всевышняго, правосудную и милосердную, испытующую и награждающую!

Довольно: не все же говоришь о себѣ самомъ! — Я вспрѣпилъ здѣсь раза два *Т. Л. Миллеръ*, урожденную *Т****, и имѣлъ случай говоришь съ нею объ васъ. На сихъ дняхъ надѣюсь опять ее увидѣшь у *П. А. Мансурова*, кошораго посѣщаю довольно часто.

Письмо мое слишкомъ уже длинно. Оплагаю до слѣдующаго раза то, что хопѣлъ еще ска-
зашь вамъ. Поблагодарите *Элизу Дранеръ* за
ея драгоцѣнное воспоминаніе.

Tout à vous et pour la vie.

Козловъ.

ИЗВѢСТІЯ.

*Монастырка. Сочиненіе Антона
Погорѣльскаго.*

Монастырка не окончана, и — въ наказаніе
за то любезному творцу Монастырки, уже да-
леко спранспвующему опъ опечесвенныхъ по-
лей и лишперашуры — не должно бы раздра-
жашь подругъ моихъ, чипашельницъ, извѣспі-
емъ о *Монастыркѣ*; но она шакъ мила, шакъ
занимашельна, что надобно поблагодарить Ав-
шора даже и за начало знакомспва съ нею, и
въ то же время изъявишь сожалѣніе, равное по-
му, кошорое возбуждали нѣкогда *Островъ Борн-
гольмъ*, *Рыцарь нашего времени*, *Илья Муро-
мецъ*, а нынѣ *Евгеній Онѣгинъ* — недоконченные.

„Ахъ! если бы перо *Антонія Погорѣльска-
го* очинилось и для *Великороссійскихъ* провин-
ціальныхъ характеровъ, поршпретовъ, общеспвѣ
и проч. и проч.! Какой бы произошелъ блиспа-
шельный перевѣсъ! сколько бы явилось прекрас-
ныхъ соперничеспвѣ! . . .“ Такъ думала одна изъ
чипашельницъ прелеспной Монастырки, сама
бывшая монастырка,

Адель В. А. цко.

Село П***

Полт. Губерн.

1830 г.

Парижскія моды. Балъ Герцога Орлеанскаго.

Долго будешь памятенъ балъ, данный Герцогомъ Орлеанскимъ Ихъ Сицилійскимъ Величествамъ. Эта ночь могла представить воображенію тѣ пишеческія празднества Италіи средняго вѣка, описаніе которыхъ плѣняетъ насъ даже и посреди ея бурныхъ льшописей. Всѣ фасады Пале-Ройяля, гдѣ было сіе Царское пиршество, блистая огнями, привлекали со всѣхъ сторонъ безчисленное множество зрителей и напоминали о стихахъ, внушенныхъ въ другія времена Корнелю, который говоритъ въ своей комедіи *Лжець*:

Que l'Univers entier ne peut rien voir d'égal

Aux superbes dehors du palais Cardinal.

Славнымъ живописцамъ предлежитъ изображеніе этого великолѣпнаго праздника въ картинѣ, которая украсила бы картинную галерею дворца Орлеанскаго, гдѣ нашими артистами изображены плѣнительнѣйшія сцены, происшедшія въ семь дворцѣ. Картина бала, даннаго Ихъ Сицилійскимъ Величествамъ, должна занять мѣсто подлѣ картины, представляющей Петра Великаго въ оперной ложѣ Регенша.

— По большей части платья были креповыя или газовыя, вышитыя шелкомъ и золотомъ. Бѣлый цвѣтъ господствовалъ надъ всѣми прочими.

— Платье Герцогини Беррійской было бѣлое креповое, шитое золотомъ съ готическими узорами; брилліантовой поясъ образовалъ мысъ (pointe) на груди. Платье Неаполитанской Королевы было изъ газа Сен - Валле, краснова-таго цвѣта (couleur saumon), убранный букетами, вышитыми голубымъ шелкомъ и серебромъ.

— Для шляпокъ употребляется матерья изъ шелка и лошадиныхъ волосъ пополамъ, имѣющая отливъ лощенаго гроденаля; она не подбивается, и потому составляетъ наилучшія льшнія шляпки; ихъ убираютъ газовыми ленпами.

— Большая часть газовыхъ леншъ съ бахромкою по обѣимъ сторонамъ.

— Мало носятъ браслешъ; а употребляемые нынѣ уже обыкновенныхъ.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Шляпка изъ палъдери. Платье изъ Индійской кисеи, шитое.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ чтобы, по оппечаташи, предшавлены были въ Целсу-
рный Компшешъ при экземпляр. Москва, Юня 17 го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

